

Роберт Сальваторе Нашествие Тьмы

Забывшие Королевства: Легенда о Дзирте – 9

: lalilulelo; OCR & ReadCheck: J_Blood <http://oldmaglib.com>
«Роберт Сальваторе «Нашествие тьмы»»: Фантастика; СПб.; 2009
ISBN 978-5-9565-0165-8

Аннотация

По наущению Ллос Паучьей Королевы полчища темных эльфов-дроу движутся к Мифрил Халлу. Отстоять владения дворфов Бренору Боевому Топору, Восьмому Королю Мифрил Халла, помогают его приемная дочь Кэтти-бри, дроу-отступник Дзирт До'Урден со своей волшебной подругой пантерой Гвенвивар и хафлинг Реджис. Враги сильны, их поддерживают ужасные создания Бездны, но и дворфы не одиноки — у них есть верные друзья и неожиданные союзники, вовремя приходящие на помощь.

Роберт Сальваторе «Нашествие Тьмы»

Пролог

Средь испарений и клокочущей грязной жижи Бездны женщина-дроу казалась существом из другого мира. Она была удивительно красива, с нежными и правильными чертами лица, а блестящая эбеновая кожа придавала ей сходство с ожившей статуей, с фигурой из обсидиана, в которую вдохнули жизнь.

Все чудовищные порождения тьмы, от ползучих слизняков до громадных существ с крыльями летучей мыши, неотступно следили за каждым ее движением, но издали. Даже самые большие и сильные из них, гигантские демоны, способные снести с лица земли целый город, держались на расстоянии, зная, какой обманчивой может быть внешность. Несмотря на то что эта красивая женщина по сравнению с вселяющими ужас тварями Бездны казалась такой изящной, даже хрупкой, она с легкостью могла уничтожить не только любого из демонов, не сводивших сейчас с нее глаз, но и полсотни чудовищ одновременно.

Они это знали, поэтому женщина беспрепятственно продолжала свой путь. Ибо она была Ллос, Паучьей Королевой, богиней дроу — темных эльфов. Она была воплощением хаоса, орудием разрушения, чудовищем в ангельском облике.

На крошечных островках посреди темной пузырившейся грязи тесно росли громадные толстые грибы. Ллос беззаботно переходила от островка к островку, ступая так легко, что хлюпающая жижа даже не оставляла следов на подошвах ее изящных черных сандалий. Она находила спящих в грибных рощах сильнейших обитателей этого уровня, даже демонов танар'ри, и грубо расталкивала их. Разозленные монстры просыпались, рыча и обещая вечные мучения тому, кто им помешал, но, проснувшись и увидев Ллос, с облегчением узнавали, что ей нужен всего лишь простой ответ на единственный вопрос.

— Где он? — всякий раз спрашивала она, и, хотя никто из тварей точно не знал, где сейчас находится великий демон, их ответы вели Ллос все дальше и дальше, пока наконец она не нашла того, кого искала: огромного танар'ри с собачьей мордой, бычьими рогами и гигантскими кожистыми крыльями, сложенными за спиной. Изнемогая от скуки, он сидел на подобии трона, вырезанном из гигантского гриба, подперев ладонью уродливую голову. Грязными кривыми когтями он время от времени скреб мертвецки бледную щеку. В другой руке он держал многохвостую плеть и лениво стегал ею несчастную тварь, значительно уступающую ему в силе, которую он избрал объектом издевательств на данный отрезок вечности.

Малый демон, съездившись возле трона, жалобно вскрикивал и извивался, вызывая тем самым новый обжигающий удар плетью.

Сидящий монстр вдруг зарычал и резко поднял голову, всматриваясь красными глазами в клубящийся вокруг трона дым. Он почувствовал приближение кого-то могущественного.

И тут показалась Ллос! При виде страшного чудовища она даже не замедлила шаг.

Сперва на морде танар'ри появилась злобная усмешка, и он глухо заурчал, но потом задумался, рассматривая женщину и соображая, как этот аппетитный кусочек угодил в его логово. Сначала он подумал было, что она — нежданный подарок, потерявшийся темный эльф, случайно попавший сюда с Материального уровня, но быстро разобрался, что к чему.

Он сел прямо. Потом с удивительными для своих размеров проворством и легкостью вскочил и навис над непрошеной гостьей всей своей двенадцатифутовой громадой.

— Сядь, Эррту, — нетерпеливо взмахнула рукой Ллос. — Я не собираюсь тебя убивать.

Надменный танар'ри снова зарычал, однако броситься на Ллос не посмел, потому что прекрасно понимал, что она легко может передумать. Лишь уязвленная гордость не дала ему сразу опуститься на сиденье.

— Сядь! — с яростью выкрикнула Ллос, и Эррту плюхнулся на трон, даже не успев сообразить, что делает. С досады он схватился за плетъ и принялся хлестать валявшуюся в ногах хнычущую тварь.

— Зачем ты пришла сюда, дроу? — рявкнул демон, и его низкий голос сорвался на визг, напоминавший скрежет железа по стеклу.

— Ты слыхал о беспорядках в Пантеоне? — спросила Ллос.

Эррту надолго задумался. Конечно, он слышал о том, что боги Королевств борются за власть, ссорятся, ущемляя интересы друг друга, интригуют и используют низшие существа в качестве пешек в своих играх. И в Бездне даже существа, равные по могуществу Эррту, часто оказывались насильно втянутыми в сведение счетов между богами.

Именно это, как понимал и чего опасался демон, могло сейчас произойти с ним.

— Близится время всеобщего раздора, — пояснила Ллос. — Время, когда богам придется расплачиваться за собственную глупость.

Эррту хихикнул, издав ужасающий скрежещущий звук. Ллос бросила на него полный презрения взгляд горящих красных глаз.

— А почему же тебе это не нравится, Владычица Хаоса? — спросил демон.

— Потому, что это произойдет не по моей воле, — с убийственной серьезностью ответила Ллос. — Конечно, мне будет приятно видеть, как эти глупцы в Пантеоне давят друг друга, растеряв остатки напускного достоинства. И все эти передраги коснутся любого божества, которому поклоняются верующие, если оно не будет осмотрительным.

— Ллос никогда не грешила осмотрительностью, — сухо заметил Эррту.

— Но Ллос никогда не была душой, — парировала Паучья Королева.

Эррту кивнул и некоторое время сидел неподвижно на своем грибном троне, размышляя над сказанным.

— А какое отношение все это имеет ко мне? — спросил он наконец. Демонам танар'ри никто не поклонялся, соответственно его силы не зависели от молитв верующих.

— Мензоберранзан, — только и сказала Ллос, назвав легендарный город дроу, где жило больше верующих в нее, чем во всех остальных частях Королевств.

Эррту вопросительно склонил свою уродливую голову.

— Город уже объят хаосом, — пояснила Ллос.

— Как и ожидалось, — вставил демон, хмыкнув. — Поскольку ты сама это устроила.

Ллос не стала отрицать.

— Но есть одна опасность, — продолжала прекрасная женщина-дроу. — Если я буду целиком занята беспорядками в Пантеоне, некому будет ответить на молитвы моих жриц.

— Мне, что ли, на них отвечать? — недоуменно спросил Эррту.

— Верующих нужно защитить.

— Не могу же я отправиться в Мензоберранзан! — громко зарычал Эррту и этими словами выразил свое долго сдерживаемое негодование. Мензоберранзан был городом в Подземье, гигантском лабиринте, скрытом под поверхностью солнечного мира. Невзирая на то что его отделяла от верхнего мира громадная толща сплошного камня, он все же являлся частью Материального уровня. Несколько лет назад Эррту оказался на этом уровне по зову одного не очень сильного колдуна и провел там какое-то время, разыскивая Креншинибон, хрустальный осколок, реликт магического искусства далекого времени, в котором заключена была колоссальная волшебная сила. Тогда осколок почти попал в лапы танар'ри! Демон уже проник в башню, сотворенную по образу и подобию волшебного кристалла, и занялся тогдашним владельцем камня, жалким человечком, который вот-вот умер бы, а демону досталось бы желанное сокровище. Но тут дорогу Эррту перешел темный эльф, отступник, предатель собственного народа и Паучьей Королевы, рожденный в Мензоберранзане, том самом городе, который Ллос хотела защитить!

Тогда Дзирт До'Урден победил его, и для танар'ри поражение на Материальном уровне обернулось бессрочной ссылкой в Бездну.

Вот почему сейчас Эррту затрясся от ярости, и Ллос даже отступила на шаг на случай,

если чудище попытается напасть на нее, не дослушав до конца.

— Действительно, ты не можешь туда отправиться, зато твои прислужники могут, — согласилась она. — Я позабочусь, чтобы межуровневые врата были открыты, даже если все мои жрицы должны будут неусыпно заботиться об этом.

Ее слова потонули в громогласном реве Эррту.

Ллос понимала, что его мучит. Самым большим наслаждением для демона было бы отправиться свободно блуждать по Материальному уровню и терзать слабые души и еще более слабые тела живых существ. Она понимала, но нисколько не сочувствовала танар'ри. Злобная Ллос никогда ни к кому не испытывала сочувствия.

— Сама знаешь, я не могу тебе отказать! — нехотя признался Эррту, подозрительно прищулив громадные, выпученные, налитые кровью глаза.

Действительно, Ллос могла заручиться его помощью, даже просто пообещав оставить его в живых. Но Паучья Королева была более дальновидной. Если бы она просто заставила Эррту служить себе, а потом, как и ожидала, оказалась бы втянутой в надвигающуюся бурю, демон мог бы найти способ улизнуть из-под ее надзора и даже, что еще хуже, попытаться отомстить ей. Ллос была беспощадна и злонамеренна до самых глубин своей темной души, но при том умна и расчетлива. Для этой мухи она припасла сладкий мед.

— Я не угрожаю, — прямо сказала она. — Я предлагаю.

Эррту не перебивал, но видно было, что истосковавшийся и разгневанный демон все еще готов вот-вот сорваться.

— У меня есть для тебя подарок, — вкрадчиво продолжала Ллос. — Он поможет тебе положить конец ссылке, причиной которой стал Дзирт До'Урден.

Но танар'ри, похоже, не поверил ей.

— Никакой подарок и никакая магия не могут сократить срок изгнания, — пробурчал он. — Только тот, кто сослал меня, может расторгнуть договор.

Ллос согласно кивнула — даже богиня была бессильна против этого правила.

— Об этом-то я и толкую! — воскликнула она. — Мой дар заставит Дзирта До'Урдена самого искать встречи с тобой и снова вызвать тебя на свой уровень бытия.

Эррту, похоже, все еще не верил.

Тогда Ллос подняла руку и, крепко сжав кулак, вызвала целый сноп разноцветных искр, вслед за которыми загремел рокошующий раскат грома, потрясший чавкающую трясину; вечный сумрак угрюмой Бездны рассеялся.

Из дымки вышел пленник — жалкий, подавленный, с поникшей головой, ведь Ллос могла сломить гордость любого существа. Эррту не знал этого человека, но сразу сообразил, насколько ценен дар.

Ллос снова крепко сжала кулак, последовала новая вспышка и раскат грома, и ее пленник скрылся в пелене дыма.

Эррту подозрительно смотрел на Паучью Королеву. Предложение было очень и очень соблазнительным, хотя демон знал, что тот, кто хоть однажды доверился дьявольски коварной Ллос, потом дорого платил за собственную глупость. Но Эррту был не в силах сопротивляться. На его собачьей морде появилась отвратительная злорадная ухмылка.

— Взгляни на Мензоберранзан, — сказала Ллос и взмахнула рукой в сторону толстенной ножки ближайшего гриба. Его волокна стали стеклянистыми, и на гладкой поверхности сначала отразился дым, затем Ллос, а потом и демон увидели город дроу.

— Можешь мне поверить, твоя роль будет небольшой, но жизненно важной, — произнесла Ллос. — Не подведи меня, великий Эррту!

Демон понимал, что это в равной степени и просьба, и угроза.

— А подарок? — спросил он.

— Если все пойдет как надо...

Эррту снова бросил на нее подозрительный взгляд.

— Дзирт До'Урден — мелкая рыбешка, — сказала Ллос. — Его Дома больше не существует, поэтому сам по себе он ничего для меня не значит. Но мне будет приятно

видеть, как великий Эррту оплатит ему за те неудобства, которые отступник причинил нам.

Конечно, предложение звучало весьма заманчиво, думал Эррту, но нельзя было забывать, что оно исходило от Ллос, Паучьей Королевы, Владычицы Хаоса.

Однако он помнил и о том, что обещанный ею подарок сулил освобождение от невыносимой скуки. Он мог истязать тысячи мелких бесов день за днем, мучить и снова отшвыривать их, жалобно стенающих, в грязь. Но даже тысяча тысяч подобных дней не пойдут ни в какое сравнение с одним-единственным часом на Материальном уровне, где он мог бы свободно разгуливать среди слабых душ и пытаться тех, кто ничем не заслужил его мести.

Поэтому великий танар'ри согласился.

Часть 1 НАЧАЛО РАЗДОРА

В Мифрил Халле готовились к войне, потому что, хотя во многом благодаря Кэтти-бри мы и нанесли Дому Бэнр болезненный удар, никто не сомневался, что темные эльфы снова встанут на нашем пути. Мать Бэнр должна была впасть в ярость, и я, проводивший в Мензоберранзане всю свою юность, понимал, что, имея врага в лице Матери Первого Дома, не стоило ждать ничего хорошего.

И все же мне нравилось то, что творилось в твердыне дворфов! А больше всего мне нравилось наблюдать за Бренором Боевым Топором.

Бренор, дорогой мой друг! С ним мы сражались вместе еще в Долине Ледяного Ветра — какими далекими кажутся теперь те дни! Когда погиб Вульфгар, я боялся, что Бренор сломлен навсегда, что душевное пламя, всю жизнь ведшее этого несокрушимого дворфа через, казалось бы, непреодолимые препятствия, погасло навеки. Но когда началась подготовка к войне, я понял, что это не так. На теле Бренора стало больше ран — он потерял левый глаз, а ото лба через всю щеку протянулся наискосок голубоватый шрам, — но пламя его духа разгорелось с новой силой, и яркие отблески его светились в здоровом глазу короля.

Бренор руководил всеми приготовлениями, он входил во все: от согласования проектов укреплений, которые надо было возвести в нижних туннелях, до отправки посланников к союзникам в близлежащие города. Принимая решения, он не нуждался в помощи, ибо он был — Бренор, Восьмой Король Мифрил Холла, дворф, переживший множество приключений и заслуженно носивший свой титул.

Скорбь ушла, — к радости друзей и подданных, он снова стал прежним Бренором.

— Пусть приходят эти проклятые дроу! — частенько ворчал он, кивая при этом в мою сторону, если я оказывался неподалеку, как бы давая понять, что о присутствующих не говорят.

По правде сказать, это воинственное ворчание Бренора было сладчайшей музыкой для моих ушей.

Я спрашивал себя, что же заставило скорбящего дворфа вынырнуть из самой глубины отчаяния? Да и не только Бренор, все вокруг чувствовали воодушевление: дворфы, Кэтти-бри, даже Реджис, хотя хафлинг обычно с большей охотой готовился к обеду и сладкой дреме, чем к войне. Я и сам ощущал подъем. Этот зуд ожидания, это чувство товарищества, побуждавшее нас всех хлопать друг друга по плечу, шумно восхвалять даже простейшие усовершенствования оборонительных укреплений и дружными приветственными криками встречать любые добрые вести.

Что же это было? Нечто гораздо большее, чем общий страх, чем чувство благодарности за все, что мы имели, перед лицом угрозы все потерять. В то время лихорадочной деятельности и упоения общими усилиями я этого не осознавал.

Сейчас я, мысленно оборачиваясь назад, ясно вижу, что за чувство сплотило нас тогда.

Надежда!

Для любого разумного существа нет более основополагающего чувства. В душе каждый из нас и все вместе надеются, что будущее окажется лучше прошлого, что наши потомки и их потомки будут чуточку ближе к идеальному обществу, каким бы мы его себе ни представляли. Само собой, мечты о будущем воинственного варвара разительно отличаются от надежд мирного селянина. И дворф никогда не захочет жить в мире, напоминающем идиллию эльфов. Но сама надежда в основе своей остается все той же. Именно тогда, когда мы ощущаем, что помогаем приближению к благой цели, — как в Мифрил Халле, когда мы думали, что битва с Мензоберранзаном не за горами, но верили, что мы разгромим темных эльфов и навсегда положим конец угрозе, исходящей от этого черного города, — так вот именно тогда мы переживаем подлинный душевный подъем.

Надежда — основа всего. Будущее должно быть лучше прошлого. Без этой веры останется лишь самовлюбленное, эгоистичное и предельно пустое существование в настоящем, как живут дроу, или же обычное безнадежное прозябание в ожидании смерти.

Бренор и все мы увлеклись общим делом, и никогда я не чувствовал себя более полным жизни, чем в те дни, когда Мифрил Халл готовился к войне.

Дзирт До'Урден

Глава 1 ДИПЛОМАТИЯ

Ее тяжелые золотисто-каштановые локоны развевались, а сама Кэтти-бри с жаром отбивала неуловимо мелькающие сабли дроу. Она была сильной женщиной — сто тридцать фунтов сплошных мускулов, закаленных и тренированных жизнью с народом Бренора. Она умела обращаться даже с молотом и наковальней.

С мечом она тоже прекрасно управлялась, а ее новый клинок с навершием в виде головы единорога, сделанным из белого металла, далеко превосходил любое оружие, какое ей приходилось когда-либо держать в руках. Все же в этот день противник жестоко теснил Кэтти-бри и совершенно явно превосходил ее в умении. Впрочем, мало кто во всех Королевствах мог бы сравниться в мастерстве владения клинками с Дзиртом До'Урденом, воином-дроу.

Он был примерно такого же роста и комплекции, что и Кэтти-бри, может, на пару фунтов потяжелее, и все его тело сплошь состояло из тугих мускулов. Белые волосы, почти такой же длины, как и у девушки, были такими же густыми, а гладкая эбеновая кожа блестела от пота, что было лестным подтверждением умения и ловкости противницы.

Обе сабли Дзирта скрестились перед ним (один клинок сверкал яростным голубым светом даже сквозь надетый на него защитный чехол), потом широко разошлись, как бы приглашая Кэтти-бри сделать выпад.

Но она хорошо знала его уловки. Дзирт двигался молниеносно, он мог ударить одним клинком по самому острию меча, а другим, послав его в противоположном направлении, отбить меч противника к земле у самой рукояти. Сделав лишь один шаг в сторону, следуя движению одной из сабель, Дзирт победил бы ее.

Поэтому Кэтти-бри отступила назад и выставила меч перед собой. И встретила взглядом с лавандовыми глазами дроу.

— Что, упустила возможность? — поддразнил Дзирт.

— Да нет, избежала ловушки, — не полезла за словом в карман Кэтти-бри.

Дзирт стремительно бросился в наступление, его сабли скрестились, потом, со свистом разрезая воздух, широко разлетелись, один клинок сверху, другой снизу. Кэтти-бри отставила левую ногу и пригнулась, отражая нижнее лезвие мечом и одновременно наклонив

голову, чтобы не получить удар верхним.

Но она могла не стараться, потому что сабли разошлись слишком быстро, еще до того, как Дзирт успел сделать шаг вслед за движением рук, и оба клинка со свистом рубанули воздух, не достигнув цели.

Кэтти-бри заметила образовавшуюся брешь и сделала выпад мечом.

С непостижимой быстротой мелькнули сабли Дзирта, лязгнув по ее клинку с обеих сторон. Но Дзирт очень неудачно стоял, поэтому не успел, следуя движению оружия, сделать один шагжок наискосок и использовать свое преимущество.

Девушка ступила вперед и в сторону, выдернув меч из захвата, и напала на Дзирта, нанеся удар в бедро.

Дзирт парировал наотмашь, высоко отбив ее оружие.

Они снова разошлись, не отрывая глаз друг от друга. Кэтти-бри лукаво улыбалась. За долгие месяцы тренировок она впервые чуть было не нанесла удар искусному и ловкому дроу.

Однако, заметив выражение лица Дзирта, она перестала радоваться, а дроу, досадливо мотнув головой, всадил острия своих сабель в пол.

— Дело в браслетах? — спросила Кэтти-бри, имея в виду волшебные мифриловые кольца на полосах черной ткани, охватывавшие предплечья Дзирта. Он снял их с тела Дантрага Бэнра, бывшего оружейником Первого Дома Мензоберранзана, победив его в схватке. По слухам, благодаря этим браслетам руки Дантрага двигались с невероятной быстротой, давая ему преимущество в бою.

Победив быстрого, как молния, Бэнра, Дзирт и сам в этом убедился, а поносив браслеты в учебных поединках последних недель, изучил их возможности. Однако он не был уверен, что ношение волшебных браслетов всегда идет на пользу. В битве с Дантрагом ему удалось обернуть очевидное преимущество противника против него же, поскольку руки оружейника двигались столь быстро, что тот был не в состоянии изменить траекторию уже начатого движения и не мог вовремя среагировать, если соперник делал неожиданный ход. Теперь же, пользуясь браслетами в тренировочных боях, Дзирт обнаружил еще один недостаток.

Ноги отставали от рук.

— Ты приспособишься, — утешала его Кэтти-бри.

Однако Дзирт вовсе не был в этом уверен.

— Искусство боя — это искусство равновесия и движения, — пояснил он.

— Но ведь теперь ты двигаешься быстрее! — воскликнула девушка.

Дзирт покачал головой.

— Только руки, — ответил он. — Нельзя одержать победу одними руками. Для победы воину нужны и ноги, чтобы придать своему телу лучшее положение для удара, когда соперник раскрывается.

— Но ты научишься, — снова сказала Кэтти-бри. — Дантраг был лучшим воином Мензоберранзана, и ты сам говорил, что все дело в браслетах.

Дзирт тоже думал, что волшебные предметы очень помогали Дантрагу, но считал, что бойцу его уровня или, скажем, уровня Закнафейна, его отца, от них будет немного прока. Возможно, решил Дзирт, они были бы хорошим подспорьем для менее искусного воина, который смог бы положиться исключительно на быстроту своего оружия. Но настоящий воин, мастер, достигший согласованности между всеми мускулами тела, только утратил бы гармонию. Может быть, браслеты помогли бы тому, кто дерется тяжелым оружием, например боевым молотом, таким как Клык Защитника. Дзирт же орудовал своими саблями, тонкими клинками весом не более двух фунтов, доведенными до совершенства мастерством ремесленника и заклинаниями. И без малейшего усилия, и даже без браслетов, движения его рук опережали движения ног.

— Ну давай же, — поддела его Кэтти-бри, медленно ведя мечом перед собой. Ее большие голубые глаза сузились, а прекрасно очерченные бедра напряглись, когда она чуть

присела.

Дзирт понимал, что она решила воспользоваться его слабой стороной. Теперь она знала, в чем его недостаток, и хотела отыграться за те многочисленные уколы, которые он нанес ей в учебных поединках.

Дзирт тяжело вздохнул и поднял оружие. Он готов был сделать одолжение Кэтти-бри, но пусть она его заработает!

Он медленно двинулся вперед, не переходя в наступление. Она сделала выпад, и он дважды ударил по мечу еще прежде, чем тот приблизился, правой саблей по левой стороне лезвия и снова по левой стороне уже левой саблей, отклонив клинок соперницы книзу.

Кэтти-бри, держась направления удара, описала круг, уходя от противника. Когда она обернулась, Дзирт, как и следовало ожидать, стоял перед ней, играя саблями.

Но терпеливый дроу по-прежнему сдерживал себя, не переходя в быстрое напористое наступление.

Его клинки снова скрестились и разошлись, дразня девушку.

Она сделала выпад вперед, полная решимости попасть в ускользящую брешь в его защите. И вновь мелькнули сабли, последовало несколько ударов, опять по левой стороне лезвия меча. Как и в предыдущий раз, Кэтти-бри развернулась, но теперь Дзирт перешел в наступление.

Девушка почти присела и подалась назад. Обе сабли Дзирта рассекали воздух над ее головой и перед лицом, поскольку он опять не успел переступить и стать в нужную боевую стойку.

И тут Дзирт с удивлением обнаружил, что Кэтти-бри перед ним больше нет.

Он называл этот прием «шаг призрака» и сам научил ему девушку всего неделю назад. Суть его заключалась в том, чтобы воспользоваться летящим оружием противника как своеобразным оптическим заслоном и передвинуться в недоступной его зрению области так быстро и с таким совершенством, чтобы противник не понял, что ты сделал шаг вперед и в сторону, встав рядом с его выставленной вперед ногой.

Дроу машинально махнул саблей назад, направив клинок вниз, поскольку Кэтти-бри не распрямлялась. Он ударил слишком рано, и его клинок, увлекаемый инерцией движения, пронесся дальше, не предупредив выпад девушки.

Меч с намерением в виде головы единорога с силой ударился в его бедро, и Дзирт вздрогнул.

Для Кэтти-бри наступило мгновение чистейшего восторга. Конечно, она понимала, что браслеты мешали Дзирту и он совершал ошибки — а их Дзирт До'Урден не делал с тех времен, когда был еще юным бойцом, — но, даже учитывая эту помеху, дроу оставался сильным противником, и вряд ли кто-то мог одержать над ним верх.

Поэтому какое блаженное чувство овладело Кэтти-бри, когда ее меч наконец беспрепятственно проник сквозь защиту дроу!

Но радость тут же сменилась странным непреодолимым желанием всадить клинок глубже, внезапной необъяснимой злостью, направленной на самого Дзирта.

— Касание! — воскликнул Дзирт, что означало — он «ранен», и тогда Кэтти-бри выпрямилась в некотором замешательстве. Дзирт уже стоял в нескольких футах от нее и потирал поцарапанное бедро.

— Прости, — сказала она, поняв, что удар был сильнее, чем она рассчитывала.

— Ничего страшного, — с хитрецей ответил Дзирт. — Могу поспорить, что один этот порез не сравнится с суммой неприятных ощущений, которые тебе доставили уколы моих сабель. — На губах темного эльфа играла плутовская улыбка. — И с теми неприятными ощущениями, которые они тебе еще доставят!

— А я так думаю, что скоро стану с тобой наравне, Дзирт До'Урден, — спокойно и уверенно ответила Кэтти-бри. — Ты, конечно, нанесешь мне удары, но и свои получишь, будь уверен!

И они оба рассмеялись, а потом девушка отошла в другой конец комнаты и стала

снимать тренировочную одежду.

Дзирт стянул чехол с одной из сабель и задумался над словами Кэтти-бри. Что правда, то правда, она делает значительные успехи. У нее сердце воина, облагороженное поэтичной душой, — весьма опасное сочетание. Как и Дзирт, Кэтти-бри предпочтет решить спор словами, а не вступать в бой, но, когда все дипломатические уловки использованы, она будет сражаться с чистой совестью и подлинной страстью. Она вложит в схватку всю душу и все свое умение, а и тем, и другим девушка обладала в избытке.

А ведь ей всего двадцать! Если бы она родилась дроу в Мензоберранзане, то была бы сейчас в Арах-Тинилит, школе Ллос, где лживые жрицы Паучьей Королевы изо дня в день калечили бы ее чистую душу. Дзирт отогнал неприятную мысль; ему противно было даже представить Кэтти-бри в этом жутком месте. А если бы она родилась мужчиной и вместо этого попала в Мили-Маггир, школу воинов? Каково бы ей пришлось среди юнцов-дроу?

Скорей всего, решил Дзирт, Кэтти-бри была бы одной из лучших в классе благодаря своей страстной натуре и целеустремленности. Дзирт подумал о том, чему еще она сможет научиться под его руководством, и на его лице появилось печальное выражение, поскольку он хорошо осознавал ограничения, наложенные на девушку ее рождением. Ему самому было за шестьдесят; по меркам дроу, он только вышел из юношеского возраста, поскольку темным эльфам было отпущено не меньше семи веков, но, когда Кэтти-бри достигнет его нежного возраста, она будет слишком стара, чтобы сражаться с блеском.

Мысль об этом причиняла Дзирту острую боль. Ему суждено увидеть, как Кэтти-бри состарится, а потом уйдет в мир иной, если только его собственную жизнь не оборвет клинок врага или когти чудовища.

Сейчас девушка снимала толстый защитный костюм и расстегивала металлический воротник, а Дзирт смотрел на нее. Под тренировочной одеждой на ней была надета только легкая рубашка. Ткань пропиталась потом и прилипла к телу.

Хоть она и воин, отметил про себя Дзирт, но она еще и красивая молодая женщина, сильная, с точеными формами, в теле которой заключена юная непоседливая душа и горячее сердце.

Если бы Дзирт не был так погружен в собственные раздумья, он, несомненно, услышал бы, как внезапно распахнулась дверь, впустив в комнату отдаленный рокот кузнечных горнов и лязг молотов.

— Эй! — послышался вопль от двери, и, повернувшись, Дзирт увидел влетевшего в комнату Бренора. Он почти приготовился к тому, что приемный отец Кэтти-бри, чересчур уж пекшийся о ней, сейчас с возмущением спросит, на что это Дзирт, Девять Проклятых Кругов, пялится. Поэтому дроу перевел дух, когда неистовый рыжебородый дворф, брызгая слюной, стал вместо этого громко бранить Сэттлстоун, поселение варваров к югу от Мифрил Халла.

Однако Дзирт почувствовал, что щеки его запылали (и от души понадеялся, что из-за черной кожи румянец будет незаметен), покачал головой, провел рукой по белым волосам, отбрасывая их с лица, и тоже начал снимать костюм.

Кэтти-бри подошла поближе, на ходу стряхивая капельки пота с густой шевелюры.

— Берктгар оказался несговорчивым? — предположила она, подразумевая Берктгара Смелого, нового вождя Сэттлстоуна.

Бренор фыркнул:

— А чего еще ждать от Берктгара?

Дзирт взглянул на прекрасную Кэтти-бри. Ему не хотелось думать о том, что она состарится, хотя он и был уверен, что она встретит старость с бо льшим достоинством, чем большинство людей.

— Он гордый, — ответила она отцу, — да к тому же боится.

— Пф! Чего ему бояться? Пара сотен сильных молодцев вокруг, и при этом ни одного врага поблизости.

— Он боится, что не сможет тягаться с тенью своего предшественника, — пояснил Дзирт, и Кэтти-бри кивнула.

Бренор уже готов был выкрикнуть что-то еще, но затих, обдумывая слова друу. Берктгар жил в тени Вульфгара, в тени величайшего героя варварского племени из Долины Ледяного Ветра. Того самого, что убил белого дракона Ледяную Смерть; того юношу, который, едва достигнув двадцати лет, смог объединить свирепые племена и дать им возможность зажить лучшей жизнью.

Вряд ли кто-либо из смертных сможет затмить деяния Вульфгара, подумал Бренор, и решительно кивнул в знак согласия с доводами друзей. Но при этом печаль облаком набежала на его лицо и затуманила серо-стальные глаза, потому что Бренор все еще не мог без грусти думать о Вульфгаре, бывшем ему как сын.

— А с чего, собственно, он оказался несговорчивым? — уточнил Дзирт, чтобы поскорее отвлечь дворфа от грустных мыслей.

— Да все из-за этого проклятого союза! — взорвался Бренор.

Дзирт и Кэтти-бри недоуменно переглянулись. Какая-то бессмыслица! Варвары Сэттлстоуна и дворфы Мифрил Халла и так были союзниками, работали сообща: люди Бренора добывали драгоценный мифрил и делали из него прекрасные вещи, а варвары служили посредниками между ними и купцами из близлежащих городов, Несма на Торфяных болотах и Серебристой Луны на востоке. Народы Бренора и Вульфгара вместе сражались, чтобы очистить Мифрил Халл от злобных дергаров — серых дворфов, а потом пришедшие из далекой Долины Ледяного Ветра варвары, под влиянием крепкой дружбы с кланом Бренора, решили остаться в окрестностях Мифрил Халла. Так что теперь, когда нависла угроза нападения темных эльфов, несговорчивость Берктгара представлялась совершенно нелепой.

— Он требует молот, — объяснил Бренор, видя, что Кэтти-бри и Дзирт ему не верят.

Так вот в чем дело! Этим молотом был могучий Клык Защитника, который Бренор сам выковал для Вульфгара и подарил ему, когда юный варвар, связанный договором, находился в подчинении у рыжебородого дворфа. Как раз в те годы Бренор, Дзирт и Кэтти-бри убедили неистового юношу, что в жизни есть много разных путей.

Конечно, Берктгар жаждет заполучить Клык Защитника, подумал Дзирт. Этот боевой молот теперь стал чем-то бо льшим, чем просто оружием; для суровых жителей Сэттлстоуна он был символом, памятью о Вульфгаре. И если бы Берктгару удалось склонить Бренора к тому, чтобы отдать ему молот, его положение как главы своего народа значительно укрепилось бы.

Вполне трезвый расчет, но Дзирт знал: никогда и ни за что Берктгару не удастся уговорить дворфа отдать ему молот.

Бренор смотрел на Кэтти-бри, и Дзирт тоже взглянул на нее, гадая, не думает ли она о том, что лучше поступиться Клыком Защитника в преддверии войны. Какие чувства сейчас, наверное, борются в ее душе! Ведь она должна была выйти замуж за Вульфгара; они росли вместе и большинство уроков жизни прошли сообща. Сможет ли Кэтти-бри закрыть глаза на прошлое, перечеркнуть собственную скорбь и принять рассудочное решение ради того, чтобы укрепить военный союз?

— Нет, — в конце концов твердо сказала она. — Молот он не получит.

Дзирт обрадовался, что девушка не предала память Вульфгара и свою любовь. Он тоже братски любил молодого варвара и не мог себе представить, чтобы кто-то другой, хоть Берктгар, хоть сам бог войны Темпос, стал хозяином Клыка Защитника.

— У меня и в мыслях ничего подобного не было, — подтвердил Бренор. Он сердито потряс кулаком в воздухе, и при этом мышцы на его руке напряглись. — Но если этот олений недоносок возникнет еще раз, он у меня кое-что получит, не сомневайтесь!

Дзирт понял, что назревает серьезное затруднение. Берктгар хотел получить молот, что было вполне понятно и объяснимо, но молодой честолюбивый вождь варваров, по-видимому, не понимал всей неуместности своего требования. Этот конфликт мог не только вызвать натянутые отношения между двумя народами, но даже привести их в состояние войны, поскольку Дзирт ничуть не сомневался в серьезности угрозы Бренора. Если Берктгар

снова придет требовать молот в качестве платы за то, на что он и так должен согласиться без всяких условий, скорее всего он вернется на поверхность без рук и без ног. А дворфам теперь очень нужны были союзники.

— Мы с Дзиртом отправимся в Сэттлстоун, — предложила Кэтти-бри. — И заручимся поддержкой Берктгара, не обещая ему ничего взамен.

— Да этот парень просто дурак! — кипятился Бренор.

— Зато его народ умен, — возразила Кэтти-бри. — Вождь хочет получить молот, чтобы его больше уважали. Но мы объясним, что его будут уважать меньше, раз он требует то, на что не имеет права.

Глядя на девушку, Дзирт думал о том, что она сильна, полна энтузиазма да еще так разумна. Наверняка она сделает то, что сказала.

Когда Бренор и Кэтти-бри ушли, Дзирт испустил долгий вздох. Он видел, что в походке короля появилась прежняя упругость, жизнь снова была в нем ключом. Сколько еще продлится правление короля Бренора Боевого Топора? Сто лет? Двести?

В любом случае, если только жизнь его не оборвет клинок неприятеля или когти чудовища, дворфу тоже суждено пережить старость и смерть Кэтти-бри.

Глядя на легкую поступь юной, полной жизни женщины, Дзирт не в силах был думать об этом.

* * *

Хазид'хи, или Потрошитель, спокойно висел на бедре Кэтти-бри, его гнев уже улегся. Чуткий меч был доволен успехами девушки. Вне всякого сомнения, она была очень одаренной, но Хазид'хи нужно было больше, он хотел принадлежать только самому лучшему воину.

И пока таким воином являлся Дзирт До'Урден.

Когда дроу-отступник убил его прежнего владельца, Дантрага Бэнра, Хазид'хи должен был достаться Дзирту. Меч изменил форму своего навершия, как обычно делал, и теперь его рукоять венчала голова единорога вместо головы демона (которой он привлек Дантрага), поскольку меч знал, что единорог — знак богини, которой поклонялся Дзирт До'Урден. Но дроу отдал меч Кэтти-бри, предпочитая сабли.

Сабли!

Как же теперь Хазид'хи хотел, чтобы он мог по желанию менять форму лезвия, а не только навершия! Если бы он только мог слегка его изогнуть, чуть укоротить и сделать немного потолще...

Но этого Хазид'хи сделать не мог, и Дзирт никогда не возьмет меч себе. Зато женщина хороша и с каждым днем становится все лучше. Правда, она всего лишь человек и не проживет достаточно долго, чтобы добиться такого же мастерства, как Дзирт, но можно внушить ей, скажем, желание убить темного эльфа...

Ведь есть так много способов стать лучшим из лучших.

* * *

Мать Бэнр, даже по меркам дроу настолько дряхлая, что ей давно пора было лежать в могиле, стояла посреди большой часовни Первого Дома Мензоберранзана и наблюдала, как медленно идут работы по извлечению острого, как копье, сталактита из купола здания. Она не сомневалась, что часовня снова будет иметь прежний вид. С пола уже убрали мусор и отскоблили пятна крови десяти погибших в этой катастрофе дроу.

Но осталась боль того злосчастного мига, мига высочайшей славы Первой Матери, обернувшегося позором на глазах всех Высших Матерей Мензоберранзана. Сталактит, как нож, вонзился в свод часовни, но лучше бы он пронзил сердце самой Матери Бэнр. Она с таким трудом привела к согласию враждующие Дома города дроу, укрепив союз посулами

невиданной славы, когда объединенная армия дроу завоюет Мифрил Халл во славу Паучьей Королевы. Во славу самой Матери Бэнр!

Теперь, с падением сталактита и побегом предателя Дзирта До'Урдена, все надежды рухнули. Из-за Дзирта она потеряла своего сына, Дантрага, пожалуй лучшего оружейника Мензоберранзана. Из-за Дзирта она потеряла свою дочь, злобную Вендес. Но больше всего уязвляло старуху, что из-за проклятого отступника и его друзей развалился союз, залог ее беспримерной славы. Потому что в то самое мгновение, когда гигантский сталактит пробил купол священного храма Ллос во время торжественной службы, вера Матерей Домов в то, что военный союз и готовящаяся война угодны Паучьей Королеве, рухнула. Все они в спешке разбежались по своим резиденциям, наглухо закрыли ворота и в тишине сами стали выяснять, какова же воля Ллос.

Положение Матери Бэнр очень сильно пошатнулось.

Но, несмотря на все происшедшее, Мать Первого Дома все еще верила, что союз можно восстановить. На цепочке вокруг ее шеи висело кольцо, вырезанное из зуба древнего короля дворфов, некоего Гэндалуга, основателя клана Боевого Топора и Мифрил Халла. Мать Бэнр имела власть над его душой и благодаря этому узнала расположение всех ходов и выходов в твердыне дворфов. Даже невзирая на побег Дзирта, темные эльфы могут проникнуть в Мифрил Халл и покарать предателя и его друзей.

Она все еще могла восстановить содружество, но по какой-то причине, которой Бэнр не понимала, сама Паучья Королева, Ллос, сдерживала ее. Престарелой матроне явились йоклол, прислужницы Ллос, и предупредили, что ей следует забыть о союзе, заняться собственной семьей и блюсти оборону Дома. Такого предупреждения не посмела бы послушаться ни одна из жриц Паучьей Королевы.

Услышав позади себя резкий стук тяжелых сапог по камню и звон многочисленных украшений, она, даже не оборачиваясь, поняла, что пришел Джарлакс.

— Ты сделал все, как я сказала? — обратилась она к нему, по-прежнему наблюдая за работами под куполом.

— И я приветствую тебя, Мать Первого Дома, — саркастически отозвался наемник.

Мать Бэнр обернулась, сердито глядя на него, хотя она и другие верховные Матери всегда так смотрели на главаря наемников.

Он держался вызывающе — иначе не скажешь. Темные эльфы Мензоберранзана, в особенности мужчины, находившиеся в приниженном положении, обычно носили неброскую практичную одежду темных тонов, украшенную орнаментом из пауков и паутины, или же простые черные кожаные куртки под тонкими кольчугами. И мужчины, и женщины почти не расставались с маскирующими пивафви, темными плащами, скрадывавшими очертания тел, делая их менее приметными для глаз врагов.

Но к Джарлаксу это не относилось. На его бритую макушку была нахлобучена совершенно невероятная широкополая шляпа, украшенная громадным плюмажем из перьев диатримы. Вместо плаща или мантии он носил накидку, переливавшуюся всеми цветами радуги как в нормальном, так и в инфракрасном спектре. Короткая рубашка без рукавов обнажала рельефные брюшные мышцы. К тому же на нем было надето невообразимое количество самых разных драгоценностей: кольца, цепи и ожерелья, браслеты, даже ножные браслеты, — и все это громко позвякивало, но лишь тогда, когда сам наемник этого хотел. Как и сапоги, так громко простучавшие по каменному полу часовни, все эти ценности могли не издавать ни звука.

Мать Бэнр обратила внимание, что обычная повязка Джарлакса была сегодня передвинута на левый глаз, но, что это означало, если в этом вообще был какой-то смысл, она не знала.

Да и кто мог сказать, какие волшебные силы были заключены в этой его повязке, побрякушках и сапогах, в двух волшебных палочках, заткнутых за пояс, или в прекрасном мече, висевшем на перевязи рядом с ними? Мать Бэнр подозревала, что половина этих вещей были фальшивыми, с совсем незначительными магическими возможностями или же вовсе

без таковых, может, они только и могли, что оставаться беззвучными при движении. Вообще половина всего, что делал Джарлакс, было блефом, но зато остальные его поступки — коварными и чрезвычайно опасными.

Вот почему настырного наемника следовало остерегаться.

И именно поэтому Мать Бэнр так ненавидела его и так нуждалась в нем. Он был главарем Бреган Д'эрт, разветвленной сети шпионов, воров и убийц, большинство из которых были мужчины-дроу без семьи, лишившиеся Дома в ходе многочисленных междоусобных войн. Члены Бреган Д'эрт были не менее загадочны, чем их непредсказуемый главарь, их никто не знал, но они обладали значительной властью, сравнимой с властью наиболее сильных Домов, и всегда добивались своего.

— Что тебе удалось узнать? — прямо спросила Мать Бэнр.

— Да, теперь сто лет не отмыться, — дерзко отвечал мошенник.

Старуха Бэнр угрожающе сощурила горящие красные глаза, и Джарлакс понял, что она совсем не в настроении сносить его шуточки. Она была напугана, он хорошо это понимал, и причина, учитывая катастрофу в часовне, была достаточно серьезной.

— Никакого заговора я не обнаружил, — поспешно добавил он совсем другим тоном.

Мать Бэнр бросила на него удивленный взгляд и даже отступила на шаг, пораженная столь недвусмысленным ответом. Само собой, она уловила бы явную ложь, воспользовавшись определенным заклинанием. И конечно, Джарлакс это знал. Однако такие заклинания, как правило, не слишком беспокоили хитрого наемника, потому что он прекрасно умел обойтись без прямых ответов на вопросы, не говоря всей правды, но и не прибегая к откровенной лжи.

Однако сейчас он говорил правду и отвечал точно на заданный вопрос. По крайней мере Мать Бэнр решила, что он говорит правду.

Но ей было трудно в это поверить. Может, заклинание подвело? А может, Ллос отвернулась от нее в наказание за позорное поражение? И теперь вводит ее в заблуждение, заставляя поверить в искренность слов Джарлакса?

— Мать Мез'Баррис Армго, — продолжал Джарлакс, называя имя главы Барризон дель'Армго, Второго Дома, — верна и тебе, и твоему делу, даже невзирая на... — он помедлил, подыскивая слово, — помехи во время торжественной службы, — наконец нашелся он. — Мать Мез'Баррис даже приказала своему гарнизону быть в состоянии боевой готовности на случай, если кампанию против Мифрил Халла решено будет возобновить. И уверяю тебя, они горят желанием начать поход, особенно теперь, после... — Наемник умолк и вздохнул с притворной печалью, но Мать Бэнр поняла, что он хотел сказать.

Ясно, что Мез'Баррис не терпит отправиться в Мифрил Халл, ведь после гибели Дантрага Бэнра ее собственный оружейник, могучий Утегенталь, стал первым воином города. Если Утегенталь схватит отступника До'Урдена, можно представить, какие почести ожидают Дом Барризон дель'Армго!

Но это трезвое и, по-видимому, честное заявление Джарлакса разбило страхи Матери Бэнр, потому что никакой союз других Домов без пособничества Барризон дель'Армго Дому Бэнр был не страшен.

— Конечно, среди тех твоих детей, кто остался в живых, началось какое-то движение, — продолжал Джарлакс. — Но они почти не общаются, и даже если кто-нибудь из них и задумал что-то против тебя, то им придется обойтись без помощи Триль, которая со времени побега отступника очень занята в Академии.

Мать Бэнр ничем не выдала, какой камень свалился с ее души. Если Триль, которая из всех ее дочерей обладала самой большой властью и, несомненно, пользовалась наибольшей благосклонностью Ллос, не собиралась восставать против своей матери, то удара изнутри можно и не опасаться.

— Ожидают, что скоро ты объявишь Бергиньона новым оружейником, и Громф не будет возражать против этого, — заметил Джарлакс.

Громф был старшим сыном Бэнр и Архимагом Мензоберранзана, в его руках была

сосредоточена власть, какой не было ни у одного из мужчин города (кроме, пожалуй, изворотливого Джарлакса). Громф вряд ли будет иметь что-то против назначения Бергиньона. Иерархия дочерей Мать Бэнр не беспокоила. Триль была Матерью-Хозяйкой Арах-Тинилит в Академии, и, хотя те дочери, что оставались в доме, и могли сцепиться за обязанности и привилегии, которыми при жизни обладала Вендес, самой Матери это не касалось.

Старуха Бэнр перевела взгляд на сталактит, которым Дзирт и его друзья пронзили купол часовни. Удовлетворения она не чувствовала. В жестоком, не знающем жалости Мензоберранзане самоуспокоение и самодовольство слишком часто вели к сокрушительному падению.

Глава 2 ОТРЯД «ВЕСЕЛЫЕ МЯСНИКИ»

— Ты думаешь, он нам понадобится? — спросила Кэтти-бри, идя с Дзиртом по коридорам нижнего уровня Мифрил Халла. Коридор открывался в гигантскую многоярусную пещеру, где находился знаменитый Нижний Город дворфов.

Дзирт приостановился и взглянул на нее, потом пошел налево, потянув девушку за собой. Из коридора они вышли на второй снизу ярус бескрайней пещеры.

Здесь царила суматоха. Дворфы пересекали пещеру во всех направлениях. Они кричали, пытаясь перекрыть непрекращавшееся гудение громадных кузнечных мехов и громкий звон бивших по мифрилу молотов. В этой гигантской пещере, восточная и западная стены которой спускались к полу громадными уступами, так что вся она напоминала перевернутую ступенчатую пирамиду наизнанку, и было самое сердце Мифрил Халла. В самом низу, на полу, располагались огромные топки. Крепкие дворфы толкали тяжелые, груженные рудой тачки по определенным маршрутам, в то время как другие работали у горнов, а третьи тащили на верхние ярусы маленькие тележки с чистым металлом. Там, наверху, многочисленные ремесленники изготавливали из этого сырья всякие удивительные вещи. Например, серебряные приборы, украшенные драгоценными камнями кубки и богато отделанные шлемы — роскошные, но совершенно бесполезные. Сейчас же, когда все жили в ожидании войны, дворфы переключились на оружие и настоящие, надежные доспехи. Неподалеку от Кэтти-бри и Дзирта один дворф, сплошь покрытый сажей, так что даже цвета его бороды было не различить, прислонил к стене метательное копьё с железным древком и покрытым мифрилом наконечником. Коротенькому дворфу даже не достать было до его верхушки на высоте восьми футов, но, глядя на зазубренный наконечник, он довольно посмеивался. Должно быть, представлял, как замрут от ужаса бедняжки дроу, когда это копьё полетит в них.

На одном из высоких мостов, перекинутых между ярусами, футах в ста пятидесяти над головами друзей, разгорелся жаркий спор. Во всеобщем гуле и грохоте Кэтти-бри и Дзирт почти не различали слов, но поняли, что там говорят о том, что надо бы обрушить этот и остальные мосты, чтобы вынудить солдат дроу идти теми путями, что выберут сами дворфы, если захватчики попытаются попасть на верхние уровни Мифрил Халла.

Хотя все, и Дзирт, и Кэтти-бри, и Бренор, надеялись, что до этого не дойдет.

Друзья понимающе переглянулись. За всю долгую историю Мифрил Халла Нижний Город редко жил в таком возбуждении. Сейчас же все были как в угаре. Две тысячи дворфов носились очертя голову, кричали, колотили молотами и тягали грузы, которые и мулу-то не поднять.

И все потому, что боялись прихода дроу.

Тогда Кэтти-бри поняла, почему Дзирт решил сделать крюк и пройти через эту пещеру, почему настаивал на том, чтобы поговорить с хафлингом Реджисом до того, как они отправятся в Сэтлстоун.

— Ну, пойдём искать этого проныру, — прокричала она, чтобы Дзирт ее услышал.

Дзирт кивнул и двинулся вслед за ней в слабо освещенные коридоры, где было сравнительно тихо. Они шагали прочь от Нижнего Города, к дальним помещениям, где, как сказал Бренор, можно было найти хафлинга. Они передвигались беззвучно; Дзирт был поражен, как тихо научилась ступать Кэтти-бри. На ней, как и на нем, была тонкая кольчуга из мелких, но необычайно крепких мифриловых колечек, подогнанная по фигуре Бастером Брейсером, лучшим оружейником Мифрил Халла. Сидевшая на Кэтти-бри кольчуга еще раз подтверждала его репутацию, потому что сделана она была с таким мастерством и была такой эластичной, что повторяла все ее движения не хуже рубашки из плотной ткани.

Сапоги девушки, как и у Дзирта, были из мягкой кожи и хорошо разношены, но даже в такой удобной обуви мало кто из людей мог передвигаться так неуловимо для слуха, как она. Дзирт едва различал ее в тусклом неверном свете редко расставленных факелов. Он заметил, что девушка ступает как дроу, сперва касаясь пола подушечкой стопы, а не как большинство людей — с пятки на носок. Время, проведенное в Подземье в поисках Дзирта, не прошло для нее даром.

Дроу с одобрением отметил все это, но промолчал. Она сегодня и так потешила свою гордость, незачем хвалить ее, а то еще зазнается.

Коридоры были пусты, а тьма все больше сгущалась. Дзирт даже переключился на зрение в инфракрасном диапазоне, позволявшее ему различать очертания теплых предметов и существ. У Кэтти-бри не было такой способности, но зато у нее на лбу на тонкой серебряной цепочке красовался зеленый камень, перечеркнутый черной полосой, — агат Кошачий Глаз. Его подарила ей сама Аластриэль. Благодаря наложенным на камень чарам его обладатель мог видеть в кромешной тьме так, как если бы стоял в открытом поле под усеянным звездами небом.

Друзья беспрепятственно шагали во мраке, но чувствовали себя неудобно. Они недоумевали, почему не горят факелы, и готовы были в любое мгновение выхватить оружие. Кэтти-бри вдруг пожалела, что не взяла с собой Тулмарил Искатель Сердец, свой волшебный лук.

Внезапно послышался звук мощнейшего удара, и пол содрогнулся у них под ногами. Оба мгновенно пригнулись; сабли оказались в руках Дзирта так быстро, что Кэтти-бри даже не успела заметить, как он их выхватил. Сначала она подумала, что это благодаря браслетам, но потом увидела, что Дзирт их даже не надел. Она тоже достала из ножен меч и глубоко вздохнула, мысленно ругая себя за тщеславную надежду, что скоро сравняется с этим прославленным воином в мастерстве. Но девушка тут же мотнула головой — сейчас не время об этом думать — и пристально взгляделась в изгибавшийся перед ними коридор. Они с Дзиртом плечо к плечу медленно пошли вперед, внимательно всматриваясь в густую тьму, где могли прятаться недруги, и высматривая линии в стене, обозначающие тайные ходы в боковые туннели. Таких в дворфском комплексе было немало, потому что большинство маленьких бородачей, жадных по натуре, имели тайные сокровищницы, скрытые от чужих глаз. И Кэтти-бри, и Дзирт плохо знали эту редко посещаемую часть Мифрил Халла.

Последовал новый удар, и пол снова содрогнулся, еще сильнее, значит, друзья подошли ближе к источнику звука. Кэтти-бри втайне порадовалась, что сам Дзирт До'Урден так много тренировал ее, а еще больше тому, что он был сейчас рядом.

Она остановилась, Дзирт тоже.

— Гвенвивар? — почти беззвучно предложила девушка, подразумевая верного друга дроу, громадную черную пантеру, которую он мог вызвать с Астрального уровня.

Дзирт на секунду задумался. Он старался пореже звать Гвенвивар, зная, что вскоре ему, возможно, придется часто пользоваться ее помощью. Силы волшебной пантеры были ограничены: она могла проводить на земном уровне только несколько часов каждые два дня.

Дзирт решил, что еще не время. Бренор ведь не сказал, чем здесь занят Реджис, к тому же он даже не заикнулся о возможной опасности. Дроу покачал головой, и они снова продолжили путь в полном молчании.

Раздался звук третьего удара, а за ним стон.

— ...Башкой, дурак ты набитый! — слышалось раздраженное ругательство. — Работай своей тупой башкой!

Дзирт с Кэтти-бри тут же выпрямились и опустили оружие.

— Пвент, — произнесли оба одновременно, имея в виду Тибблдорфа Пвента, неистового берсерка, самого невыносимого и дурно пахнущего из всех дворфов к югу от Гребня Мира (да и к северу, пожалуй, тоже).

— А потом тебе понадобится чертов шлем? — не умолкал поток брани.

За следующим поворотом туннель разветвлялся на два. В левом яростно ревел Пвент; а правый перекрывала дверь, сквозь многочисленные щели которой сочился свет факелов, горевших по ту сторону. Дзирт недоуменно склонил голову, услышав оттуда такое знакомое, хоть и очень тихое хихиканье.

Он махнул рукой Кэтти-бри и вошел в дверь, не постучав. Там у левой стены в одиночестве стоял хафлинг. При виде друзей его лицо озарилось улыбкой, и он высоко поднял пухлую ручку, приветствуя их, — относительно высоко, потому что Реджис был очень маленьким, даже по меркам хафлингов, и от пяток до макушки в нем укладывалось всего три фута. Его объемистый животик, кажется, уменьшился за последнее время, словно и ленивый хафлинг весьма серьезно отнесся к возможности нападения на место, заменившее ему дом.

Он приложил палец к губам и показал на «дверь» рядом с собой. Друзья почти сразу сообразили, что здесь происходило. Хафлинг держался за рукоять механизма, управлявшего толстым листом металла, который ездил по полозьям над и под дверью. Сейчас деревянная дверь почти целиком скрылась за металлическим листом.

— Пошел! — прогремела команда с той стороны, слышался тяжелый частый топот и воинственный рев, потом чудовищный удар налетевшего на укрепленную дверь дворфа, тут же, само собой, отлетевшего от нее.

— Берсерк уроки дает, — невозмутимо объяснил Реджис.

Кэтти-бри, скривившись, взглянула на Дзирта, вспомнив, что говорил ей отец о планах берсерка.

— Отряд «Веселые мясники», — бросила она, и Дзирт понимающе кивнул, потому что Бренор и ему говорил о том, что Тибблдорф Пвент решил научить нескольких дворфов нелегкому искусству быть берсерком и создал свой собственный отряд, который состоял из неустойчивых, бешеных, но не блиставших умом солдат.

В укрепленную дверь врезался следующий, судя по всему головой, и Дзирт понял, каким образом Пвент решил воспитать в своих подопечных третье качество настоящего берсерка.

Кэтти-бри только вздохнула. Она ничуть не сомневалась в бойцовой мощи подобного отряда, ведь в бою Пвент мог дать сто очков вперед любому, за исключением только Дзирта и, может быть, Бренора, но при мысли о носящихся гурьбой подобию Тибблдорфа Пвента ей стало нехорошо.

За дверью Пвент во всю бранил свое войско, осыпая их всевозможными ругательствами, большинство из которых прожившая двадцать лет с кланом Боевого Топора Кэтти-бри даже не слыхала. Некоторые, особо забористые, Пвент, похоже, придумывал на ходу.

— Мы отправляемся в Сэттлстоун, — обратился к Реджису Дзирт; ему вдруг очень захотелось поскорее уйти отсюда. — Берктгар упрямится.

Реджис кивнул:

— Я там был, когда он потребовал у Бренора молот. — На миловидном личике хафлинга появилась обычная задумчивая улыбка. — Мне показалось, что Бренор сейчас разрубит его пополам!

— Берктгар нужен нам, — вмешалась Кэтти-бри.

Реджис только отмахнулся.

— Чушь! — уверенно объявил он. — Это мы нужны Берктгару, и если он повернется спиной к дворфам, его собственный народ этого не потерпит, потому что они умеют помнить добро.

— Нет, Бренор не убил бы его, — возразил Дзирт, однако несколько неуверенно.

Все трое умолкли и посмотрели друг на друга, одновременно подумав о том, что Бренор снова стал прежним неукротимым королем. Они вспомнили и о Клыке Защитника, молоте, которому не было равных по красоте и мощи. На нем были вырезаны священные руны дворфских богов: на одной стороне — молот и наковальня Моррадина, бога кузнецов, на другой — скрещенные секиры Кланггедона, бога войны, а остальное пространство было сплошь покрыто изображениями драгоценных камней внутри горы, символа Думатойна, Хранителя Тайн. Бренор считался одним из первых кузнецов среди дворфов, но после того, как он создал Клык Защитника, лучшее из своих творений, почти не появлялся в кузне.

Они вспомнили о Клыке Защитника и о Вульфгаре, высоком светловолосом юноше, который был дворфу как сын и для которого Бренор сделал великолепный молот.

— Бренор действительно мог бы убить его, — произнесла Кэтти-бри, проговорив вслух то, что подумали остальные.

Дзирт хотел было что-то возразить, но Реджис остановил его, подняв палец вверх.

— ...А теперь голову наклони! — рявкнул Пвент по ту сторону двери.

Реджис улыбнулся и кивнул, чтобы дроу продолжал.

— Мы подумали, может, ты...

Донесся новый звук удара, потом опять стон и достаточно явственное шлепанье губами: очевидно, будущий берсерк ожесточенно тряс головой после неудачного наскока на преграду.

— С возвращением! — заорал Пвент.

Кэтти-бри передернуло от отвращения.

— Мы подумали, ты мог бы пойти с нами, — продолжал Дзирт.

Реджис на секунду задумался. Наверное, хафлинг хотел бы выбраться из рудников и погреться на солнышке, хоть лето уже закончилось и воздух был по-осеннему прохладным.

— Нет, я должен остаться здесь, — наконец ответил он с несвойственной ему ответственностью. — Дел много.

Дзирт с Кэтти-бри не стали спорить. Реджис сильно изменился с тех пор, как настали тяжелые времена. Когда Дзирт и Кэтти-бри отправились в Мензоберранзан — Дзирт в надежде отвести опасность от Мифрил Халла, а Кэтти-бри на его поиски, — Реджис вместо сломленного горем Бренора принял руководство подготовкой к войне на себя. Тот самый Реджис, которого прежде больше всего волновало, где бы найти постельку помягче да обед повкуснее, своей кипучей энергией и целеустремленностью поразил выдавших виды дворфов, и даже Тибблдорфа Пвента. Вот и теперь друзья понимали, что хафлинг очень хотел бы пойти с ними, но дело — прежде всего.

Дзирт пристально поглядел на хафлинга, не зная, как обратиться к нему с просьбой. Но, к его изумлению, Реджис все понял без слов и тотчас же потянулся к цепочке на шее, на которой висела рубиновая подвеска, снял ее и небрежно бросил Дзирту.

Еще одно подтверждение тому, что хафлинг сильно изменился, подумал дроу, глядя на сверкающий рубин. Эту вещь, которую Реджис когда-то стащил у главы Гильдии Воров в далеком Калимпорте, он ценил превыше всего, в ней была заключена огромная волшебная сила. И до сих пор хафлинг берег и лелеял ее, как львица своего детеныша.

Дзирт не отрывал взгляда от драгоценного камня и чувствовал, как бесчисленные сияющие грани увлекают его, уводя по спирали в глубины, обещавшие...

Дроу встряхнул головой и с усилием отвел взгляд. Даже сейчас, когда ничья воля не управляла камнем, он имел такую власть! Дроу никогда не сталкивался с более сильными чарами. И, несмотря на это, Джарлакс добровольно вернул ему подвеску, когда после побега Дзирта из Мензоберранзана встретился с ним в туннелях вдали от города. Поступок наемника был неожиданным, но, зачем он это сделал, Дзирт так и не понял.

— Но будь осторожен, если решишь использовать его, чтобы убедить Берктгара, — предупредил Реджис, отрывая Дзирта от размышлений. — Он гордый, и, если поймет, что вы воспользовались волшебством, союз действительно развалится.

— Это точно, — согласилась Кэтти-бри и взглянула на Дзирта.

— Я им воспользуюсь только в случае крайней необходимости, — пообещал Дзирт, надевая цепочку на шею. Теперь подвеска висела рядом с головой единорога из слоновой кости, символом его богини.

Еще один дворф сделал попытку взять дверь штурмом, отлетел от нее и застонал, свалившись на пол.

— Пф! — презрительно фыркнул Пвент. — Да вы просто горстка сосунков. Я вам покажу, как это делается!

Реджис кивнул — это был условный знак — и немедленно начал крутить рукоять, поднимая металлическую пластину.

— Будьте осторожны, — предупредил он своих товарищей, поскольку они стояли как раз там, куда мог ввалиться Пвент.

— Я ухожу, — заявила Кэтти-бри, направляясь к другой двери. У нее не было ни малейшего желания встречаться с Пвентом. Он скорее всего ущипнул бы ее за щеку, как обычно, и посоветовал бы «постараться» отрастить бороду, чтобы стать настоящей дворфской красавицей.

Дзирта не нужно было уговаривать. Он сжал рубин, с благодарностью взглянул на Реджиса и поспешил вслед за Кэтти-бри.

Пройдя всего несколько шагов, они услышали, как разлетелась в щелки «учебная» дверь, затем послышался торжествующий смех Пвента и восторженные «ох» и «ах» наивных солдат отряда «Веселые мясники».

— Надо бы заслать побольше таких в Мензоберранзан, — с кислой гримасой сказала девушка, — Пвенту под силу загнать все его население на край света!

И Дзирт, знакомый с самыми сильными семействами дреу, видевший гнев верховных жриц и проявления необыкновенных сверхъестественных возможностей, ничего равного которым не было на поверхности, согласился с ней.

* * *

Советник Фербл, чувствуя себя не слишком удобно в свете факелов, провел морщинистой рукой по почти лысой макушке. Свирф (иначе глубинный гном) Фербл был ростом всего три с половиной фута, но его крепкое тело состояло почти из одних мускулов. Немногие из народов Подземья были так приспособлены к жизни в этом мире без света, и никто не понимал и не чувствовал залегавшие на глубине породы так хорошо.

И все же здесь, в пустых (хотелось бы верить!) коридорах за границами Блингденстоуна, своего родного города, Ферблу было не по себе. Он терпеть не мог света факелов, да и вообще любого света, но приказ короля Шниктика был недвусмыслен и обсуждению не подлежал: ни одному гному не позволялось выходить в туннели без зажженного факела.

За единственным исключением. У товарища Фербла факела не было, потому что у него не было рук. Белвар Диссенгальп, Высокочтимый Хранитель Туннелей Блингденстоуна, потерял руки много лет назад из-за Дайнина, брата Дзирта До'Урдена. Но в отличие от других народов Подземья свирфам было ведомо сострадание, и вместо утраченных конечностей ремесленники Блингденстоуна сделали несчастному прекрасные «протезы» из чистого зачарованного мифрила: молот на правую руку и киркомотыгу на левую.

— Полный круг прошли мы! — объявил Фербл. — И в Блингденстоун возвращаться пора!

— Нет пока, — проворчал Белвар. Голос у него был грубее и ниже, чем у большинства свирфов, и хорошо подходил к его коренастой широкоплечей фигуре.

— Дроу в туннелях нет, — стоял на своем Фербл. — За три недели ни одного сражения.

В действительности так оно и было: многие месяцы дроу вступали в столкновения со свирфами в непосредственной близости от Блингденстоуна, но теперь туннели были необычно пусты. Белвар понимал, что эта перемена как-то связана с его другом, Дзиртом, и боялся, что тот, возможно, попал в плен или убит.

— Тихо всё, — приглушенно сказал Фербл, как будто испугался, что громкий голос может его выдать. Мурашки пробежали у него по спине. Это Белвар заставил его идти сюда, хотя и была его очередь делать обход, обычно таких опытных и почтенных персон, как Фербл, освобождали от обязанностей дозорных. Но Белвар настоял, и по какой-то непонятной причине король Шниктик пошел навстречу Высокочтимому Хранителю.

Хотя нельзя сказать, что Фербл плохо знал туннели. Как раз наоборот, он единственный из гномов Блингденстоуна имел знакомства в Мензоберранзане и изучил туннели вокруг города дроу лучше любого глубинного гнома. Это сомнительное преимущество доставляло Ферблу множество неудобств. Когда свирфы захватили переодетую Кэтти-бри, но потом поняли, что она не враг им, Ферблу, рискуя собственной жизнью, пришлось показывать ей кратчайший тайный путь в Мензоберранзан.

Вот и теперь Фербл понимал, что Белвара волнует совсем не присутствие дроу в туннелях. Здесь все было спокойно. Патрули и другая тайная охрана не обнаружили никаких следов темных эльфов даже ближе к Мензоберранзану, на их обычных маршрутах. В городе дроу произошло нечто особенное, это ясно, и похоже также, что Дзирт и Кэтти-бри, стоившая гномам столько хлопот, причастны к этому. Потому-то Белвар и вывел Фербла сюда, и Советника передернуло при мысли, что король Шниктик с такой готовностью согласился с Белваром.

— Что-то случилось, — сказал Белвар, неожиданно раскрывая карты, словно понял, о чем размышлял Фербл. — Я имею в виду — в Мензоберранзане.

Фербл посмотрел на Высокочтимого Хранителя с подозрением. Он догадывался, о чем его вскорости попросят, догадывался, что ему скоро снова придется иметь дело с этим мошенником Джарлаксом.

— Даже в камнях ощущается напряжение, — продолжал Белвар.

— Как будто дроу скоро выступят в поход, — сухо добавил Фербл.

— *Козим камман денотусд*, — согласился Белвар. На древнем языке свирфов это означало: «Земля замерла перед землетрясением», что соответствовало выражению: «Затишье перед бурей», употреблявшемуся жителями поверхности.

— Чтобы встретился я с моим осведомителем-дроу, желает король Шниктик, — рассудил Фербл, решив, что больше нет смысла ходить вокруг да около. Вряд ли его предположение сильно разойдется с тем, что хотел ему предложить Белвар.

— *Козим камман денотусд*, — повторил Белвар с еще большей уверенностью.

И он, и король Шниктик, и многие другие в Блингденстоуне не сомневались, что дроу скоро приведут в движение большие силы. Несмотря на то что туннели, ведущие на поверхность кратчайшим путем, находились к востоку от Блингденстоуна, за Мензоберранзаном, дроу сначала придется идти на запад, а значит, они окажутся в опасной близости от города гномов. Эта перспектива беспокоила свирфов, и король Шниктик даже отправил разведывательные отряды далеко на восток и на юг, куда они раньше никогда не забирались. Поговаривали, что, если опасения подтвердятся и найдется новое место для проживания, всем придется оставить Блингденстоун. Конечно, никто этого не хотел, а Фербл и Белвар, пожалуй, меньше всех. Оба были уже стары, оба доживали второй век, и оба и душой, и сердцем были привязаны к родному городу.

Но они также очень хорошо понимали весь ужас нашествия дроу, понимали, что, если армия темных эльфов подойдет близко к Блингденстоуну, все свирфы будут уничтожены.

— Встречу назначу я, — сказал Фербл со вздохом. — Он мало что скажет мне, даже не сомневаюсь. Он всегда говорит мало, но цена высока!

Белвар промолчал, однако его не очень беспокоила цена, которую придется заплатить

жадному осведомителю. Высокочитимый Хранитель Туннелей понимал, что за незнание придется платить гораздо больше. Он также знал, что Фербл и сам это понимает и что его покорное подчинение всего лишь поза. Белвар хорошо изучил Советника, и он ему нравился, несмотря на постоянные жалобы.

А теперь Белвару, как и всем свирфам, позарез нужны были и Фербл, и его связи.

Глава 3 КАК ДЕТИ

Дзирт и Кэтти-бри неслись вниз по каменистой дорожке, легко и весело, словно играющие дети, огибая и перескакивая валуны. Перемахивая скальные трещины и разломы, хватаясь за нижние ветви невысоких деревьев и с разлету мчась дальше, они незаметно стали соревноваться. Они прибежали в небольшую низину, перескочили крохотное озерцо (Кэтти-бри немного промочила ноги), потом разбежались, огибая большой каменный выступ чуть выше их роста. Кэтти-бри бросилась направо, а Дзирт налево, но в ту же секунду передумал и ринулся на само препятствие.

Кэтти-бри выскочила из-за скалы, радуясь, что обогнала дроу.

— Я первая! — крикнула она, но в то же мгновение над ее головой пролетела темная тень ее друга.

— Не совсем! — возразил Дзирт, приземляясь так легко, как будто сделал шаг, а не прыжок.

Кэтти-бри вскрикнула от досады и снова пустилась бежать, но тут же остановилась, увидев, что Дзирт стоит на месте.

— Уж больно день хорош, — сказал темный эльф.

День и правда был чудесным, такие бывают только у южных отрогов Гребня Мира в начале осени: бодрящий сухой воздух, прохладный ветер, гнавший по ослепительно яркому голубому небу пухлые, похожие на громадные снежки облака.

— Слишком хороший, чтобы препираться с Берктгаром, — добавила Кэтти-бри, не совсем поняв Дзирта. Она наклонилась, опершись о колени руками и качая головой, стараясь отдышаться.

— Слишком хороший, чтобы не позвать Гвенвивар! — весело закончил Дзирт.

Кэтти-бри с радостной улыбкой наблюдала, как он вынимает из заплечного мешка ониксовую фигурку пантеры. Пожалуй, более прекрасной вещицы девушка никогда не видела. Статуэтка очень точно передавала мускулистое тело большой кошки и умное выражение ее морды. Но великолепие изделия затмевалось видом чудесного создания, которое можно было вызвать с ее помощью.

Дроу осторожно поставил фигурку на землю перед собой и тихонько позвал:

— Иди ко мне, Гвенвивар!

Видимо, пантере самой хотелось поскорее присоединиться к ним, потому что над статуэткой почти в тот же миг закружился, стусился и принял очертания пантеры серый туман.

Словно поняв по тону Дзирта, что опасности нет и ее вызывают для совместной прогулки, громадная кошка материализовалась в ленивой позе, со стоящими торчком ушами.

— Мы бежим наперегонки в Сэттлстоун, — объяснил Дзирт. — Поспеешь за нами?

Пантера мигом все поняла. Легко оттолкнувшись мощными задними лапами, она перемахнула через голову Кэтти-бри, взмыв на вершину двадцатифутового скального выступа, который друзья только что оббежали. На плоской вершине она повернулась и от восторга встала на задние лапы. Сердца обоих товарищей бешено забились. В Гвенвивар было весу шестьсот фунтов, ростом она вдвое превосходила обычную пантеру, голова по величине равна была ширине плеч Дзирта, а лапой она могла полностью накрыть лицо человека. При этом в ее сияющих зеленых глазах светился разум, не свойственный ни одному зверю. Более надежного товарища было не сыскать, преданность пантеры была

безусловной, и всякий раз, как Дзирт, Кэтти-бри, Бренор или Реджис видели гигантскую кошку, у них теплело на сердце.

— Думаю, стоит поторопиться, — с плутоватой улыбкой прошептала Кэтти-бри.

Дзирт незаметно кивнул, и оба сорвались с места и понеслись вниз по каменистой тропинке. Через пару секунд до них донесся рык Гвенвивар, все еще стоявшей на вершине скалы. Дорожка была сравнительно широкой, и Дзирт чуть обогнал девушку. Но юную и сильную Кэтти-бри, обладавшую сердцем, которое скорее могло бы биться в груди стойкого дворфа, непросто было заставить уступить.

— Тебе не удастся меня победить! — выкрикнула она, но Дзирт только рассмеялся. Однако он перестал смеяться, когда обогнул поворот и обнаружил, что упрямая и смелая девушка срезала путь, промчавшись по осыпи из больших валунов, и неожиданно оказалась впереди.

Теперь борьба шла всерьез. Дзирт пригнулся и пустился бежать во всю прыть, так безоглядно несясь вперед, что чуть не врезался головой в дерево. Они бежали шаг в шаг с Кэтти-бри, но девушка не уступала первенства.

Снова послышался рык Гвенвивар со скалы, и оба почувствовали, что кошка насмехается над ними.

Не прошло и пары секунд, как пантера оттолкнулась от каменного выступа рядом с Дзиртом и черной молнией пронеслась над ним. Гвенвивар приземлилась поперек тропинки как раз между двумя товарищами и так быстро и беззвучно обошла Кэтти-бри, что девушка не сразу поняла, что она уже не первая.

Чуть позже Гвенвивар снова пропустила ее вперед, а Дзирт, чуть сократив путь, обогнал их, но пантера тут же снова обошла его. Так они и бежали: Кэтти-бри и Дзирт изо всех сил, а Гвенвивар забавляясь.

Когда они решили остановиться перекусить на небольшой полянке, защищенной с севера и востока высокими скалами и почти смыкавшимся с ними отвесным кряжем, Кэтти-бри и Дзирт совсем выдохлись, а у Гвенвивар даже дыхание не участилось. На полянке лежало несколько валунов, на которых можно было присесть и отдохнуть, а между ними из небольших камней был выложен круг для костра. Именно здесь и делал обычно привал любивший странствовать дроу.

Пока Дзирт разводил костерок, девушка отдыхала. Далеко внизу она заметила серые дымы, поднимавшиеся в небо над крышами домов Сэттлстоуна. Этот вид подействовал на Кэтти-бри, проведшую все утро в легкомысленных забавах, отрезвляюще, напомнив о серьезности ее задачи и сложившегося положения. Кто знает, как далеко им с Дзиртом и Гвенвивар придется бежать, если придут темные эльфы?

Глядя на дымы, Кэтти-бри также вспомнила и о человеке, который привел закаленных варваров сюда из Долины Ледяного Ветра, о том, кто должен был стать ей мужем. Вульфгар погиб в тисках йоклол, служанки злобной Ллос, пытаясь спасти Кэтти-бри. И она, и Дзирт были в какой-то мере ответственны за его смерть, но чувство вины больше не терзало их. Дзирт тоже заметил дымы над крышами и теперь смотрел вниз и размышлял, на минуту позабыв о костре.

Ни дроу, ни девушка больше не улыбались, вспоминая, как они устраивали такие же гонки с Вульфгаром, а юный варвар делал громадные прыжки, поскольку не мог протиснуться в просветы между камнями, куда его более юркие товарищи проскакивали, даже не сбавляя скорости.

— Как жаль... — начала Кэтти-бри, и Дзирт подумал о том же.

— Если война все же начнется, было бы лучше, если бы во главе жителей Сэттлстоуна стоял Вульфгар, сын Беарнегара, — сказал он, и оба подумали о том, что все вообще было бы лучше, если бы юный варвар остался в живых.

Ну вот. Говорить больше было не о чем, и они поели в молчании. Даже Гвенвивар лежала неподвижно и не издала ни звука.

Кэтти-бри унеслась мыслями в Долину Ледяного Ветра, к скалистой Пирамиде

Кельвина, одиноко возвышавшейся над плоской тундрой. Там было так же хорошо, как здесь. Может, чуть прохладнее, но в воздухе чувствовались такая же чистота и бодрящий холодок. Надо же, как далеко она, Дзирт, Гвенвивар, Бренор, Реджис и, конечно, Вульфгар ушли! А ведь прошло совсем немного времени. Времени, заполненного приключениями, восторгами, страхами и славными свершениями. Вместе они были непобедимы.

Так им казалось.

Кэтти-бри испытала столько, сколько иной человек за целую жизнь, а ведь ей было немногим больше двадцати лет. Она стремительно мчалась по жизни, как по каменистой горной тропке, свободная и полная воодушевления, беззаботно перескакивая пропасти, чувствуя себя бессмертной.

Почти.

Глава 4 ЧТО-ТО БУДЕТ

«Заговор?» — Пальцы дроу мелькали, передавая разнообразные затейливые комбинации языка жестов, используемого темными эльфами. Этот язык был таким сложным, что почти все слова обычной речи имели в нем свои соответствия.

Джарлак отрицательно качнул головой. Он вздохнул. Казалось, главарь наемников был и вправду озадачен — а такое с ним редко случалось — и знаком показал своему подчиненному, что стоит пройти в более неприметное место.

Они шли по широким извилистым улицам Мензоберранзана, пересекали открытые площадки между гигантскими сталагмитами, служившими жилищами для многочисленных семейств дроу. Эти сталагмиты, полые, как и многочисленные сталактиты, свисавшие со свода громадной пещеры, были соединены переходами и снабжены просторными балконами. Группы каменных образований, находившихся на территории одной семьи, часто были соединены мостами, как правило в виде паутины. И во всех дворцах, особенно тех, которые принадлежали старым и наиболее почитаемым семьям, самые красивые наружные украшения были подсвечены волшебными феерическими огнями, как правило фиолетовыми и синими, иногда красными, изредка — зелеными. Мензоберранзан был великолепнейшим из всех городов дроу, он казался почти нереальным, от его красоты захватывало дух, и несведущий посетитель (хотя он вряд ли долго оставался бы в неведении... и в живых!) вряд ли поверил бы, что творцы этого чуда были одним из самых злобных народов мира.

Теперь Джарлак неслышно шагал по темным узким улицам той части города, где располагались жилища более скромных семей. Он внимательно смотрел вперед и по сторонам, и его острый глаз (сегодня повязка прикрывала правый) примечал малейшее движение в самых темных углах.

Поэтому главарь наемников несказанно удивился, когда, оглянувшись назад, обнаружил за своей спиной не Мтара, лейтенанта Бреган Д'эрт, сопровождавшего его, а другого, весьма могущественного дроу.

Джарлакса почти невозможно было выбить из колеи, но, так неожиданно повстречавшись с Громфом Бэнром, старшим сыном Матери Бэнр и Архимагом Мензоберранзана, он не сразу нашелся что сказать.

— Надеюсь, Мтар вернется ко мне, когда наша встреча закончится, — сказал Джарлак, быстро обретя присутствие духа.

Архимаг молча повел рукой, и в воздухе, на высоте нескольких футов над землей, возник мерцающий зеленый шар. От него отходил тонкий серебряный шнур, одним концом почти касавшийся пола.

Джарлак пожал плечами и взялся за шнур; в тот же миг его втянуло в шар, за мерцающей поверхностью которого находился вход в межуровневое пространство.

Здесь его взгляду открылось не обычное в таких случаях пустое помещение, а роскошно обставленная гостиная, ошеломляющее впечатление дополнялось слугой-зомби,

бросившимся к Джарлаксу с бокалами превосходного вина, даже не дав ему сесть. Через мгновение глаза наемника перестроились на обычный диапазон спектра, поскольку комната была залита мягким голубым светом. В жилищах волшебников это было обычным делом; даже чародеи-дроу, привычные к мраку Подземья, не могли читать в темноте свои свитки и сборники заклинаний.

— Он вернется, если, конечно, в течение того времени, что понадобится нам для разговора, ему удастся остаться в живых там, куда я его отправил, — ответил Громф.

Видно было, что вошедшего вслед за Джарлаксом колдуна не слишком заботила судьба бедняги. Бэнр прикрыл глаза и прошептал какое-то слово, в результате чего его пивафви и неброская одежда превратились в другие одеяния, более соответствовавшие великолепию окружения. Свободно спадавшая мантия со множеством карманов была украшена таинственными знаками власти. Все они светились магическим светом, как и архитектурные детали дворцов, хотя Архимаг мог погасить его мысленным приказом, и тогда мантия скрывала его лучше всякого пивафви. Ворот украшали две застежки: одна в виде паука с красным телом и черными лапками, другая — сияющий зеленый рубин, хотя Джарлакс не мог их как следует разглядеть, поскольку длинные белые волосы мага, рассыпавшиеся по плечам, почти скрывали их.

Наемник, которого чрезвычайно интересовали всякие магические штучки, видел эти застежки еще на предшественнике Громфа, хотя Бэнр занимал эту должность столько, сколько помнил себя любой из жителей Мензоберранзана. При помощи силы, заключенной в броши-пауке, Архимаг наполнял волшебным теплом Нарбондель, колонну, игравшую в Мензоберранзане роль часов. Магический жар достигал вершины колонны через двенадцать часов, а потом опускался к подножию за такое же время, после чего камень снова становился холодным. Для чувствительных к тепловому излучению глаз дроу такие часы были весьма удобны.

Другая застежка наделяла Громфа вечной молодостью. Джарлакс прикинул, что ему должно было уже исполниться семьсот лет, и при этом маг выглядел таким юным, словно только готовился поступать в Академию!

Но впечатление было обманчивым, решил про себя Джарлакс, внимательно вглядываясь в чародея. Громф был окружен аурой власти и достоинства, в его глазах отражались мудрость уроков долгой жизни, подчас горьких. Он был хитер и опасен, способен в мгновение ока оценить любую ситуацию, и, если говорить откровенно, с ним Джарлакс чувствовал себя еще неуютнее, чем стоя перед самой Матерью Бэнр.

— Так что же заговор? — вслух спросил Громф. — Может, другие семейства уже сыты по горло моей матушкой и объединились против Дома Бэнр?

— Я уже предоставил полный отчет Матери...

— Я не пропустил ни слова, — нетерпеливо оборвал его Громф. — Но я хочу знать правду.

— Правду, — повторил Джарлакс, лукаво улыбнувшись, поскольку понял, что Громф не на шутку обеспокоен. — Правда — это вещь интересная.

— И очень редкая, — согласился Громф. Он снова стал невозмутимым и, соединив перед собой пальцы рук, вольно откинулся в кресле. — Однако именно она, случается, спасает жизнь глупцам, сующим свой нос в чужие дела.

Улыбка тут же пропала с лица Джарлакса. Он пристально смотрел в лицо Громфу, пораженный смелостью столь откровенной угрозы. Громф обладал очень большой властью, — по меркам Мензоберранзана, Архимаг достиг высот, вообще возможных для мужчины. Но для Джарлакса мерки Мензоберранзана ничего не значили, а колдун отважился угрожать ему...

Однако еще более Джарлакс удивился тому, что Громф, могущественный Громф Бэнр, был не просто взволнован. Он был по-настоящему напуган.

— Я не стану затруднять тебя напоминанием о том, чего стоит этот самый «глупец», — сказал Джарлакс.

— Да уж избавь.

Джарлакс расхохотался ему в лицо.

Громф поднес руки к губам, от этого движения распахнулась его мантия, открывая две волшебные палочки за его поясом.

— Нет никакого заговора, — внезапно и жестко произнес наемник.

— Правду! — угрожающим тихим голосом сказал Громф.

— Это правда, — совершенно откровенно подтвердил Джарлакс. Вряд ли когда-нибудь он говорил так откровенно. — Я не меньше тебя заинтересован в существовании Дома Бэнр, Архимаг. Если бы менее знатные Дома вступили в сговор против Первого Дома или собственные дочери задумали сместить Бэнр, Бреган Д'эрт стала бы на ее сторону, по крайней мере мы дали бы ей знать о готовящемся ударе.

Лицо Громфа приняло озабоченное выражение. Но Джарлакса больше всего поразило, что старший сын Дома Бэнр как будто не заметил его вопиющего (и намеренного) промаха, когда наемник назвал Мать Бэнр просто «Бэнр». Подобные ошибки обычно стоили дроу — а мужчинам в особенности — жизни.

— Тогда что же? — спросил Громф, и тон его вопроса, прозвучавшего почти как мольба, поверг Джарлакса в совершенную растерянность. Он никогда раньше не видел Архимага в таком состоянии и никогда не думал, что такое возможно. — Ты же сам чувствуешь! — выкрикнул Громф. — Это просто носится в воздухе!

Джарлакс тянул паузу и просто согласно кивал — ему не хотелось делиться с Громфом своими опасениями. Он только заметил:

— Часовня повреждена.

Архимаг скривился. Громадная сводчатая часовня Дома Бэнр была священным местом для всего города, главным святилищем Ллос. Отступник Дзирт До'Урден и его друзья, разрушившие купол часовни, все равно что дали пощечину самой богине.

— Паучья Королева гневается, — заметил Громф.

— Как я ее понимаю! — согласился Джарлакс.

Громф бросил на невоздержанного на язык наемника разъяренный взгляд. Но Джарлакс понял, что разгневало его не оскорбительное замечание в адрес Ллос, а всего лишь легкомысленный тон.

В ответ на тяжелый взгляд Архимага наемник лишь ухмыльнулся, и тогда Громф вскочил с кресла и стал метаться по комнате, как зверь в клетке. Слуга-зомби, не умевший мыслить и запрограммированный только на определенные действия, бросился к нему с напитками.

Громф взвыл и вскинул руку, на ладони которой появился пламенеющий шар. Другой рукой Громф кинул внутрь шара что-то маленькое, красное похожее на чешуйку и начал зловеще нараспев произносить заклинание.

Джарлакс терпеливо наблюдал, как Громф дает выход своей досаде, про себя надеясь, что удар будет направлен на зомби, а не на него.

Из руки Громфа вырвался язык пламени. Неторопливо, но неуклонно, как змея, уже парализовавшая жертву ядом, пламя обвилось вокруг слуги, который, естественно, не шевелился и не просил пощады. За какие-то секунды огненная змея целиком обвила его. Громф снова непринужденно опустился в кресло, а похожий на ходячий факел зомби вернулся в угол комнаты и встал там навтыжку. Однако вскоре он осел, потому что одну из его ног сожрало пламя.

— Это запах... — Джарлакс, безглаголиво сморщившись, прикрыл нос рукой.

— ...власти! — закончил Громф начатую фразу, сузив красные глаза и раздувая ноздри красивого тонкого носа. Колдун сделал глубокий вдох, втягивая в себя запах горячей человеческой плоти.

— Совсем не Ллос нагнетает зловещие предчувствия, — внезапно заявил Джарлакс. Ему вдруг захотелось согнать с раздосадованного Громфа спесь, поскорее покончить с разговором и убраться отсюда.

— Что тебе известно? — разом напрягся Громф.

— Не больше, чем тебе, — ответил Джарлак. — Вполне возможно, что Ллос разгневана бегством Дзирта и уроном, нанесенным часовне. Ведь ты лучше других понимаешь, какое значение имеет это святилище.

В ответ на хитрый тон наемника ноздри мага снова затрепетали. Джарлак намеренно задел больное место, ахиллесову пяту неуязвимого Архимага. Громф создал самое величественное из украшений часовни, гигантский иллюзорный мерцающий образ, паривший над центральным алтарем. Он беспрестанно менялся, принимая то обличье прекрасной женщины-дроу, то громадного паука. В Мензоберранзане ни для кого не было секретом, что Громф вовсе не принадлежал к наиболее преданным поклонникам Ллос и, создав этот образ, он всего лишь избавился от беспощадного гнева своей матери.

— Но вряд ли Ллос — единственная причина, слишком уж много других происшествий, — продолжал Джарлак, насладившись мелкой победой. — И большинство из них, как мы видим, подрывают ее власть.

— Божество — соперник? — предположил Громф, видимо выдав больше, чем намеревался. — Или тайный бунт? — Колдун откинулся назад, полагая, что поймал какую-то ниточку, думая, что о подобном восстании главарю наемников уж точно что-то должно быть известно.

Но Джарлак действительно не знал, имеет ли хоть одна из догадок Громфа под собой основание, так что припертым к стенке он себя не почувствовал.

— Нечто, — только и ответил наемник. — Нечто несущее опасность для всех нас. Уже больше двадцати лет то один, то другой Дом переоценивают важность поимки предателя, и поэтому его значение непомерно возросло, а отсюда и умножились неприятности, которые он вызывает.

— Так ты полагаешь, что все это как-то связано с бегством Дзирта, — задумчиво произнес Громф.

— Я полагаю, что многие Матери так считают, — быстро ответил Джарлак. — И поэтому его побег действительно сыграл свою роль в том, что на нас надвигается. Но я не говорил и на самом деле не думаю, что твои нехорошие предчувствия связаны с побегом предателя из Дома Бэнр.

Громф закрыл глаза, обдумывая сказанное. Джарлак, конечно, прав. Мензоберранзан настолько погряз в своих интригах, что правда значила здесь меньше, чем подозрение. Подозрение зачастую оправдывалось и превращалось в пророчество и, таким образом, становилось отцом правды.

— Вероятно, я захочу еще раз переговорить с тобой, наемник, — негромко произнес Громф, и Джарлак посмотрел на дверь. Рядом с ней все еще горел зомби, уже превратившийся в кучу почерневших костей.

Джарлак направился к выходу.

— Увы, — с притворной скорбью сказал Громф, и наемник остановился. — Мтар не выжил.

— Тем хуже для него, — бросил Джарлак, не желая, чтобы маг решил, будто смерть одного члена может нанести ущерб Бреган Д'эрт.

Джарлак вышел, спустился по веревке и незаметно скользнул в тень, обдумывая все, что случилось. Он редко разговаривал с Громфом, а еще реже Громф давал аудиенцию таким необычным способом. Одно это уже было значительно. Здесь творится нечто странное, что-то действительно носится в воздухе. Джарлак любил хаос (в основном за то, что из вихря всеобщей неразберихи он выбирался победителем) и теперь был заинтригован. Но еще больше его удивило то, что Громф, несмотря на все его страхи и возможность многое потерять, тоже был заинтригован!

Архимаг подтвердил это, раскрыл все карты, упомянув божество-соперника. Бэнр был прожженным негодяем, несмотря на то что занимал такое высокое место в иерархии Мензоберранзана.

Неверно, мысленно возразил Джарлак сам себе. Не несмотря, а именно поэтому. За много веков Громф ожесточился; с той высоты, куда он вознесся, даже положение Архимага казалось не таким уж важным, потому что это был крайний предел для мужчины.

Наиболее уязвимой стороной жизни в обществе дроу было даже не соперничество Домов, а жесткая система матриархата, установленная последовательницами Ллос. Половина населения города находилась в приниженном положении только из-за того, что родились мужчинами.

Они были рабами женщин с рождения.

А порабощение неизбежно рождало ожесточение, даже в таких, — особенно в таких! — кто достиг столь многого, как Громф. С высоты своего положения он отчетливо видел, насколько выше мог бы подняться, если бы всего лишь обладал иными половыми признаками.

Громф дал понять, что он, вероятно, еще раз побеседует с Джарлаком; у наемника возникло ощущение, что они с магом и впрямь будут встречаться, и наверняка часто. Шагая дальше, он раздумывал, что именно Громф вытянет из бедняги Мтара, поскольку не сомневался, что лейтенант вовсе не погиб, хотя, возможно, пленнику придется пожалеть об этом.

Джарлак тут же посмеялся над собственной глупостью. Он говорил с Громфом правдиво, поэтому Мтар вряд ли сможет сообщить ему что-то новое. Наемник вздохнул. Он не привык говорить правду, он привык ступать, обходя паучьи сети.

Быстро отбросив эту мысль, Джарлак переключил свое внимание на город. Что-то в самом деле назревало. Джарлак, всю жизнь ходивший по краю, хорошо чувствовал это, да и Громф тоже. Очень скоро случится нечто важное, и наемнику необходимо было выяснить, какую выгоду он из этого извлечет, что бы ни произошло.

Глава 5

ВЫЗОВ БРОШЕН И ПРИНЯТ

Когда друзья спустились ниже по склону, Дзирт подозвал Гвенвивар к себе. Пантера неподвижно уселась перед ним, ожидая, что ей скажут.

— Тебе стоило бы взять кошку с собой, — посоветовала Кэтти-бри, поняв намерение Дзирта.

Варвары, несмотря на то что оставили далеко позади свои жилища в тундре и обособленную от всего мира жизнь, по-прежнему настороженно относились к магии. Многие из людей Берктгара побаивались пантеры, да и сам Берктгар чувствовал себя неуютно.

— Довольно с них и того, что я явлюсь в их городок, — ответил Дзирт.

Кэтти-бри нечего было возразить. Для северян зрелище темного эльфа, представителя народа, известного своим коварством и магическими способностями, было еще более неприятным, чем пантера.

— А все-таки Берктгару не повредило бы, если бы пантера ненадолго подмяла его под себя, — не преминула заметить девушка.

Дзирт усмехнулся, представив, как удобно Гвенвивар разлеглась бы на спине гиганта, извивающегося под ней.

— Жители Сэттлстоуна привыкнут к ней, как привыкли и ко мне, — сказал он. — Сама вспомни, сколько лет прошло, прежде чем Бренор стал относиться к Гвенвивар спокойно.

Пантера негромко заворчала, словно понимала каждое слово.

— Годы здесь ни при чем, — возразила Кэтти-бри. — Это произошло после того, как Гвен несколько раз вызволила моего упрямого папочку из серьезных передряг!

Гвенвивар зарычала снова, и Кэтти-бри с Дзиртом от души посмеялись, вспомнив, как злился Бренор. Однако веселье прекратилось, когда Дзирт достал статуэтку и помахал пантере на прощание, пообещав, что снова позовет ее на обратном пути в Мифрил Халл.

Огромная пантера, глухо урча, кругами ходила вокруг статуэтки. Ворчание

становилось все тише, и Гвенвивар превратилась в серый туман, который вскоре рассеялся.

Дзирт подхватил статуэтку и взглянул на крыши Сэттлстоуна.

— Ты готова? — обратился он к своей подруге.

— Берктгар — крепкий орешек, — откликнулась девушка.

— Нам лишь нужно, чтобы он понял всю глубину страданий Бренора, — сказал Дзирт, направляясь к городку.

— Нам лишь нужно, чтобы Берктгар представил, как топор Бренора вонзится ему между глаз, — пробормотала Кэтти-бри.

Сэттлстоун представлял собой скопление каменных домов, стоявших в скалистой, пронизываемой ветрами долине, с трех сторон защищенной зубчатыми стенами высоких гор, называемых Гребнем Мира. Каменные постройки на фоне отрога громадной горы сотни лет назад были выстроены дворфами, предками Бренора, и тогда это место называлось Дворфендарроу. Оно служило торговым поселением и было тогда единственным пунктом, где купцы могли поглазеть на диковинки из Мифрил Халла, поскольку дворфы не желали пускать чужаков в свои тайные рудники.

Даже тот, кто не был знаком с историей, догадался бы, что все здесь возведено бородатым народцем. Только дворфы могли строить из камня такие прочные здания, ведь поселение оставалось необитаемым несколько столетий, и ветры, дувшие с гор, не ослабевали, но все постройки сохранились в целости. Приспосабливая это место для жизни, людям Вульфгара нужно было только укрепить отдельные стены, выгнать тонны камней, в которых были наполовину погребены некоторые дома, да выгнать зверье, облюбовавшее для себя покинутые постройки.

Теперь Дворфендарроу снова было торговым поселением и выглядело примерно так же, как во дни славы Мифрил Халла, но называлось оно теперь Сэттлстоуном, и жили здесь люди, ставшие посредниками занятых в шахтах дворфов. Соглашение вроде было и разумным, и прибыльным для обеих сторон, но Берктгар, казалось, не признавал, насколько он усложняет положение. Кэтти-бри и Дзирт хорошо понимали, что если он не прекратит требовать Клык Защитника, то Бренор скорее всего прикажет варварам убираться с этой земли.

А гордые варвары, конечно, никогда не подчинятся такому приказу. Ведь земля была им подарена, а не отдана во временное пользование.

Так что возможность войны между спустившимся с гор народом Бренора и варварами не представлялась такой уж невероятной.

А все из-за Клыка Защитника!

— Вульфгар бы не обрадовался, узнав, что стало камнем преткновения, — заметила Кэтти-бри, когда они подходили к поселку. — Ведь именно он сплотил их. Жаль, что память о нем может снова внести раскол.

Жаль, согласился про себя Дзирт. Какая ужасная ирония! Он зашагал более решительно; его задача стала казаться ему еще более значимой. Внезапно Дзирт понял, что его ведет в Сэттлстоун нечто большее, чем просто необходимость уладить разногласия между двумя неуступчивыми вождями. Он шел отстаивать честь Вульфгара!

Спустившись в долину, они услышали пение — ритмичное торжественное перечисление свершений легендарного воина. Они прошли по пустынным улочкам, мимо распахнутых дверей домов, которые суровые варвары не считали нужным охранять. Оба знали, откуда доносится пение и где сейчас можно найти всех жителей Сэттлстоуна разом; мужчин, женщин и детей.

Единственным зданием, которое варвары возвели в поселке, было большое строение, способное вместить четыреста жителей и такое же количество гостей. Оно называлось Хенгорот — Медовый Дом. Здесь возносили торжественные молитвы, вспоминали славные дела и устраивали совместные пиры.

Хенгорот еще не был закончен. Нижняя часть его длинных стен возводилась из камня, а верх все еще затягивали олени шкуры. Дзирту это показалось вещественным

олицетворением того, как сильно изменился образ жизни народа Вульфгара. Когда-то они были кочевниками, жили в Долине Ледяного Ветра и следовали за стадами оленей, поэтому их дома были сделаны из кож, чтобы при необходимости племя могло легко собрать их и взять с собой.

Но теперь закаленные северяне осели, их существование больше не зависело от стада. Этот источник был слишком ненадежным, и зачастую из-за оленей и пастбищ разгорались войны между племенами или с населением Десяти Городов, расположенных на трех озерах, где, в отличие от остальной Долины, жили не варвары.

Дзирту было приятно видеть, что жизнь северян стала теперь мирной и спокойной, но сердце щемило при виде незавершенных стен Хенгорота, при виде этих шкур, глядя на которые он вспоминал, скольким пришлось варварам пожертвовать ради спокойствия. Они утратили свой привычный уклад жизни, существовавший тысячи лет. Глядя на незаконченную постройку, бледную тень славных Медовых Домов прошлого, на каменные стены, внутри которых жил теперь этот гордый народ, Дзирт спрашивал себя, действительно ли их нынешняя жизнь была «шагом вперед».

Кэтти-бри также понимала, как много утратили варвары, ведь бо льшую часть своей жизни девушка провела в Долине Ледяного Ветра и слышала бесчисленные рассказы о смелых кочевниках. Придя в Сэттлстоун, они потеряли часть своей свободы и почти совсем лишились корней. Сейчас они стали богаты, намного богаче, чем могли представить себе даже в самых смелых мечтаниях, и жестокие зимы больше не ставили под угрозу их существование. Но что-то нужно было отдать взамен. Например, звезды. Здесь, в горах, они были другими. Они не опускались до самого далекого горизонта, маня душу человека в осыпанные алмазами небеса.

Вздохнув, Кэтти-бри, сама скучавшая по Долине Ледяного Ветра, напомнила себе о нынешних непростых обстоятельствах. Берктгар, конечно, был упрям, но она знала, какое горе причинила ему гибель Вульфгара и как, должно быть, больно ему было оттого, что боевой молот, ставший самым знаменитым оружием в истории его народа, держит под замком дворф.

Неважно, что этот дворф сам же и сковал этот молот; неважно, что человек, совершивший им столько славных подвигов, был ему почти как сын. Кэтти-бри знала, что для Берктгара погибший герой не был сыном Бренора, он был Вульфгар, сын Беарнегара из Племени Лося, Вульфгаром из Долины Ледяного Ветра, а не из Мифрил Халла. Вульфгар, в котором самым блестящим образом воплотилось все то, что ценил и уважал северный народ. Поэтому Кэтти-бри была очень взволнована серьезностью стоявшей перед ними задачи.

По обе стороны от закрытого шкурами входа в Медовый Дом стояли два высоченных широкоплечих стражника. Их бороды и дыхание источали сильный запах густого меда. Они сначала насторожились, но быстро признали посетителей. Один из них ринулся к ближнему краю длинного стола, стоящего посреди зала, и громко объявил о прибытии Дзирта и Кэтти-бри, перечислив их наиболее известные подвиги и предков (по крайней мере девушки, поскольку предками Дзирта вряд ли можно было гордиться).

Дзирт и Кэтти-бри терпеливо ждали у входа со вторым стражником, который, пожалуй, был здоровеннее их обоих, вместе взятых. Друзья не сводили глаз с Берктгара, сидевшего во главе стола. Он тоже, слушая доклад стражника, поглядывал на них.

Кэтти-бри называла его глупцом за препирательство с Бренором, но все же великан варвар каждый раз поражал и ее, и Дзирта. Он был почти такого же роста, как Вульфгар, целых шесть с половиной футов, с широченными плечами и мускулистыми руками, равными по объему бедру упитанного дворфа. Растрепанные темные волосы свисали на плечи; он уже начал отращивать бороду на зиму, и густая щетина на щеках и шее придавала его облику еще большую дикость и важность. Вождь Сэттлстоуна всегда избирался после состязания в силе, после жестокого боя, как это диктовал обычай кочевых варваров на протяжении всей их истории. Никто в Сэттлстоуне не мог победить Берктгара — Берктгара Смелого, как его называли, — но его слава затмевалась тенью человека, ставшего легендой.

— Прощу вас, присоединяйтесь к нам! — радушно воскликнул Берктгар, но по выражению его лица понятно было, что он их ждал и приход обоих товарищей не удивил его. Вождь по преимуществу смотрел на Дзирта, и Кэтти-бри прочла в его ярких голубых глазах одновременно ярость и беспокойство.

Дзирту и Кэтти-бри предложили скамьи (и этим Кэтти-бри оказали большую честь, поскольку за столом больше не было женщин, кроме тех, что сидели на коленях у мужчин). В Хенгороте, как и во всем варварском обществе, женщины и дети, за исключением взрослых мальчиков, были на положении слуг. Сейчас они суетились, расставляя кубки с медом перед вновь прибывшими.

И Кэтти-бри, и Дзирт смотрели на мед недоверчиво, поскольку обоим нужна была ясная голова. Но Берктгар поднял свой кубок и произнес тост в их честь, обычай же требовал, чтобы и они в ответ подняли свои. А в Хенгороте не принято было лишь пригубливать!

Оба товарища опустили свои кубки под громогласные приветствия и с отчаянием увидели, что на месте пустых мгновенно появились полные.

Но тут Дзирт неожиданно встал и легко запрыгнул на длинный стол.

— Приветствую вас, жители Сэтлстоуна, люди Берктгара Смелого! — начал он свое обращение, и его голос почти потонул в оглушительном гуле приветственных выкриков в адрес Берктгара, гордости всего племени. Лохматого великана хлопали по спине, но он даже не моргнул и не сводил подозрительного взгляда с темного эльфа.

Кэтти-бри понимала, что происходит. Варвары со временем приняли Дзирта, но неохотно, ведь в их глазах он был всего лишь щуплым эльфом, да еще и темным в придачу! Несоответствие было для них весьма неприятным. Они видели в Дзирте слабое существо — пожалуй, не сильнее женщины своего племени — и при этом знали, что ни один из них не в состоянии одержать над ним верх в битве. И Берктгару было хуже всех, поскольку он догадывался, зачем пришли эти двое, и опасался, что вопрос владения молотом ему придется решать с Дзиртом один на один.

— Мы бесконечно признательны, просто поражены вашим радушием. Ни у кого во всех Королевствах нет более гостеприимного стола.

Снова приветственные возгласы. Дзирт знал, как с ними разговаривать, и не беда, что половина слушателей уже еле стояла на ногах.

— Но мы не можем задерживаться у вас, — продолжал Дзирт, и вдруг его голос зазвучал торжественно. Те, что сидели рядом с дроу, выпрямились, словно внезапно протрезвели, и до них вдруг стал доходить смысл его слов.

Рубин на шее Дзирта поблескивал, и Кэтти-бри поняла, что камень мог соперничать с хорошей чаркой меда, хоть Дзирт и не пользовался им сейчас.

— Над всеми нами навис устрашающий меч войны, — сурово продолжал Дзирт. — Пришло время объедини...

Его речь была прервана Берктгаром, который с размаху грохнул своим кубком по столу, да с такой силой, что тот разлетелся на куски, обдав рядом сидящих густой золотистой жидкостью и осыпав осколками. Не выпуская осколок кубка из кулака, гигант неуверенно вскарабкался на стол и навис над темным эльфом громадой своего могучего тела.

В мгновение ока Хенгорот притих.

— Вы пришли и говорите о единстве, — неторопливо начал вождь варваров. — Вы пришли просить объединения. — Он помолчал и обвел глазами встревоженных присутствующих ради пущего эффекта. — И при этом вы держите под замком оружие, ставшее символом моего народа, оружие, обязанное своей славой Вульфгару, сыну Беарнегара!

Зал взорвался одобрительными воплями, а Кэтти-бри бросила на Дзирта беспомощный взгляд. Она терпеть не могла, когда варвары подчеркивали происхождение Вульфгара, называя его сыном Беарнегара. Для них это было предметом гордости, а для трезвомыслящей девушки гордость сама по себе мало значила.

К тому же никакое перечисление предков не добавило бы блеска тому, что Вульфгар достиг за свою короткую жизнь. Если бы после него остались дети, они могли бы гордиться именно своим отцом.

— Мы — друзья дворфского короля, которому ты служишь, темный эльф, — продолжал Берктгар, и его громовой голос отражался от стен Хенгорота. — И от Бренора Боевого Топора, сына Бангора, сына Гарумна, мы ждем того же. Мы будем союзниками, но лишь тогда, когда мне отдадут Клык Защитника. Так говорю я — Берктгар! — проорал в заключение вождь варваров.

— Берктгар Смелый! — мгновенно подхватило несколько ближайших к нему людей, затем голоса слились во всеобщий хор славословий, и все кубки поднялись вверх за здоровье вожака Сэттлстоуна.

— Да Бренор скоро доставит сюда свой топор, — ответил Дзирт, которому изрядно надоели восхваления Берктгара. Дроу понял, что их прихода в Сэттлстоуне давно ожидали и что краткая речь Берктгара, как и реакция людей на нее были не только умело рассчитаны, но даже, наверное, отрепетированы. — И боюсь, тебе не придется по нраву то, как он его доставит, — негромко договорил эльф, когда рев голосов смолк.

Все притихли в ожидании, поскольку слова дроу можно было понять как оскорбление. Глаза Берктгара угрожающе сузились, — очевидно, ему как раз хотелось принять вызов.

— Но Бренора здесь нет, — спокойно произнес вождь варваров. — Его будет представлять Дзирт До'Урден?

Дзирт расправил плечи, соображая, как лучше выйти из этого положения.

Голова Кэтти-бри тоже лихорадочно работала в поисках выхода. Она почти не сомневалась, что Дзирт примет вызов и одержит верх над Берктгаром. И не надо быть пророком, чтобы угадать, как не понравится жителям Сэттлстоуна такое унижение.

— Вульфгар должен был стать моим мужем! — выкрикнула она, вставая с места как раз в тот момент, когда Дзирт уже собирался ответить. — А я — дочь Бренора, принцесса Мифрил Халла по праву. Если кто-нибудь и будет представлять моего отца здесь...

— ...то ты сама назовешь его, — закончил за нее Берктгар.

— Это буду я, — хмуро договорила Кэтти-бри.

Весь Медовый Дом загудел, и несколько женщин в его дальнем конце захихикали.

Дзирт опешил и бросил на Кэтти-бри почти молящий взгляд, надеясь, что она все уладит, пока обстоятельства еще не стали сильнее их. Он не хотел никаких столкновений. Кэтти-бри тоже, но зал просто впал в буйство, и половина присутствующих подначивала Берктгара: «Сразись с женщиной!» — словно Кэтти-бри уже бросила вызов.

Когда Берктгар посмотрел на нее, в его глазах пламенела ярость.

Она понимала, в каком он замешательстве. Девушка хотела продолжить и сказать, что если кто и может представлять Бренора, то лишь его дочь, но она пришла не ради того, чтобы сражаться. Но теперь момент был упущен.

— Никогда! — громовым голосом вскричал Берктгар, перекрывая гомон, и зал немного успокоился, пьяные вопли сменились перешептыванием. — Никогда Берктгар не сражался с женщинами!

Дзирт подумал, что великану варвару лучше позабыть о своих принципах, потому что они ему будут здорово мешать, если темные эльфы все же придут в Мифрил Халл. Женщины-дроу, как правило, лучше владели оружием и магией и были обычно более сильными воинами, чем мужчины.

— Сразись с ней! — выкрикнул кто-то совершенно пьяным голосом и при этом рассмеялся; все остальные тоже захохотали.

Берктгар перевел взгляд с пьяного на Кэтти-бри. Его широченная грудь высоко вздымалась, — очевидно, он глубоко дышал, чтобы умерить свою ярость.

Кэтти-бри поняла, что ему не победить. Если им придется сражаться, он не завоюет победу, даже если одержит над ней верх. Поднявшего меч на женщину сильные мужчины Сэттлстоуна сочтут трусом.

Кэтти-бри забралась на стол и едва заметно кивнула Дзирту, проходя мимо него. Уперев руки в бока и покачивая бедрами, она хитро улыбнулась вожаку варваров и сказала:

— Быть может, не с оружием в руках. Женщина и мужчина могут состязаться и кое в чем другом.

Зал просто взорвался при этих словах. Произносились тосты, и кубки сталкивались с кубками с такой силой, что в них почти не оставалось меда, когда их наконец подносили к широко раскрытым ртам. Кто-то на дальнем конце стола затянул непристойную песню, и при каждом куплете мужчины с хохотом хлопали друг друга по спине.

Дзирт так широко раскрыл глаза, что они, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Взглянув на него, Кэтти-бри испугалась, что дроу сейчас выхватит оружие и расправится со всеми присутствующими. Ей было приятно в этом убедиться, но в следующий миг она расстроилась, что ее друг мог так плохо подумать о ней.

Развернувшись и спрыгнув со стола, она взглядом попыталась выразить ему свое возмущение. Один из мужчин рядом с ней протянул руки, чтобы поймать ее, но она оттолкнула его и решительно пошла к двери.

— Горячая девчонка! — услышала она за спиной.

— Попотеет Берктгар! — послышался еще один пьяный выкрик.

Все еще сидевший за столом, ошалелый варвар смотрел то на одних, то на других, старательно избегая встречаться взглядом с темным эльфом. Берктгар был совершенно растерян: дочь Бренора была известна своей любовью к приключениям, но отнюдь не такого сорта. Но его сжигало любопытство. Любой мужчина в Сэттлстоуне посчитал бы Кэтти-бри, принцессу Мифрил Халла, желанной наградой.

— Клык Защитника будет моим! — наконец выкрикнул он, и в поддержку его слов раздался оглушительный рев голосов.

Обернувшись, варвар с облегчением заметил, что Дзирт больше не смотрит на него, — его вообще не было поблизости. Одним прыжком эльф соскочил со стола и теперь уже торопливо шел к двери.

Отойдя от Хенгорота, неподалеку от чьего-то пустого дома, Дзирт взял Кэтти-бри за локоть и повернул к себе. Она думала, что он накричит на нее, может, даже ударит.

Но он лишь рассмеялся.

— Хитрый ход, — одобрил дроу. — Но ты уверена, что сможешь одержать над ним верх?

— А как ты понял, что я не собираюсь делать то, что сказала? — выпалила Кэтти-бри вместо ответа.

— Потому что для этого ты слишком уважаешь себя, — не колеблясь ответил Дзирт.

Именно это девушка и хотела услышать и потому больше не стала ничего спрашивать.

— Но ты сможешь одержать над ним верх? — повторил дроу озабоченно. Кэтти-бри хорошо дралась и с каждым уроком совершенствовалась все больше, но все же Берктгар — великан и при этом необыкновенно силен.

— Он пьян, — ответила Кэтти-бри. — К тому же медлителен, как был Вульфгар, пока ты не научил его сражаться лучше. — Ее глаза глубокого синего цвета, как небо перед самым рассветом, блеснули. — Как и меня.

Дзирт легонько погладил ее по плечу, понимая, что для нее этот поединок будет столь же важен, как и для Берктгара. Варвар выскочил из здания, а за спиной у него хохотали его собратья.

— Не так трудно будет победить, как позволить ему сохранить лицо, — прошептала девушка.

Дзирт снова погладил ее по плечу, отошел, далеко обойдя Берктгара, и вернулся в дом. Кэтти-бри могла постоять за себя, и он должен позволить ей поступать так, как она считала нужным.

Когда дроу вошел в зал, варвары сразу же отпрянули от него, а он демонстративно задернул за собой кожаную завесу у входа, кинув на Кэтти-бри последний взгляд. Она шла

вниз по тропинке бок о бок с Берктгаром (со спины он так напоминал великана Вульфгара!). Дзирту было неприятно видеть это.

* * *

— Ты не удивлен? — спросила Кэтти-бри, вынимая из мешка защитный чехол для меча и натягивая его на острейшее лезвие. При этом у нее появилось какое-то непонятное чувство досады, даже злобы.

— Я ни на секунду не поверил, что ты привела меня сюда ради того, на что намекала, — небрежно ответил Берктгар. — Хотя, если ты...

— Заткнись! — сердито перебила его Кэтти-бри.

Берктгар сжал зубы. Он не привык к такому обращению, особенно со стороны женщин.

— Мы в Сэттлстоуне не прячем клинки, когда сражаемся, — с бравадой заявил он.

Кэтти-бри так же тяжело посмотрела на него и сняла чехол с лезвия. Ее вдруг охватил странный восторг. Но, как и секундой раньше, она не поняла, откуда взялось это чувство, поэтому подумала, что, видимо, ее гнев по отношению к варвару был сильнее, чем она признавалась даже самой себе.

Тогда Берктгар ушел к своему дому и вскоре вернулся, самодовольно улыбаясь; за плечами его был меч в ножнах. Девушка увидела над его правым плечом навершие и перекрестье меча, — одно только перекрестье по длине равнялось ее собственному клинку! — а конец ножен едва не касался земли.

Трепеща, пораженная Кэтти-бри мысленно спрашивала себя, во что это она ввязалась, и следила, как Берктгар не торопясь извлекает меч из ножен. Кожаные ножны были надрезаны почти по всей длине, чтобы варвар мог достать невероятной длины клинок.

А он был действительно невероятным! Волнистое лезвие длиной не менее четырех футов, потом восьмидюймовое рикассо между перекрестьем и вторым клинком, поменьше, из обоюдоострой стали.

Мышцы на руке Берктгара напряглись, как стальные тросы, пока он играючи вращал клинок над головой, со свистом рассекая воздух. Потом он воткнул его острием в землю и оперся рукой на перекрестье, которое приходилось шести с половиной футовому великану по плечо.

— Ты собираешься этой штукой драться или резать откормленных коров? — спросила Кэтти-бри, пытаясь хоть как-то сбить спесь с варвара.

— У тебя пока еще есть возможность выбрать другое состязание, — спокойно ответил Берктгар.

Кэтти-бри подняла меч, а сама чуть присела, приготовившись защищаться.

Берктгар гикнул и принял такую же позу, но сразу же выпрямился с растерянным видом.

— Не могу я, — сказал он. — Если я тебя даже слегка задену, сердце короля Бренора разорвется, а уж твой-то череп точно расколется надвое.

Девушка вдруг сделала быстрый выпад и вспорола меховую куртку на его плече.

Он взглянул на порез, потом медленно перевел взгляд на Кэтти-бри, но не сделал ни малейшего движения.

— Ты просто боишься, потому что знаешь, что не сможешь быстро управляться с этой штукой для забоя коров, — поддела его девушка.

Берктгар закатил глаза, старательно показывая, как ему осточертела эта затея.

— Я покажу тебе каминную полку, на которой лежит Баккенфуэре, — сказал он. — А потом мы ляжем у камина...

— Эта штукавина больше подходит для камина, чем для рукопашной! — огрызнулась она. Его скользкие намеки ее уже утомили. Она рванулась вперед и ударила Берктгара плашмя по щеке, а потом отскочила, тяжело дыша. — Если боишься, так хотя бы признайся!

Берктгар коснулся раны, и его пальцы окрасились кровью. Кэтти-бри вздрогнула — она

не хотела ранить его.

Вмешательство Хазид'хи было таким неприметным.

— Мое терпение кончилось, глупая ты женщина! — взревел варвар, и острие Баккенфуэре Северной Ярости взметнулось.

Берктгар, рыча, бросился вперед, ухватившись за эфес обеими руками и размахивая оружием перед собой. Он нападал, стараясь нанести удар плашмя, как и Кэтти-бри, но девушка поняла, что разница вряд ли будет существенной. Любой удар этого чудовищного клинка раздробит ее кости в кашу!

Когда меч Берктгара взмыл в воздух, Кэтти-бри уже отскочила подальше, все еще спрашивая себя, в своем ли она уме. Гигантское лезвие описало дугу слева направо, потом в обратную сторону и книзу. Берктгар повернул оружие быстрее, чем ожидала Кэтти-бри. Лезвие снова пронеслось горизонтально, слева направо, а потом Берктгар взял его на изготовку, держа у могучего плеча.

Представление оказалось красноречивым, и девушка пристально следила за движениями варвара. Теперь она позабыла про свой трепет и заметила несколько промахов в его тактике.

Она понимала, что ей надо будет быть необычайно точной. Малейшая ошибка — и Баккенфуэре изрубит ее на куски.

Берктгар наступал, меч свистел параллельно земле, но это было вполне предсказуемым, потому что существует не так уж много приемов, которые такое массивное оружие позволяет провести. Кэтти-бри отступила на шаг, потом еще на шаг на всякий случай, потом метнулась вперед как раз тогда, когда лезвие просвистело мимо, надеясь ранить варвара в руку. Но Берктгар оказался более проворным, он развернул меч так быстро, что девушка едва избежала удара, и ей пришлось немедленно отступить.

Но все же она подумала, что не без пользы предприняла такую уловку, — теперь она могла точнее рассчитывать атаки. К тому же, заметив капли пота на лбу пьяного варвара и то, что дышит он все тяжелее, она поняла, что с каждой секундой ее шансы увеличиваются.

— Если и все остальное ты делаешь так же, как дерешься, тогда хорошо, что я выбрала это состязание, а не другое, — поддразнила Кэтти-бри, и честолюбивый варвар снова бросился в атаку.

Кэтти-бри уклонялась и увиливала от размахистых, но совершенно бесполезных взмахов оружием. Когда меч снова пронесся мимо нее и очевидно было, что варвар еще не излил свою ярость, девушка прыгнула вперед. Меч развернулся, Берктгар подался вперед, Кэтти-бри отклонилась далеко в сторону, и острие пронеслось у самого ее лица.

— Я тебя вот-вот достану! — заверил ее Берктгар, становясь с девушкой лицом к лицу, снова размахивая мечом перед собой и подняв его к правому плечу.

Кэтти-бри сделала выпад, как только лезвие промелькнуло мимо нее, шагнув вперед правой ногой, чтобы дотянуться мечом до незащищенного бедра Берктгара. Но левой ногой она крепко уперлась и не стала доводить движение до конца. Как только Баккенфуэре пронесся, чтобы отразить удар, Кэтти-бри отскочила назад, крутанулась на левой ноге, клинок миновал ее, и она ранила варвара в правое бедро.

Он взревел и так резко развернулся, что чуть не упал.

Кэтти-бри, пригнувшись, стояла в нескольких шагах от него. Ясно было, что взмахи тяжеленным оружием уже сказываются на вожде варваров, особенно после обильных медовых возлияний.

— Еще немного, — прошептала девушка, стараясь быть терпеливой.

Она продолжала свою игру, и дыхание Берктгара становилось все более тяжелым и шумным. Каждый раз, нападая, Кэтти-бри оттачивала способ вести бой с этим великаном, несмотря на то что громадное оружие Берктгара и его мощные руки почти полностью заслоняли его от нее.

Дзирт мучился целых полчаса, выслушивая не совсем пристойные замечания.

— Никогда еще он так долго не возился! — заявил один варвар.

— Он *браузен*, наш Берктгар! — выкрикнул другой, что значило «выносливый».

— *Браузен!* — подхватили его буйные соплеменники, чокаясь кубками. Некоторые из женщин в дальнем конце захихикали, но у остальных были невеселые лица.

— *Браузен*, — шепнул Дзирт себе под нос, решив, что именно так можно назвать его за терпение, с которым он переживал эти невыносимо долгие минуты. Хотя его и злили грязные шуточки насчет Кэтти-бри, он больше боялся, что Берктгар может ранить ее, может даже одержать победу, а потом взять над ней верх уже иначе.

Дзирт старался не давать воли своему воображению. Потому что, несмотря на свое хвастовство, несмотря на хвастовство его людей, Берктгар был все же человеком чести. Но ведь он пьян...

«Я его убью», — решил дроу, и, если бы то, чего он так боялся, случилось, он действительно безжалостно расправился бы с варваром.

Но до этого не дошло. Вскоре Кэтти-бри и Берктгар показались в зале, оба довольно взъерошенные. Ключковатая борода варвара в одном месте была заляпана запекшейся кровью, но в целом он выглядел неплохо.

Проходя мимо дроу, Кэтти-бри слегка подмигнула.

Весь Хенгорот затих, совершенно очевидно, что пьяные варвары ожидали скабрзные подробности подвигов своего вожака.

Берктгар взглянул на Кэтти-бри, но та и бровью не повела.

— Я отказался от Клыка Защитника, — объявил вождь.

Зал разразился стонами, гиканьем и рассуждением о том, кто же «победил».

Берктгар вспыхнул, и Дзирт испугался, что сейчас будет.

Кэтти-бри вскочила на стол.

— В Сэттлстоуне нет мужчины лучше! — заявила она.

Несколько варваров бросились к столу, готовые принять вызов и доказать обратное.

— Нет мужчины лучше! — рявкнула девушка, и они отшатнулись, пораженные ее яростью.

— Чтя Вульфгара, я отказываюсь от Клыка Защитника, — пояснил Берктгар. — А также чтя Кэтти-бри.

Остальные непонимающе уставились на него.

— Если я правильно понял дочь короля Бренора, нашего друга и союзника, — продолжал Берктгар, и Дзирт невольно улыбнулся при этих словах, — то мое собственное оружие, Баккенфуэре, должно стать легендой! — Он высоко поднял свой огромный меч, и толпа зашлась в ликовании.

Дело закончено, союз заключен, и прежде, чем Кэтти-бри спустилась со стола, направляясь к Дзирту, было уже выпито немало меда. Проходя мимо вождя варваров, она приостановилась и бросила на него лукавый взгляд.

— Если ты солжешь... — тихонько прошептала она, убедившись, что их никто не слышит, — если ты солжешь или хотя бы только намекнешь, что переспал со мной, знай, что я вернусь и разобью тебя наголову на глазах всего народа.

Берктгар вроде как протрезвел при этих словах. А глядя на удалявшуюся Кэтти-бри и ее опасного друга, непринужденно стоявшего положив ладони на эфесы сабель, варвар протрезвел окончательно. Берктгар вовсе не хотел больше связываться с Кэтти-бри, но он предпочел бы сто раз сразиться с ней, чем один раз — с дроу.

— Ты пообещала вернуться и разбить его наголову? — когда они уже покидали поселок, переспросил девушку Дзирт, от чьего острого слуха не укрылись ее прощальные слова.

— Да, но мне бы не хотелось выполнять это обещание, — ответила Кэтти-бри, тряхнув головой. — Если бы он так не набрался меда, поединок с ним был бы все равно что прогулка

в логово медведя-шатуна.

Дзирт круто остановился, и Кэтти-бри, пройдя еще пару шагов, повернулась и поглядела на него.

Он смотрел на нее и широко улыбался.

— А со мной такое однажды случилось! — сказал он, и на обратном пути в горы (вскоре к ним присоединилась и Гвенвивар) Дзирту было что рассказать.

Позже, когда на небе ярко сияли звезды и горел костер, Дзирт смотрел на лежащую Кэтти-бри и слушал ее сонное дыхание.

— Знаешь, я люблю ее, — сказал дроу Гвенвивар.

Пантера моргнула своими светящимися зелеными глазами, но не шевельнулась.

— Но разве я могу? — спросил Дзирт. — И дело не в памяти Вульфгара, — поспешно добавил он, подумав при этом, что его друг вряд ли был бы против. — Разве я могу? — чуть слышно повторил он.

Гвенвивар протяжно и негромко заворчала, но, если она и хотела дать понять своему хозяину что-то, кроме того, что она все понимает, Дзирт этого не разобрал.

— Она ведь не проживет столько, — тихо продолжал Дзирт. — Когда ее не станет, я все еще буду молод. — Дроу перевел взгляд с Гвенвивар на девушку, и его поразила новая мысль. — Ты же хорошо должна это понимать, мой бессмертный друг, — сказал он. — На каком витке твоей жизни умру я? Сколько еще хранит твоя память, как будет хранить и меня, моя Гвенвивар? А сколько их еще будет?

Дзирт прислонился спиной к камню и посмотрел на Кэтти-бри, а потом поднял взор к небу. Его размышления были печальны, но они же несли покой, как извечное коловращение времен, как чувства, пережитые сообща, как память о Вульфгаре. Дзирт унесся мысленно в небо, туда, где раскинулось звездное покрывало и где его невеселые думы развеял неутомимый ветер.

Во сне он видел друзей, своего отца Закнафейна, свирфа Белвара, капитана Дюдермонта, чудесный корабль «Морская фея», Реджиса и Бренора, Вульфгара — и Кэтти-бри.

Никогда еще сны Дзирта До'Урдена не были спокойнее и приятнее.

Гвенвивар некоторое время смотрела на дроу, потом положила громадную голову на лапы и закрыла зеленые глаза. Дзирт был прав во всем, кроме того, что воспоминания о нем поблекнут в грядущих столетиях. За прошедшее тысячелетие у Гвенвивар и правда сменилось множество хозяев, большинство из них были добры, некоторые порочны, если не сказать больше. Кого-то пантера помнила, кого-то — нет, но Дзирт...

Темного эльфа, отрекшегося от своего народа, пантера будет помнить всегда, потому что он обладал твердым и добрым сердцем и преданность его была столь же нерушима, как и преданность Гвенвивар.

Часть 2 НАСТУПЛЕНИЕ ХАОСА

Долго еще потом барды всех Королевств называли это время Смутным, временем, когда боги были изгнаны с небес, а их воплощения жили среди смертных. Время, когда были похищены Камни Судьбы и Эо, Владыка Богов, разгневался, когда волшебство стало непредсказуемым и когда, как следствие, разрушились все общественные и религиозные построения, часто держащиеся на магии.

От фанатичных жрецов я слышал много рассказов об их встречах с воплощениями богов, полубезумные истории разных людей, уверявших, что своими глазами лицезрели бессмертных. В это Смутное Время многие обратились к религии, утверждая, что обрели свет и истину, сколь бы извращенными они ни

были.

Я не оспариваю их притязаний и не стану говорить, что встречи с божеством — выдумка. Я только рад за тех, кто посреди всеобщего хаоса нашел какую-то опору, стал богаче внутренне; всегда радостно за человека, обретшего духовное руководство.

Но как же вера?

Как же преданность и верность? Полное доверие? Вера не нуждается в вещественных подтверждениях. Она исходит из души, из глубины сердца. Когда доказательство существования бога становится необходимым, то духовное низводится до чувственного, а то, что должно быть свято, становится всего лишь логичным.

Я прикасался к редкому, бесценному зверю — единорогу, символу богини Миликки, царящей в моей душе и в моем сердце. Это случилось еще до наступления Смутного Времени, но все же, будь я таким же, как те, кто утверждает, что видели живого бога, я мог бы заявить то же самое. Я мог бы сказать, что прикасался к Миликки, что она явилась мне на той чудесной просеке в горах неподалеку от Перевала Мертвого Орка.

Конечно, единорог не был Миликки в прямом смысле, но все же это была она, так же как она являет себя в восходе солнца и смене времен года, в птицах и белках, в могучем дереве, что видело расцвет и закат веков. Как и в листьях, гонимых осенним ветром, в снеге, что толстым одеялом лежит в глубоких холодных горных долинах. Как и в аромате ясной ночи, в блеске усыпанного звездами небосвода, в далеком вое одинокого волка.

Нет, я не стану возражать тем, кто говорит, что видел воплощение божества, потому что такой человек все равно не поймет меня: присутствие бога среди нас умаляет цель и ценность веры. Ведь если бы истинные боги были так доступны и материальны, то мы перестали бы быть свободными существами, идущими по жизненному пути в поисках истины, и превратились бы в стадо овец, бездумных, без крупинки веры, которым нужен кнут пастуха и лай собак.

Тем не менее духовное руководство существует, но не в такой грубой форме. Оно проявляется в том, что мы считаем правильным и благим. Мы понимаем цену наших собственных поступков, когда отвечаем на действия других, но, если нам требуется бог живой, неоспоримое свидетельство существования божества, мы достойны сожаления.

Смутное Время? Да. И оно становится еще более смутным оттого, что мы готовы безоглядно верить проповедям разных богочеловеков, тогда как истина одна по определению и не может проявляться в таком множестве различных и порой противоречивых явлений и мнений.

Тот единорог не был Миликки, и все же он был ею, и я прикоснулся к богине. Но не к ее земной форме, не к единорогу, я прикоснулся к ней тем, что понял свое место в мире. Миликки есть мое сердце, и я следую ее велениям. Но если бы я основывался лишь на велениях моей совести, мои действия были бы такими же. Я повинуюсь Миликки, потому что она — то, что я называю истиной.

Именно таково большинство последователей разных богов, и если бы мы повнимательнее изучили Пантеон, то убедились бы, что веления «добрых» богов, в сущности, почти не отличаются друг от друга; разница лишь в том, как люди истолковывают их.

Что же касается других божеств, владык Раздора и Хаоса, таких как Ллос, Паучья Королева, владеющая сердцами жриц Мензоберранзана...

О них даже говорить не стоит. В них нет истины, и любая религия, основанная на принципах жестокости и стремления к власти, только способ жить в свое удовольствие и ничего общего с духовностью не имеет. По меркам мира, жрицы Паучьей Королевы могущественны, но духовно они пусты. Поэтому в их жизни нет места радости и любви.

И не говорите мне о «живых богах». Не надо приводить мне доказательств того, что ваш бог — истинный. Я предоставляю вам верить так, как вы верите, не подвергая вашу веру ни сомнениям, ни осуждению. Но если вы не дадите мне

верить тому, что лежит в глубине моего сердца, то я отвергну все «ощутимые» доказательства, потому что для меня они ненадежны.

Дзирт До'Урден

Глава 6

ВОЛШЕБСТВО ВЫХОДИТ ИЗ ПОВИНОВЕНИЯ

Оба меча Бергиньона Бэнра, оружейника Первого Дома Мензоберранзана, мелькали с головокружительной быстротой, клинки описывали в воздухе круги между ним и его противником, ослушавшимся рядовым.

Их полукругом обступила домовая стража Бэнр, состоявшая из первоклассных бойцов, в основном мужчин, а другие темные эльфы наблюдали за ходом схватки с высоты, сидя на гигантских подземных ящерах с липкими лапами, без труда прилепившихся к почти отвесным поверхностям ближайших сталактитов и сталагмитов.

Каждый раз, когда Бергиньон наносил неглубокое ранение или отражал ловкий удар, солдаты подбадривали его криками. Он прекрасно владел мечом (хотя многие считали, что с братом Дантрагом ему не сравниться), но крики эти все же были довольно вялыми.

Бергиньон и сам это заметил, и знал, в чем причина. Он много лет был командиром всадников Дома Бэнр, элитного отряда мужской дворцовой стражи. Теперь, когда Дантраг был убит, он стал еще и оружейником. Он уже ощутил тяжесть двойных обязанностей, чувствовал, как внимательно следит мать за каждым его шагом и принятым решением. Вот он и старался показать свою занятость. Сколько же схваток он провел, скольким наказаниям подверг своих подчиненных со времени смерти Дантрага?

Противник сделал слабый выпад, но Бергиньон был так рассеян, что чуть не пропустил его. Он вскинул меч и отвел клинок противника уже в последний момент.

Бергиньон услышал, как позади, заметив его ошибку, примолкли, и понял, что некоторые солдаты за его спиной надеялись, что в следующий раз его соперник окажется более быстрым.

Оружейник глухо зарычал и бросился вперед, словно подпитываясь ненавистью окружающих, тех, кто вынужден был ему подчиняться. Пусть ненавидят, решил он. Но при этом пусть уважают. Нет, не уважают — они должны его бояться!

Он сделал один шаг вперед, потом второй, попеременно рубя мечами налево и направо, но каждый удар был отражен. Условия, казалось, сравнялись. Бергиньон делал два шага вперед, потом отступал. Но в следующий раз он не отступил. Он продвинулся вперед еще на два шага, клинки лязгнули...

Теперь другой дроу вынужден был защищаться, и Бэнр продолжал его теснить. Солдат был достаточно умен и успешно отражал предсказуемые выпады, однако не смог должным образом отступить, и Бергиньон взял его в захват, сцепив свои клинки с его до самых эфесов.

Особенной опасности это не представляло, скорее просто стало бы передышкой в схватке, но Бергиньон вдруг заметил нечто, на что его соперник не обратил внимания. Рыча, молодой Бэнр с силой отбросил противника от себя. Потерявший равновесие дроу попятился и немедленно вскинул мечи, готовый сразу же отразить дальнейшее нападение.

Бэнр, однако, нападать не стал, похоже, он просто выпустил его из захвата.

А в следующее мгновение пятящийся дроу наткнулся на ограду дворца Бэнр.

Пожалуй, во всем Мензоберранзане не было ничего более удивительного, чем двадцатифутовая ограда в виде паутины, окружавшая Дом Бэнр и державшаяся на сталактитах, свисавших над всей территорией дворца. Красиво блестящие серебристые канаты, толщиной с ногу взрослого темного эльфа, были сплетены в затейливые симметричные узоры, ничуть не уступающие сети настоящего паука. Проникнуть сквозь нее было невозможно — ни при помощи оружия, ни волшебством. Единственная вещь, посредством которой можно было перенестись через ограду, хранилась у Матери Бэнр. Зато

при малейшем прикосновении к канатам даже необыкновенный силач не смог бы потом отлепиться от ограда.

Противник же Бергиньона налетел на ограду всей спиной. Когда он понял, чего добивался молодой Бэнр, когда увидел, как озарились лица собравшихся, одобрявших хитрый ход, его глаза широко раскрылись, между тем как Бергиньон спокойно приближался к нему с коварной ухмылкой.

Дроу оторвался от забора и бросился навстречу оружейнику.

Они сошлись в жесткой схватке, причем ошеломленный Бергиньон больше защищался. Но долгие годы усиленной подготовки не прошли для оружейника даром, и он, несмотря на то что совершенно опешил, все же смог уравнивать позиции.

Как можно было судить по перешептыванию окружающих, все собравшиеся тоже были потрясены.

— Ты же коснулся ограда! — воскликнул Бергиньон.

Солдат промолчал. Он тоже опустил острия клинков, как и Бергиньон, и оглянулся через плечо, чтобы удостовериться в том, чего на самом деле быть не могло.

— Ты ударился об ограду, — снова сказал Бергиньон недоверчиво.

— Всей спиной, — подтвердил солдат, повернувшись к нему.

Бергиньон немедленно вложил мечи в ножны, промчался мимо солдата и остановился перед самой волшебной преградой. Его соперник и все остальные последовали за ним; они были настолько удивлены, что никто не думал о продолжении схватки.

Бергиньон сделал знак солдату-женщине, стоявшей рядом с ним, и попросил:

— Дотронься-ка мечом.

Женщина извлекла из ножен меч и положила его на одну из струн. Она обвела взглядом Бергиньона и остальных, а потом без всяких усилий подняла клинок.

Еще один дроу осмелился коснуться ограда рукой. Окружающие смотрели на него широко раскрытыми глазами, считая его отчаянным смельчаком, но он совершенно спокойно убрал руку с каната.

Бергиньоном овладел панический страх. Говорили, что ограда была подарена Дому Бэнр самой Ллос тысячелетия назад. Если она больше не действует, это вполне может означать, что Дом утратил расположение Паучьей Королевы. И Ллос отвернулась от них, потворствуя заговору низших Домов.

— Все на посты! — рявкнул Бэнр. Повторять дважды темным эльфам, вполне понимавшим и разделявшим страхи своего командира, не пришлось.

Бергиньон направился к главной башне дворца, чтобы разыскать мать. При этом он едва не столкнулся с дроу, с которым только что сражался, и в глазах рядового мгновенно появился страх. Обычно в таких случаях Бергиньон, обладавший благородством лишь в той мере, в какой этого требовали невысокие стандарты дроу, выхватывал меч и погружал его в тело противника, таким образом подводя итог схватке. Растерявшись после происшествия у ограда, рядовой замешкался и вовремя не скрылся из глаз. Он не сомневался, что сейчас его ждет неминуемая смерть.

— Быстро на свой пост, — приказал вместо этого командир. Молодой Бэнр понимал, что в случае, если его опасения оправдаются и против Дома Бэнр действительно составилась заговор, а Ллос отвернулась от них, им понадобится каждый из двух с половиной тысяч человек стражи.

* * *

Король Бренор Боевой Топор все утро провел в верхней часовне Мифрил Халла, стараясь выбрать нового верховного священника. Раньше это место занимал его дорогой друг Коббл, дворф, обладавший большой магической силой и глубокой мудростью.

Однако мудрость не спасла беднягу Коббла от заклинаний дроу, и его погребла под собой цельная металлическая плита.

После него в Мифрил Халле оставалось свыше десятка священнослужителей. Сейчас они выстроились в два ряда по обе стороны от трона Бренора. Каждый горел желанием произвести впечатление на короля, в том числе и жрица Стампет Скребуший Коготь.

Бренор сделал знак дворфу, стоявшему первым слева. При этом он поднес к губам кружку меда, изготовленного этим священником. Бренор пригубил, потом осушил одним махом весь сосуд с живительным напитком, а жрец выступил вперед.

— Свет в честь короля Бренора! — завопил претендент, замахал руками и начал гимн Моррадину, богу дворфов.

— Ясный чистый вкус, с небольшой примесью горечи, — одобрил Бренор, проведя пальцем по влажному краешку кружки и слизнув последнюю каплю. — Насыщенный букет, прямо в нос шибает, — добавил он. — Семь.

Одиннадцать остальных претендентов издали дружный стон. По десятибалльной шкале «семерка» была наивысшей отметкой, которой Бренор до сих пор удостоил уже испробованные образцы «святой воды».

Если Джерболла, который сейчас, как безумный, выкрикивал заклинания, выкажет не менее выдающиеся способности к магии, его будет трудно обойти на пути к вождьленному посту.

— И да будет свет, — вскричал Джерболла, дойдя до самого важного места заклинания, — красным!

Раздался такой оглушительный хлопок, словно сотня дворфов одновременно выдернули пробки из бутылок. И — ничего!

— Красным! — вопил Джерболла.

— В чем дело? — спросил Бренор, который, как и все остальные, не видел никаких изменений в освещении часовни.

— Красным! — еще раз самозабвенно прокричал Джерболла и обернулся. Тогда все поняли, в чем дело. Глаза Джерболлы светились красным — он в буквальном смысле смотрел на мир сквозь розовые очки.

Расстроенный Бренор уронил голову на руки и застонал.

— А ведь какую отличную святую воду делает, — печально заметил он под довольные смешки окружающих.

Бедняга Джерболла, уверенный, что заклинание сработало наилучшим образом, так и не понял, почему все смеются.

Пользуясь благоприятным моментом, Стампет выскочила вперед. Она протянула Бренору свою кружку, а сама встала перед троном.

— Я готовилась показать кое-что другое, — поспешно объявила она, пока Бренор пробовал ее напиток (при этом его лицо просветлело, и он поставил ей «девятку»). — Но священнослужитель Моррадина и Кланггедона, который умеет сражаться как никто другой, должен быть готов к неожиданностям!

— Говори же, Стампет Коротышка! — гаркнул один из дворфов, и все разразились хохотом, даже Бренор улыбнулся.

Стампет, настолько привыкшая к своему прозвищу, что воспринимала его почти что как знак отличия, ничуть не обиделась.

— Джерболла хотел вызвать красный свет, — крикнула она. — Так пусть же он и будет красным!

— Он и так красный, — возразил Джерболла и в награду за тугодумие получил подзатыльник от стоявшего сзади дворфа.

Войдя в раж, молодая Стампет взъерошила еще короткую рыжую бородку и начала совершать такие неистовые телодвижения, что больше было похоже, будто она бьется в конвульсиях.

— Двигай, Коротышка! — шепнул дворф у трона, вызвав новый взрыв хохота.

В ответ на это Бренор поднял кружку и постучал по ней пальцем, напомнив остряку:

— Девять.

Шансы Стампет были выше всех: если она выполнит заклинание, которое провалил Джерболла, вряд ли кто-то сможет ее победить, а это значит, что этот самый остряк окажется у нее в подчинении.

Шутник тоже получил свой подзатыльник от стоявшего позади соседа.

— Красный! — что было мочи заорала Коротышка.

Но ничего не произошло.

Послышались смешки, но вообще-то все дворфы были весьма озадачены. Стампет действительно считалась сильной волшебницей и, несомненно, могла залить помещение светом любого оттенка. У всех (кроме Джерболлы, который так и не понял, в чем дело) создалось впечатление, что творится что-то неладное.

Смущенная и растерянная, Стампет обернулась к трону. Она хотела извиниться, но едва открыла рот, как мощнейший взрыв потряс зал, так что ее и еще нескольких дворфов сбilo с ног.

Она откатилась в сторону и повернулась, глядя в пустой конец зала. Из пустоты появилось облако синих искр, зависло в воздухе, а потом двинулось к пораженному Бренору. Король пригнулся и заслонился рукой, отчего кружка в его руке, соприкоснувшись с искрами, разлетелась на мелкие осколки. От столкновения шар взорвался, и дворфы разбежались в поисках укрытия.

По всей комнате раздавались взрывы, сияющие шары метались в воздухе, стены и пол сотрясались от громоподобных ударов.

— Что ты натворила, Девять Проклятых Кругов?! — закричал на несчастную Стампет Бренор, сжавшийся на громадном троне.

Чародейка хотела было что-то ответить, оправдаться, но тут же стала поспешно уползать, потому что в воздухе возникла какая-то трубка, прицелилась и начала обстреливать Стампет разноцветными шариками.

Вся эта неразбериха длилась еще несколько ужасающих минут, дворфы метались по залу, искрящиеся шары преследовали их, подпаливая им спины и бороды. Но потом все кончилось так же внезапно, как и началось, в часовне снова воцарилась тишина, а в воздухе повис серный запах.

Бренор выпрямился на троне, но не сразу и попытался придать своему облику приличествующее достоинство.

— Что, Девять Проклятых Кругов, ты тут устроила? — снова спросил он, на что бедняжка Стампет лишь пожала плечами. Кое-кто при этом робко захихикал.

— По крайней мере, свет все же остался красным, — заявил Джерболла негромко, но с расчетом на то, чтобы его услышали. И снова получил подзатыльник.

Бренор досадливо покачал головой, но в тот же миг застыл на месте, потому что в воздухе прямо перед ним появились два глаза и недобро уставились на него.

Потом они упали на пол и покатались в разные стороны.

Бренор, выпучив глаза, смотрел, как из воздуха появилась рука, сгребла глазные яблоки и снова развернула их к королю дворфов.

Бесплотный голос произнес:

— М-да, раньше такого никогда не случалось.

Бренор даже подпрыгнул от испуга, но почти сразу успокоился и опять застонал. Давненько он не слышал этого голоса, но ему никогда не забыть его. К тому же теперь все только что происшедшее в часовне как-то объяснялось.

— Гаркл Гарпелл, — произнес Бренор, и по всей комнате пронесся шепот, потому что большинство дворфов не раз слышали рассказы короля о Широкой Скамье, городе, расположенном к западу от Мифрил Халла, где правил клан легендарных странноватых чародеев Гарпеллов. Когда Бренор с друзьями проходили Широкую Скамью на пути к Мифрил Халлу, то навестили Дворец Плюща. Это место дворф, не слишком горячий поклонник магии, никогда не смог бы забыть, но зато и вспоминал без особой теплоты.

— Приветствую тебя, король Бренор. — Голос доносился откуда-то с пола, из-под

глазных яблок.

— Ты хоть здесь? — поинтересовался король дворфов.

— Гм, — ответил пол. — Я слышу и тебя, и тех, с кем я сижу в «Пушистом Копье», — ответил Гаркл, назвав таверну в Широкой Скамье. — Минуточку, прошу простить.

Пол снова хмыкнул, глаза несколько раз моргнули, что само по себе было в высшей степени удивительно: веко возникало ниоткуда, на мгновение прикрыло зрачок и снова исчезло.

— Похоже, я одновременно и там, и тут, — пустился в объяснения Гаркл. — Но здесь я ничего не вижу — ну конечно, ведь глаза мои там. Интересно, может, получится их вернуть.

Снова появилась призрачная рука, нащупывая глаза. Пальцы попытались аккуратно взять один из них, но только перекатили глазное яблоко по полу.

— Ой-ой-ой! — закричал Гаркл, сразу, видно, почувствовав головокружение. — Так вот, значит, каково приходится ящерицам! Надо взять на заметку...

— Гаркл! — оборвал его Бренор.

— О, да-да, конечно, — ответил Гаркл, слегка приходя в себя. — Прошу простить мое замешательство, король Бренор. Прежде такого никогда не случалось.

— Зато теперь случилось, — сухо отвечивал Бренор.

— Мои глаза здесь, — произнес Гаркл задумчиво, как бы вслух рассуждая сам с собой. — Но я, без сомнения, тоже скоро прибуду. Честно говоря, я надеялся, что окажусь у вас сию же минуту. Но почему-то не попал. Странно, странно. Я могу попробовать еще раз или попросить одного из братьев помочь...

— Нет! — с жаром выкрикнул Бренор, которого передернуло при мысли о том, что в следующие несколько мгновений Гаркл начнет появляться из ниоткуда по частям.

— Да, конечно, — после секундного раздумья согласился Гаркл. — Слишком опасно. И так странно. Ну что ж, ладно. Я прибуду на твой зов, мой друг король дворфов!

Бренор опять уронил голову на руку и вздохнул. Именно эти самые слова он со страхом ожидал услышать уже больше двух недель. Исключительно по настоянию Дзирта он отправил посланника в Широкую Скамью с просьбой о помощи в возможной войне.

Но Бренор считал, что если Гарпеллы будут его союзниками, то отпадет и острая необходимость во врагах.

— Через неделю, — объявил бесплотный голос. — Я прибуду через неделю! — Последовала продолжительная пауза. — Э-э, мм-м... будьте так добры, сохраните мои глаза, если вас не затруднит...

Бренор слегка кивнул в сторону, и несколько дворфов, сгорая от любопытства и не испытывая более страха перед весьма странными объектами, с готовностью бросились вперед. Они немного потолклись над глазами яблоками и наконец расхватили их — оба оказались в разных руках, и оба дворфа с очевидным удовольствием принялись строить им рожи.

Еще прежде, чем Гаркл в страхе закричал, Бренор прикрикнул на них и велел прекратить.

— Прошу вас! — взмолился маг. — Пусть они оба будут в одних руках!

Дворфы тут же покрепче вцепились в свою добычу.

— Отдайте их Стампет! — рявкнул Бренор. — Из-за нее все началось!

Не отваживаясь перечить королю, но с явной неохотой, дворфы расстались с глазами.

— И пожалуйста, не допускайте, чтобы они пересохли, — попросил Гаркл, и Стампет немедленно отправила их в рот.

— Да не так! — вскричал голос. — Совсем не так!

— Надо отдать их мне! — запротестовал Джерболла. — Ведь мое заклинание сработало! — И снова получил подзатыльник.

Бренор обмяк в кресле, безнадежно качая головой. Потребуется еще много времени для организации священнослужителей, а приготовления к войне после прибытия Гарпеллов займут еще больше времени.

У Стампет, которая, несмотря на все свои причуды, была, пожалуй, самой здравомыслящей особой среди дворфов, настроение резко испортилось. Неожданное появление Гаркла отодвинуло на задний план некоторые трудности, но само по себе оно не объясняло того, что здесь случилось. Стампет, несколько других дворфов и даже писец поняли, что творилось что-то неладное.

* * *

К тому времени как Дзирт, Кэтти-бри и Гвенвивар пришли на высокий перевал, за которым находился восточный вход в Мифрил Халл, пантера уже устала. Дзирт держал ее на Материальном уровне дольше обычного, и, хотя силы ее быстро таяли, Гвенвивар была этому рада. В глубоких туннелях шла усиленная подготовка к войне, поэтому Дзирт теперь не часто выбирался на поверхность, а следовательно, и Гвенвивар тоже.

Очень долго статуэткой пантеры владели разные дроу в Мензоберранзане, поэтому Гвенвивар веками не видела солнца на Материальном уровне. Но при этом на поверхности она чувствовала себя лучше всего, ведь именно здесь обитали обычные пантеры. Да и первые хозяева Гвенвивар жили здесь.

Гвенвивар наслаждалась прогулкой по каменистым тропам вместе с Дзиртом и Кэтти-бри, но сейчас пора было возвращаться домой, на Астральный уровень. Несмотря на то что им так нравилось быть вместе, ни дроу, ни пантера сейчас не могли позволить себе подобную роскошь, поскольку впереди их, возможно, ждала большая беда и в этой грядущей войне Дзирту и пантере, вероятно, придется сыграть не последнюю роль, сражаясь бок о бок.

Пантера кругами ходила возле статуэтки, постепенно растворяясь, пока не превратилась в неосязаемый серый туман.

* * *

Покинув Материальный уровень, Гвенвивар попала в длинный извилистый коридор, на серебристую дорожку, которая должна была вывести ее на Астральный уровень. Пантера лениво прыгала, возвращаться ей не слишком хотелось, к тому же она очень устала, чтобы бежать. Все равно путь не очень долгий, и здесь никогда ничего не случается.

Но за очередным поворотом Гвенвивар резко остановилась и прижала уши.

Туннель впереди пылал.

Какие-то жуткие очертания, дьявольские формы плясали в пламени. Гвенвивар сделала еще несколько шагов вперед. Она ощущала льющийся оттуда сильный жар, видела разъяренных демонов и слышала, как они хохочут, пожирая стены круглого туннеля.

Гвенвивар почувствовала порыв воздуха и поняла, что туннель был пробит куда-то в пустоту между уровнями бытия. Демоны вырастали, удлинялись, потом пламя снова поглощало их; отдельные языки дико плясали, метались и дрожали, расходились, а потом сливались вместе, разгораясь с какой-то злобной неистовой силой. Сзади Гвенвивар подгонял сильный ветер, понукая лететь в разрыв, в пустоту.

Гвенвивар чутьем поняла, что нужно противостоять этой силе, иначе она не найдет пути назад и будет вечно блуждать между уровнями, потерянная, беспомощная.

Пантера вонзила когти в пол и начала отступать, отчаянно борясь с могучим ветром за каждый дюйм, черная шерсть у нее на спине стала дыбом.

Один шаг.

Пол туннеля был гладким и твердым, не во что было всадить когти. Гвенвивар сильнее заработала лапами, но все же ее неудержимо сносило вперед, к пламени и дыре в туннеле.

* * *

— Что случилось? — спросила Кэтти-бри, увидев недоумение на лице Дзирта, зажавшего в руке статуэтку.

— Теплая, — ответил дроу. — Фигурка теплая.

Девушка тоже удивленно вскинула брови. Потом она ощутила необъяснимый ужас.

— Зови Гвен назад, — быстро сказала она.

Но Дзирт, тоже испугавшись, именно это и делал. Он поставил статуэтку на землю и повторял имя пантеры.

* * *

Гвенвивар слышала его голос, и больше всего на свете ей хотелось послушаться его и вернуться, но она была уже совсем близко от пролома. Страшное пламя высоко вздымалось, опаяя ей морду. Ветер еще усилился, а зацепиться было совершенно не за что.

Пантеру охватили страх и горе. Никогда больше не прийти ей на зов Дзирта; никогда не поохотиться с ним в лесах вблизи Мифрил Халла и не промчаться вниз по каменистым тропкам вместе с дроу и Кэтти-бри.

Гвенвивар и раньше приходилось страдать, когда умирали некоторые из ее прежних хозяев. Но Дзирта никто не заменит. Как никто не сможет заменить Кэтти-бри или Реджиса и даже несносного дворфа Бренора, чья странная любовь-ненависть частенько развлекала пантеру.

Гвенвивар вспомнила, как Дзирт уговорил ее улечься на спящего Бренора и подремать на нем. Как он тогда кричал!

Пламя лизало ей морду. Она уже различала пролом и пустоту за ним, куда она вскоре канет.

Откуда-то издалека, пробиваясь сквозь свист ветра, доносился голос Дзирта, голос, на который Гвенвивар уже никогда не придет.

Глава 7

ВИНА БЭНР

Джарлакс не испытывал особой симпатии к Утегенталю Армго, оружейнику и фавориту Матери Второго Дома Мензоберранзана Барризон дель'Армго. Джарлакс даже сомневался, дроу ли он. Ростом почти шесть футов, широкий и мускулистый, весящий почти двести фунтов, Утегенталь был самым крупным темным эльфом в городе, да и вообще среди всех представителей этого народа, обычно худощавых и изящных. Но неукротимый оружейник выделялся не только размерами. Если Джарлакса считали оригиналом, то Утегенталь просто пугал. Его густые белые волосы были коротко острижены и смазаны густым вязким веществом, получаемым из вываренного вымени подземной коровы. В орлином носу красовалось мифриловое кольцо, а из каждой щеки торчало по золотой булавке.

Его любимым оружием был трезубец — черный, под цвет его облегающего панциря из соединенных металлических пластин — и сеть (как говорили, волшебная), висевшая на поясе, под рукой.

Джарлакс был рад уже и тому, что на сей раз Утегенталь явился не в боевой раскраске из ломаных линий красного и желтого цвета, нанесенных каким-то неизвестным составом, который сохранял свои цвета и в нормальном, и в инфракрасном свете. В Мензоберранзане все знали, что Утегенталь не только был фаворитом Матери Мез'Баррис, но и любовником многих женщин Барризон дель'Армго. Видно, во Втором Доме он был чем-то вроде быка-производителя, и Джарлакс содрогнулся, представив себе множество маленьких Утегенталей.

— Магия больше не действует, но я по-прежнему силен! — рявкнул оружейник. Постоянно насупленный от умственных усилий лоб делал его еще более грозным. Он согнул

одну руку и напряг железный бицепс, с гордостью демонстрируя, как вздулись мускулы.

Джарлаксу даже пришлось напомнить себе, что он у себя дома и сидит в собственной комнате за собственным столом, окруженный верными и умелыми солдатами Бреган Д'эрт, готовыми выскочить из тайного убежища по первому знаку. Но даже если бы их не было поблизости, стол Джарлакса был оборудован множеством хитроумных ловушек специально для назойливых гостей. Да к тому же и сам наемник был недурным воином. Где-то в глубине души — но очень глубоко — он даже прикинул, каковы были бы его шансы в поединке с Утегенталем.

Немногие воины, будь то дроу или нет, могли бы тягаться с Джарлаксом, но лицом к лицу с этим маньяком наемник проявлял скромность.

— *Ултрин Саргтлин!* — продолжал реветь Утегенталь, что на языке темных эльфов обозначало «Лучший воин». Теперь, после смерти Дантрага Бэнра, он справедливо мог претендовать на такое прозвище. Пока Бэнр был жив, Джарлакс не раз представлял себе давно ожидаемый поединок между двумя непримиримыми соперниками, Дантрагом и Утегенталем.

Дантраг был быстр, как молния, но Джарлакс скорее поставил бы на Утегенталя, обладавшего чудовищной силой и мощным телосложением. Говорили, что, когда Утегенталем овладевает упоение боем, он становится силен, как титан, а еще, что, если на него нападает какое-то незначительное существо вроде раба-гоблина, оружейник всегда пропускает первый удар, упивается болью, а потом раздирает противника на части, после чего отбирает некоторые из них и велит приготовить на обед.

Джарлакса передернуло при этой мысли, и он заставил себя не думать ни о чем подобном, поскольку у них с оружейником были дела поважнее.

— Ни один оружейник, ни один дроу Мензоберранзана не сравнится со мной. — Утегенталя всего так и распирало от гордости, и он продолжал бахвалиться, хотя нужды в этом не было.

Он все никак не мог остановиться, и Джарлакс молчал, хоть ему и хотелось спросить, для чего все это. Но наемник был уверен, что, раз уж оружейник прибыл сюда в качестве посланца Второго Дома, он когда-нибудь перейдет к сути дела.

Утегенталь вдруг замолчал и протянул руку через весь стол к большому драгоценному камню, который главарь наемников использовал в качестве пресс-папье. Оружейник что-то пробормотал себе под нос. Слов Джарлакс не разобрал, но зато заметил, что в застёжке гиганта-дроу с эмблемой Барризон дель'Армго мелькнула искорка. Утегенталь поднял камень и сжал его изо всех сил. Рельефные мышцы на его руке вздулись от напряжения, но камень не поддался.

— Я должен был раздавить его! — выкрикнул оружейник. — Ллос наградила меня такой волшебной силой!

— Вряд ли этот камень будет что-то стоять, если его растереть в порошок, — сухо заметил Джарлакс. Он не понял, к чему клонит Утегенталь. Всем в городе магия преподносила неожиданные сюрпризы. Но теперь наемник лучше понимал хвастовство оружейника. Хоть тот и оставался силен, но не так, как раньше, и это, очевидно, очень тревожило Утегенталя.

— На магию больше нельзя полагаться, — изрек великан. — Нигде. Жрицы часами простаивают на коленях, молясь, приносят в жертву одного дроу за другим, а Ллос и ее прислужницы так и не снисходят к ним. На магию больше нельзя полагаться, и виновата во всем Мать Бэнр!

Джарлакс заметил, что Утегенталь, похоже, повторяет чьи-то слова. «Вероятно, боится забыть, зачем он сюда пришел», — подумал наемник, и по его презрительной гримасе было ясно, что он невысокого мнения об уме Утегенталя. Хотя, конечно, Утегенталю не дано было замечать такие мелочи, как мимика собеседника.

— С чего это ты взял? — хмыкнул наемник. Без всякого сомнения, обвинение исходило от Матери Мез'Баррис. Теперь Джарлаксу многое становилось понятным: Мез'Баррис

послала Утегенталя прощупать Бреган Д'эрт, поглядеть, не подошло ли время Для удара по Бэнрам. Подобные слова могли быть расценены как подписание смертного приговора, но только не для Дома Барризон дель'Армго, поскольку Утегенталь славился невоздержанностью на язык, к тому же никогда не говорил ничего хорошего в адрес кого-либо, кроме себя самого.

— Но ведь это Мать Бэнр упустила предателя До'Урдена! — взревел Утегенталь. — Это она руководила священной церемонией, когда все пошло наперекосяк! Так же как и магия! На нее теперь нельзя полагаться!

«Повтори-ка это еще разок», — подумал Джарлак, но благоразумно промолчал. Наемник был раздосадован не только тем, что Утегенталь, похоже, совершенно не понимал, что происходит. Хуже было то, что весь город рассуждал так же, как и оружейник. Джарлак же считал, что темные эльфы Мензоберранзана сами себе надевали шоры на глаза, слепо веря, что во всем должен быть какой-то глубинный смысл, что каждый их поступок подчиняется какому-то грандиозному замыслу Паучьей Королевы. Жрицы, например, считали, что если Дзирт До'Урден отрекся от Ллос и сбежал, то все это произошло лишь потому, что Паучья Королева желала падения его Дома и участия других честлюбивых семейств в охоте за отступником.

Это была довольно ущербная философия, в ней не было места свободной воле. Бесспорно, Ллос могла сыграть какую-то роль в поимке Дзирта. Бесспорно, ее могло разгневать то, что случилось во время торжественного богослужения, при условии, конечно, что она вообще обратила на это внимание! Но полагать, что причина всему происходящему сейчас именно это событие, которое на фоне пятитысячелетней истории Мензоберранзана выглядело совсем незначительным, было глупейшим самомнением. Похоже, жители города дроу считали, что вся вселенная, не больше и не меньше, обернулась против них.

— Почему же тогда магия вышла из подчинения во всех Домах? — спросил Джарлак Утегенталя. — Ведь это могло коснуться только Дома Бэнр?

Оружейник резко тряхнул головой, не желая даже задумываться об этом.

— Мы не оправдали надежд Ллос и теперь несем наказание, — заявил он. — Если бы только мне довелось встретиться с отступником, а не этому жалкому Дантрагу Бэнру!

Джарлак бы дорого дал, чтобы это увидеть! Дзирт До'Урден сражается с Утегенталем Армго! От одной мысли об этом у Джарлакса мурашки пробежали по спине.

— Но ты же не будешь отрицать, что Дантраг пользовался благосклонностью Ллос, — произнес Джарлак. — А Дзирт До'Урден, само собой, нет. Почему же тогда Дзирт победил?

Утегенталь с таким усилием наморщил лоб, что его красные горящие глаза почти скрылись за нависшими бровями, и Джарлак поздравил себя с тем, что так умно подтолкнул его мышление в этом направлении. Выгородить Мать Бэнр — одно дело, другое — пошатнуть самые основы мировоззрения этого оболваненного религией раба.

— Все как-нибудь разрешится, — уверил его Джарлак. — В Арах-Тинилите, в Академии, в часовнях всех Домов усиленно молятся Ллос.

— Эти молитвы остаются без ответа, — буркнул Утегенталь. — Ллос гневается на нас и не станет говорить с нами, пока не будут наказаны те, кто не оправдал ее доверия.

Может, эти молитвы даже не услышаны, подумал Джарлак. В отличие от других дроу Мензоберранзана, традиционно недоверчиво относившихся ко всем, кроме собственного народа, Джарлак был тесно связан с внешним миром. Поэтому он знал, что жрецы свирфского Блингденстоуна испытывают такие же трудности, магия и им перестала подчиняться. Наемник считал, что нечто произошло в самом Пантеоне и из-за этого появились разрывы в материи магии.

— Ллос здесь ни при чем, — храбро изрек он, и Утегенталь вытаращил глаза. Джарлак же, понимая, что на карту поставлена вся структура Мензоберранзана и, вероятно, жизнь половины дроу города, продолжал гнуть свое. — Точнее, дело не только в Ллос. Когда вернешься в город, взгляни на Нарбондель, — сказал он. — Ведь даже сейчас, глубокой ночью, когда она уже должна остыть, колонна полыхает жаром. Она настолько горяча, что

ни один дроу не может использовать инфразрение рядом с ней, если только не боится ослепнуть. А ведь за Нарбондель отвечает чародей, а не жрица, — продолжал Джарлакс, надеясь, что заронил какие-то проблески сомнения в умственный сумрак Утегенталя.

— Ты сомневаешься, что Ллос может повлиять на часы? — проворчал тот.

— Я сомневаюсь, что она станет это делать! — ядовито парировал Джарлакс. — Волшебство, заключенное в Нарбондели, не зависит от Ллос, оно всегда было вне ее подчинения. Прежние Архимаги, до Громфа, даже не поклонялись Паучьей Королеве! — Он чуть было не добавил, что и Громф-то не отличается большим рвением, но решил воздержаться. Незачем давать Второму Дому дополнительный повод думать, что Дом Бэнр в еще большей немилости у Ллос, чем они считали. — А еще подумай о феерических огнях, подсвечивающих строения, — продолжал Джарлакс. По тому, как насупил лоб Утегенталя, наемник понял, что теперь дикарь уже меньше злится, а больше соображает — само по себе необычное явление. — Они то мерцают, то вдруг затухают. А ведь это огни чародеев, а не жриц, и светятся они на всех дворцах, а не только на дворце Бэнров. Я говорю, дело не в нас и даже не в священном богослужении. Передай Матери Мез'Баррис, что при всем моем почтении я не думаю, будто Мать Бэнр повинна во всем происходящем, и не считаю, что война против Первого Дома позволит разрешить все трудности. По крайней мере до тех пор, пока Ллос сама не даст на это ясных указаний.

На лицо Утегенталя вернулось обычное хмурое выражение. Конечно, ведь он сбит с толку, подумал про себя Джарлакс. Умнейшие дроу Мензоберранзана, как и умнейшие свирфы Блингденстоуна, были растерянны, но ничто из того, что мог сказать Джарлакс, все равно не повлияло бы на этого воинственного дикаря, горящего желанием напасть на Дом Бэнр. Хотя наемник вовсе не ставил себе целью в чем-то убедить Утегенталя. Единственное, чего ему хотелось, — чтобы тот все правильно передал Матери Мез'Баррис по возвращении. То, что глава Дома Барризон дель'Армго послала к нему не последнего человека в Доме, оружейника и своего сожителя, говорило яснее ясного, что она не станет плести заговор против Дома Бэнр без помощи или, по крайней мере, одобрения Бреган Д'эрт.

— Я пошел, — объявил наконец Утегенталя. Из всего, что он произнес с той секунды, как вошел в комнату Джарлакса, это было самое приятное.

Наемник снял свою широкополую шляпу и, проведя руками по бритой голове, удобно откинулся в кресле. Он не мог даже предполагать, какой размах приобретут события. Может, в этом хаосе сама Ллос будет уничтожена? Что ж, это было бы не так уж и плохо.

Но все же он надеялся, как и сказал Утегенталю, что все вскоре как-нибудь прояснится и станет на свои места, поскольку знал, что просьбы о союзнчестве в войне — а пока это были только просьбы — неизбежно повторяются и с каждым разом они будут настойчивее. Раньше или позже, но на Дом Бэнр нападут.

Джарлакс вспомнил о столкновении между Матерью Бэнр и Кьорл Одран, виденном им собственными глазами, которое произошло еще в самом начале, когда Мать Бэнр только собирала силы для похода на Мифрил Халл. Кьорл была главой Дома Облодра, третьего в иерархии Мензоберранзана, но, пожалуй, самого опасного. Тогда Бэнр, зная, что Ллос покровительствует ей, говорила с позиции власти. Она оскорбила Кьорл и Третий Дом, неприкрытыми угрозами заставив несговорчивую женщину вступить в союз.

Джарлакс не сомневался, что Кьорл никогда не забудет этого. Именно она могла подталкивать Мез'Баррис Армго к войне с Домом Бэнр.

Джарлакс обожал неразбериху, он процветал среди всеобщего хаоса, но то, что творилось сейчас, не на шутку его тревожило.

* * *

Вопреки догадкам наемника, который почти никогда не ошибался, Кьорл Одран вовсе не втравливала Мать Мез'Баррис в войну с Домом Бэнр. Как раз наоборот, она изо всех сил старалась предотвратить возможное столкновение и тайком встречалась с Матерями шести

остальных правящих Домов рангом ниже Бэнр (не считая Геннитирон Тлаббар, Мать Четвертого Дома Фэн Тлаббар, которую Кьорл терпеть не могла и которой не доверяла). И дело было вовсе не в том, что Кьорл простила Матери Бэнр оскорбление или боялась странных событий. Ничуть не бывало!

Если бы Дом Облодра не располагал разветвленной сетью шпионов и разведчиков и если бы не существовало таких явных признаков, как мерцание феерических огней и неверное распределение тепла в Нарбондели, члены Третьего Дома могли бы и не заметить того, что случилось. Потому что сила Дома Облодра основывалась не на магии и не на молитвах служительниц Паучьей Королевы. Все в Облодре были псиониками. Их сила заключалась во внутренних способностях разума, и пока что неприятности Смутного Времени никак на них не отразились.

Однако Кьорл не могла допустить, чтобы это стало известно всему городу. Двадцать жриц по ее приказанию трудились над тем, чтобы псионические огни, симулировавшие феерическое пламя во дворце Третьего Дома, мигали, как и в остальных Домах. А перед Мез'Баррис и другими Матерями она старалась выглядеть не менее взволнованной и расстроенной, чем они.

Нужно было позаботиться о том, чтобы никто ни о чем не догадался, чтобы сами разговоры о заговоре прекратились. И вот когда Кьорл уверится, что странные фокусы, которые выкидывает магия, не чей-то дьявольский розыгрыш, ее семья нанесет решающий удар — самостоятельно. Сперва она оплатит Дому Фэн Тлаббар за все те годы, что ей приходилось наблюдать за их возвышением, а может, сразу ударит по этим мерзким Бэнрам.

Но в любом случае коварная Кьорл намеревалась воевать в одиночку.

* * *

Мать Бэнр сидела очень прямо в кресле посреди залитого светом факелов возвышения в центре большой дворцовой часовни. Ее дочь Сосумпту, хранительница этого святейшего для всех дроу места, сидела слева от нее, а Триль, старшая из ее дочерей и Мать-Хозяйка Академии, — справа. Все трое смотрели ввысь, на созданный Громфом иллюзорный образ. Он больше не менял обличье с дроу на паука, а застыл где-то в срединной фазе, и это казалось странно уместным, словно бы замерла сила, приведшая Дом Бэнр на вершины власти.

Там, вверху, быкоподобные рабы и гоблины продолжали трудиться над приведением купола в порядок, но Мать Бэнр уже не верила, что его починка хоть в малейшей мере будет способствовать прояснению странных и запутанных событий, происходивших в Мензоберранзане. Она понемногу склонялась к тому, что, как и говорил Джарлакс, причиной последних событий было нечто большее, чем срыв священного богослужения и побег отступника. Она начинала верить, что все творящееся в городе темных эльфов происходило и в остальном мире, и она не могла ни понять этого, ни исправить.

Но легче ей не становилось. Если другие семейства не согласны с ней, то попытаются принести ее в жертву ради того, чтобы вернуть все на свои места. Она мельком глянула на дочерей. У Сосумпту, в отличие от всех известных ей женщин-дроу, честолюбие, казалось, отсутствовало напрочь, и ее Бэнр не опасалась. Зато Триль была гораздо хитрее. Хотя она, казалось, всегда была довольна своей жизнью и высоким местом Хозяйки Академии, все прочили Триль место главы Первого Дома.

Триль была терпелива, как и ее мать, и расчетлива не меньше ее. Если бы она пришла к убеждению, что назрела необходимость сместить Мать Бэнр с ее трона и тем самым восстановить имя и репутацию Дома, она сделала бы это не колеблясь и без всякой жалости.

Вот почему Мать Бэнр вызвала ее из Академии и к тому же назначила встречу в часовне. Здесь хозяйкой была Сосумпту, здесь было святилище Ллос, и Триль не посмела бы предпринять что-либо в этом месте.

— Я намереваюсь потребовать от Академии обращение с призывом не разжигать в

течение Смутного Времени междоусобиц, — нарушила относительную тишину Триль.

Ни одна из женщин Бэнр не обращала внимания на звон молотов и стоны рабов, работавших на покато́й крыше в сотне футов над их головами. Даже когда быкоподобные чудовища разрывали и сбрасывали вниз ради забавы какого-нибудь гоблина, они как будто не видели этого.

Мать Бэнр глубоко вздохнула и задумалась над словами дочери и тем, что стояло за ними. Конечно, Триль добьется такого обращения. Академия оставалась основной силой, державшей Мензоберранзан в равновесии. Но почему Триль решила сказать ей об этом именно сейчас? Почему бы не подождать, пока обращение не будет обнародовано?

Мать Бэнр гадала, зачем Триль пытается обнадежить ее. Может, просто пытается сбить с толку?

В голове Матери Бэнр роились различные соображения, они крутились и сталкивались друг с другом, и ее состояние понемногу начинало напоминать паранойю. Разумом она понимала, что старание за каждым словом разглядеть какой-то тайный мотив, видеть врагов там, где их нет, даже принимать друзей за врагов неминуемо ведет к саморазрушению. Но она чувствовала, что отчаяние берет над ней верх. Еще несколько недель назад она была на вершине власти, она сплотила город, и по ее знаку все Дроу готовы были выйти на поверхность, выступить в поход против Мифрил Халла.

И как быстро все исчезло, словно растворилось в воздухе.

Но она не сдалась. Не затем Мать Бэнр прожила больше двух тысяч лет, чтобы сейчас опустить руки. И если Триль действительно замысливает захватить ее трон, то будь она проклята! Будь они все прокляты!

Старуха звучно хлопнула в ладоши, и перед глазами обеих дочерей предстал отвратительный урод ростом с человека, закутанный в роскошное малиновое одеяние. Его сизо-сиреневая голова напоминала осьминожку, только вокруг круглого зубастого рта шевелились тоненькие щупальца, а глаза были молочно-белые и без зрачков.

Дочери Бэнр хорошо знали иллитидов, или, как их еще называли, «прорицателей сознания». Эльвиддинвельп, или Метил, как его обычно называли, долгие годы был приближенным Матери Бэнр. Придя в себя от неожиданности, Сосумпту и Триль обернулись к матери, ожидая объяснений.

«Приветствую тебя, Триль, — прозвучал в голове старшей дочери телепатический посыл. — И конечно же, тебя, Сосумпту, в этом месте, которое ты имеешь честь хранить».

Обе женщины кивнули и сформулировали в уме ответные приветствия, прекрасно зная, что Метил прочитает их мысли прежде, чем будет сказано хоть слово.

— Дуры! — обругала обеих Мать Бэнр. Она вскочила с трона с искаженным от ярости лицом. — Как можно выжить в это беспокойное время, если две из моих ближайших советниц и командующих такие дуры?!

Сосумпту готова была сгореть со стыда, она даже прикрыла лицо широким рукавом своего богатого черно-фиолетового облачения.

Триль, более искушенная, чем ее младшая сестра, тоже в первый миг растерялась, но тут же поняла, что так рассердило ее мать.

— Иллирид не утратил своих способностей, — задумчиво произнесла она, и Сосумпту выглянула из-под руки.

— Ни в малейшей степени, — мрачно подтвердила Мать Бэнр.

— Но ведь тогда у нас есть преимущество, — осмелилась вставить Сосумпту. — Ведь Метил предан нам, — без обиняков добавила она. Прорицатель сознания в любом случае прочел бы ее сокровенные мысли, поэтому скрывать за полуправдой то, что думаешь, все равно было бесполезно. — А он — единственный иллирид в Мензоберранзане.

— Но не он один обладает такими способностями! — рявкнула на нее старуха и снова упала в кресло.

— Кьорл, — выдохнула Триль. — Если Метил не утратил своей силы...

— ...то и члены Облодры тоже, — хмуро закончила за нее старшая Бэнр.

«Они полностью владеют своими возможностями, — мысленно подтвердил Метил. — Если бы подданные Кьорл ментально не управляли огнями дворца Облодры, они бы и не мигали».

— Это точно? — спросила Триль. В том, как вела себя магия, не было какой-либо последовательности, она выходила из-под контроля совершенно непредсказуемо. Возможно, что Метил просто пока еще не почувствовал этого на себе. И не исключено, что огни Дома Облодра, хоть и другого происхождения, все же подвержены хаосу, царящему во всем городе.

«Другие существа-псионики хорошо чувствуют проявления психических влияний, — уверенно заявил Метил. — Третий Дом полон сил».

— А Кьорл прикидывается, что это не так, — недобро добавила Мать Бэнр.

— Она хочет напасть неожиданно, — сказала Триль.

Мать Бэнр кивнула.

— Но ведь есть Метил? — с надеждой произнесла Сосумпту. — Он же обладает большой мощью.

— Метил — сильный соперник для Кьорл, — уверенно сказала Мать Бэнр, тогда как Эльвиддинвельп молчаливо внушал им то же самое. — Но ведь Кьорл не одна.

— А сколько их? — спросила Триль, на что старуха лишь пожала плечами.

«Много», — мысленно ответил Метил.

У Триль родилось подозрение, но, поскольку Метил все равно мог читать в ее мыслях как по писаному, она произнесла его вслух:

— А если Облодра действительно выступит против нас, чью сторону примет Метил?

В первое мгновение Мать Бэнр была потрясена подобной откровенностью, но сразу же поняла, что все равно нет никакой возможности сохранить подозрения в тайне.

— И не может ли он привести других иллитидов нам на помощь? — гнула свое Триль. — Ведь если с нами будет сотня иллитидов...

Метил хранил гробовое молчание, не передавая ни единой мысли, поэтому Бэнрам все стало ясно.

— Прорицателям сознания нет никакого дела до наших трудностей, — сказала Мать Бэнр. Это была правда, и все это знали. Старуха уже пыталась привлечь иллитидов к походу на Мифрил Халл, суля им богатства и вечную дружбу, но странных, живших по своим собственным законам осьминоноголовых существ это не интересовало. Мать Бэнр так и не поняла, что им нужно, несмотря на все те годы, что Метил был при ней. Единственное, чего она добилась, так это того, что Метил и два иллитида согласились участвовать в походе в обмен на то, что их маленькому пещерному сообществу отдадут в рабство сотню кобольдов и двадцать мужчин-дроу.

Говорить больше было не о чем. Дворцовую стражу уже привели в полную боевую готовность; все дроу молили Паучью Королеву о заступничестве. Дом Бэнр делал все возможное, чтобы предотвратить крушение, но, несмотря на это, Мать Бэнр не верила в успех. Кьорл уже несколько раз приходила к ней без предупреждения, беспрепятственно минуя магическую ограду и многочисленные ловушки. Мать Третьего Дома делала это только для того, чтобы подразнить соперницу. Правда, к тому времени, как она преодолевала все магические западни, у нее оставалось уже немного сил и она была не способна повредить Матери Бэнр. Но кто знает, что могла бы устроить Кьорл теперь, когда волшебные преграды не действовали? Разве могла Мать Бэнр противостоять псионическим силам без магии?

Похоже, что ее единственной защитой оставался Метил, которого она не понимала и которому не верила.

Возможности были невелики.

Глава 8 МАГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Гвенвивар почувствовала боль, такую боль, какой она еще никогда в жизни не испытывала. А еще отчаяние, полное отчаяние. Гвенвивар была волшебным существом, воплощением жизненной силы зверя, которого на Материальном уровне называли пантерой. Ее существование полностью зависело от магии, именно благодаря ей она могла являться в грубый материальный мир на зов Дзирта и прежних хозяев.

Теперь волшебство стало неуправляемым; та тонкая материя, что соединяла магию во всем мире, образуя четкий и предсказуемый рисунок, порвалась.

Пантера была в отчаянии.

Гвенвивар слышала, как Дзирт без конца зовет ее. Дроу понял: что-то случилось; в его голосе были страх и растерянность. Сердцем, так чутко чувствовавшим четвероногого друга, Дзирт До'Урден понял, что вскоре потеряет пантеру навсегда.

Эта леденящая душу мысль на мгновение придала Гвенвивар надежду и решимость. Она сосредоточила все мысли на Дзирте и постаралась внушить ему, как больно будет ей, если она никогда больше не сможет прийти на зов своего любимого хозяина. Глухо рыча, с железным упорством, она с такой силой вдавила задние лапы в гладкий пол, что зацепилась несколькими когтями, но чудовищным порывом ветра ее снова сорвало с места.

Боль не остановила пантеру, по сравнению с плясавшими перед ней языками пламени и возможностью быть выброшенной из туннеля, с единственной дорожки на Материальный уровень к Дзирту, боль была ничто.

Кошка боролась изо всех сил, столько не выдержало бы ни одно живое существо. Но Гвенвивар хоть и не приблизилась к пролому, так же ни на дюйм не продвинулась назад, туда, откуда хозяин молил ее вернуться.

В конце концов, окончательно обессилив, Гвенвивар бросила скорбный, безнадежный взгляд через плечо. Все ее тело дрожало от страшного напряжения. Потом она сдалась, и ее понесло прямо к пылающей брешу.

* * *

Мать Бэнр нервно расхаживала по маленькой комнате, ожидая, что в любую минуту сюда ворвется стражник и доложит, что весь город восстал, считая именно ее повинной в постигших их бедах, и что дворец в осаде.

Еще совсем недавно Бэнр мечтала о завоеваниях, ощущала власть во всей полноте. Казалось, Мифрил Халл был уже у нее в руках, да и весь город готов был повиноваться любому ее приказу.

А теперь она боялась, что не сможет удержать даже свой собственный дворец, откуда Бэнры управляли городом больше пяти тысяч лет.

— Мифрил Халл! — выкрикнула старуха с такой злобой, как будто это далекое место было причиной крушения. Ее немощная грудь натужно вздымалась; тяжело дыша, она обеими руками сорвала с шеи цепочку. — Мифрил Халл! — еще раз гаркнула она, поднеся к лицу подвеску в виде кольца, выточенную из зуба Гэндалуга Боевого Топора, основателя клана.

Все дроу, даже самые приближенные к Матери Бэнр, считали, что Дзирт До'Урден был побудительной причиной завоевательного похода. Все думали, что ради его поимки Ллос благословила столь опасный рейд к самой поверхности.

На самом деле Дзирт являлся лишь частью большого замысла, а настоящим побудительным импульсом было это скромное кольцо. Внутри него томился страдающий дух Гэндалуга, хорошо знавшего Мифрил Халл и понимавшего клан Боевого Топора. Много веков назад Мать Бэнр сама захватила короля дворфов, и лишь по иронии судьбы беглец из Мензоберранзана прибил к клану Бренора, дав Матери Бэнр тот повод, которого она выжидала много-много лет.

Вне себя от ярости, старуха швырнула зуб в противоположную стену и тут же в страхе отпрянула назад, потому что кольцо взорвалось.

Старуха тупо смотрела в угол комнаты, где дым уже рассеялся, и перед ней предстал коленопреклоненный обнаженный дворф. Ее недоумению не было предела, она даже вскочила с кресла, потому что это был не дух, а сам Гэндалуг, из плоти и крови!

— Как ты смеешь сюда являться? — злобно взвизгнула старуха, старательно пряча страх. Она и раньше вызывала Гэндалуга в его прижизненном облике из плена между Уровнями бытия, в котором он томился, но никогда еще он не был столь осязаемым, телесным и никогда не являлся голым. Теперь же одного взгляда на него было достаточно, чтобы Мать Бэнр поняла, что темницы больше не существует. Гэндалуг вернулся таким, каким был в ту самую минуту, когда она взяла его в плен, если не считать одежды.

Измученный старый дворф посмотрел на старуху, столько времени терзавшую его. Бэнр говорила на языке дроу, и он, конечно, не понял ни слова. Но это и не имело значения, потому что Гэндалуг ее не слушал. Слова были не нужны.

Постанывая при каждом движении, причинявшем боль, Гэндалуг с трудом разогнул спину, оперся на одну, потом на вторую ногу и уверенно встал. Он понял, что все изменилось. После долгих веков прозябания в серой пустоте, перемежавшейся пытками, Гэндалуг Боевой Топор наконец почувствовал, что вернулся в свое настоящее тело. Все время своего плена старик дворф существовал словно во сне, где живые и жуткие облики появлялись лишь тогда, когда эта старая мерзавка вызывала его, а потом снова следовала тягучая бесконечная пустота, где время, место, мысли превращались в ничто.

Но теперь... Теперь все было иначе, теперь Гэндалуг чувствовал, как хрустят и ноют его старые кости. И как это было прекрасно!

— Иди назад! — велела Бэнр на языке поверхности, на котором она всегда разговаривала со старым дворфом. — Возвращайся в свою тюрьму, пока я тебя не позову!

Гэндалуг осмотрелся, увидел лежащую на полу цепочку, на которой не было кольца.

— А я так не думаю, — возразил старик на устарелом диалекте с сильным акцентом и сделал шаг вперед.

Бэнр зло сощурилась и прошептала, вытащив тоненькую волшебную палочку:

— Да как ты смеешь?! — Она понимала, что иметь дело с дворфом опасно, поэтому не стала терять время, направила на него палочку и произнесла заклинание, которое должно было набросить на Гэндалуга путы и крепко держать.

Но ничего не произошло.

Гэндалуг, рыча, как голодный зверь, сделал еще шаг.

Холодный взгляд Бэнр метнулся в сторону, выдавая страх. Она привыкла целиком полагаться на магию, магией она защищала себя от врагов и уничтожала их. Она могла отразить нападение любого неприятеля, лично разгромить батальон закаленных дворфских солдат благодаря волшебным амулетам (с которыми она никогда не расставалась) и множеству известных ей заклинаний. Но без этих вещей и заклинаний, которые перестали действовать, она была всего лишь жалкой слабой старушонкой.

Гэндалуга не остановил бы даже титан. Он не мог понять, какая сила вдруг вырвала его из заточения, но он был свободен и снова очутился в своем старом крепком теле, которого не чувствовал уже две тысячи лет.

Бэнр могла бы попытаться и другие уловки, на которые пока не распространилось странное воздействие Смутного Времени, как, например, сумочку, набитую живыми пауками, послушными ее приказам. Но она не стала терять время, а вместо этого развернулась и бросилась к двери.

Дворф метнулся за ней одним прыжком, разом перелетев пятнадцать футов и встав между дверью и своей мучительницей.

Бэнр почувствовала такой удар кулаком в грудь, что у нее перехватило дыхание, а в следующее мгновение она оказалась в воздухе, над головой разъяренного дворфа.

Пролетев через всю комнату, она шмякнулась о стену и свалилась на пол.

— Я оторву тебе башку! — прошипел Гэндалуг, неотвратимо надвигаясь на нее.

Однако тут распахнулась дверь, и в комнату влетел Бергиньон. Гэндалуг круто

обернулся к нему, а дроу выхватил оба меча. Пораженный странной картиной, — как мог дворф проникнуть в Мензоберранзан, да еще в личные покои его матери? — Бергиньон вскинул клинки, но старик уже успел схватить лезвия голыми руками.

Если бы действовало наложенное на оружие заклятие, руки дворфа были бы рассечены до кости. Даже и без этого металл глубоко вонзился в плоть.

Но Гэндалуг словно ничего не чувствовал. Он был крепче худошавого дроу и с силой развел руки Бергиньона в стороны. Потом нагнул голову и с размаху врезался лбом в кольчугу противника, тонкие колечки которой тоже ослабли без заклинания.

Гэндалуг продолжал наносить все новые и новые удары головой, и стоны Бергиньона постепенно превратились в беззвучные судорожные вдохи. Вскоре молодой Бэнр потерял сознание и не почувствовал, как старик вырвал клинки из его рук. И новым ударом, поскольку опоры у дроу больше не было, Гэндалуг сбил его с ног.

Не обращая внимания на глубокие порезы, дворф швырнул один меч в дальний угол комнаты, а другой ухватил покрепче и повернулся к Матери Бэнр, так и сидевшей у стены стараясь привести мысли в порядок.

— Что ж ты не улыбаешься? — издевательски поинтересовался дворф, наступая на нее. — Я хочу, чтобы на твоей гадкой роже была улыбка, когда я повыше подниму твою голову, чтобы показать всем!

Но следующий шаг стал для дворфского короля последним, поскольку перед ним вдруг возникло чудовище с осьминожьей головой, на которой угрожающе извивались щупальца.

Мощная волна ментальной энергии опрокинула Гэндалуга, и он чуть не выронил меч. Мыча, старик ожесточенно затряс головой, стараясь не потерять способности соображать.

Последовала еще одна волна энергии, затем третья. Если бы к ярости Гэндалуга не примешалась малая толика растерянности, он бы выдержал мощное нападение Метила. Но его гнев на секунду ослаб, и иллирид одержал над ним верх.

Дворфский король не слышал, как меч выпал из его руки, не слышал, как Мать Бэнр отозвала Метила и уже пришедшего в себя Бергиньона и приказала им не убивать его.

Бэнр была сильно напугана странными сюрпризами магии, которых она просто не в состоянии была понять. Неясно почему, но Гэндалуг снова жив, вновь оказался в своем теле и, очевидно, освободился от власти кольца. Однако даже страх не мог парализовать движений ее злобной душонки.

Все эти таинственные события не удержат Бэнр от расплаты за нанесенное оскорбление и за страх, испытанный ею. Она умела изошренно истязать плененные души, но это ее мастерство бледнело в сравнении с искусством мучить существа из плоти и крови.

* * *

— Гвенвивар! — упрямо продолжал звать Дзирт, крепко прижимая фигурку к груди, к самому сердцу, несмотря на то что она стала невыносимо горячей и плащ его уже начал дымиться, а пальцы немилосердно жгло.

Он решил ни за что не отпускать ее. Чувствуя, что скоро потеряет Гвенвивар навсегда, он решил держать статуэтку у сердца до самого конца, как солдат, обнимающий умирающего товарища.

Его оклики становились все тише и горестнее, потому что в горле стоял тугой комок. Теперь горели уже и пальцы, но Дзирт продолжал сжимать фигурку.

И тут вмешалась Кэтти-бри. Повинуясь внезапному отчаянному порыву, девушка, сама разрываясь от боли и горя, резко ухватила Дзирта за руку и выбила статуэтку на землю.

Сперва Дзирт испугался, но потом он почувствовал ярость и отчаяние, словно мать, которая видит, как опускают в могилу гробик ее ребенка. Едва статуэтка коснулась земли, Кэтти-бри выхватила Хазид'хи, занесла оружие над головой, и по краю зачарованного лезвия засветилась тончайшая красная полоска.

— Нет! — выкрикнул Дзирт, бросаясь на нее.

Но было уже поздно. Мысли Кэтти-бри спугались, голубые глаза наполнились слезами, но она собрала остатки мужества и предприняла последнюю отчаянную попытку, с размаху опустив меч. Хазид'хи разрубал камень, так случилось и на этот раз, именно в то мгновение, когда Гвенвивар втянуло в брешь.

Появилась вспышка, потом руку девушки пронзила острая пульсирующая боль, и ее швырнуло на землю. Дзирт бросился вперед, прикрывая рукой голову, как раз в тот момент, когда голова фигурки отлетела, выпустив в воздух целый сноп бушующего огня.

Через секунду пламя стихло и из разбитой статуэтки повалил густой сизый дым. Дзирт медленно выпрямился, Кэтти-бри пришла в себя, и оба уставились на стоявшую перед ними встрепанную Гвенвивар, у которой все еще дымились шкура.

Дзирт упал на колени и обеими руками обнял пантеру. Они ползком двинулись к Кэтти-бри, все еще сидевшей на земле смеясь и плача, обессилев после мощного удара волшебной силы.

— Что ты сделала? — спросил ее дроу.

Девушка не сразу нашлась что ответить. Она так и не поняла, что случилось, когда Хазид'хи вонзился в волшебную фигурку. Она перевела взгляд на клинок, который больше не светился, на лезвии которого появились зазубрины.

— Похоже, угробила свой меч, — негромко ответила она.

* * *

Немногим позднее Дзирт опустился на постель в своей комнате на верхнем уровне Мифрил Халла, с тревогой глядя на пантеру. Гвенвивар вернулась, и чутьем он понимал, что, если бы Кэтти-бри не разрубила фигурку, кошке пришлось бы намного хуже.

Однако и так хорошего было мало. Пантера была страшно утомлена; растянувшись перед камином, она опустила голову и прикрыла глаза. Однако Дзирт понимал, что сон ей мало чем поможет. Гвенвивар была созданием Астрального уровня и могла по-настоящему восстанавливать силы только среди звезд. Несколько раз Дзирту приходилось удерживать пантеру в материальном мире довольно долго, но, проведя хотя бы на один день больше обычного срока, Гвенвивар бывала совершенно истощена.

Сейчас лучшие мастера Мифрил Халла, большие умельцы, внимательно изучали фигурку, пытаясь найти способ починить ее, а Бренор отправил посланника в Серебристую Луну, прося помощи у госпожи Аластриэль, самой могущественной волшебницы по эту сторону Великой пустыни Анаврок.

Дзирт гадал, сколько на все это уйдет времени и удастся ли вообще починить статуэтку. Сколько еще протянет Гвенвивар?

Тут в комнату без всякого предупреждения ворвалась Кэтти-бри. Достаточно было одного взгляда на ее лицо с высохшими полосками от слез, чтобы понять — что-то случилось. Дзирт соскочил с кровати и сделал шаг к очагу, где висели его сабли.

Но девушка преградила ему путь и заключила в такие крепкие объятия, что оба свалились на кровать.

— Как мне этого хотелось, — с жаром сказала она, вцепившись в Дзирта.

Дроу, ошалев от неожиданности, тоже обнял ее. Немного вывернувшись, он посмотрел в глаза девушки, пытаясь понять, в чем дело.

— Мы предназначены друг для друга, Дзирт До'Урден, — всхлипывая, произнесла Кэтти-бри. — С того дня, как мы впервые увиделись, я лишь о тебе и думаю.

Это было совсем нелепо. Дзирт попытался высвободиться, но осторожно, чтобы не обидеть девушку, однако она держала его очень сильно.

— Взгляни на меня, — плакала она. — Скажи, что ты чувствуешь то же самое!

Дзирт посмотрел на нее испытующим взглядом. Конечно, она ему не безразлична. Он действительно любил ее и даже пару раз представлял себе, как произойдет нечто подобное.

Но сейчас все было как-то дико, слишком неожиданно, без предупреждения. У него

появилось смутное ощущение, что с ней что-то случилось, какой-то странный сбой, вроде того что повсеместно творилось с магическими предметами.

— А как же Вульфгар? — едва вымолвил он, поскольку Кэтти-бри так тесно прижалась к нему, что волосами совсем закрыла ему лицо. Бедный дроу вдыхал их сладкий запах и с трудом сопротивлялся непобедимому очарованию девушки, живому теплу ее сильного тела.

Кэтти-бри так резко откинула голову, как если бы он ударил ее:

— Кто?

Теперь оторопел Дзирт.

— Возьми меня! — взмолилась девушка.

Дзирт лишь молча вытаращил глаза.

— Владей мною! — кричала она.

— «Владей мною?» — чуть слышно повторил Дзирт.

— Сделай меня орудием твоего мастерства, — не умолкала она. — Молю тебя! Это мое предназначение, единственное, чего я жажду! — Вдруг она замолчала и отстранилась на расстояние вытянутой руки, глядя на Дзирта широко раскрытыми глазами, словно ее вдруг посетила какая-то неожиданная мысль. — Я лучше других, — лукаво добавила она.

«Каких таких других?» — хотел выкрикнуть Дзирт, но не в силах был произнести ни слова.

— Ведь и ты сам, — продолжала девушка, — лучше этой женщины, с которой я сейчас!

К этому моменту Дзирт уже почти взял себя в руки, но эти слова стали последней каплей. К черту деликатность, решил дроу, вывернувшись, оттолкнув ее, высвободился из объятий, скатился с кровати и вскочил на ноги.

Кэтти-бри метнулась за ним, обвила руками его ноги и вновь вцепилась со всей силой.

— Не отвергай меня, любимый! — кричала она с таким жаром, что Гвенвивар даже приподняла голову и глухо зарычала. — Владей мной, умоляю тебя! Лишь в твоих руках я вновь обрету целостность!

Дзирт нагнулся, намереваясь обеими руками оторвать ее от себя, и тут заметил на бедре Кэтти-бри нечто, что заставило его остановиться, нечто невероятное, но зато все объяснявшее.

Он заметил меч, тот самый, что девушка принесла из Подземья, с навершием в виде головы единорога. Только сейчас там был не единорог. На его месте было лицо Кэтти-бри.

В мгновение ока Дзирт выхватил оружие из ножен и отскочил на пару шагов. На лезвии Хазид'хи вновь появилась, ослепительно сияя, багровая линия. Дзирт осторожно сделал еще шаг назад, опасаясь, что девушка снова бросится на него.

Но Кэтти-бри осталась на месте, стоя на полу на коленях. Она закинула голову назад, как в припадке неудержимого восторга, и выкрикнула:

— О да!

Дзирт воззрился на навершие и с немым изумлением смотрел, как лицо Кэтти-бри на нем снова сменилось головой единорога. Он чувствовал, что от оружия исходит удивительное тепло, словно их связывают почти любовные узы.

Тяжело дыша, Дзирт перевел взгляд на Кэтти-бри, которая выпрямилась и теперь недоуменно озиралась.

— Что это ты делаешь с моим мечом? — спокойно поинтересовалась она. Потом вновь растерянно обвела глазами комнату Дзирта. Ее взгляд настолько красноречиво говорил «И что это я здесь делаю?», что слов не потребовалось.

— Надо поговорить, — сказал Дзирт.

Глава 9

ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Громфа и Трилль Бэнр крайне редко можно было застать у их матери одновременно, и еще реже здесь же оказывались вместе Бергиньон, Сосумпту и две другие дочери, Бладен

Керст и Квентель. Шестеро из семи собравшихся сидели в креслах, поставленных на центральном возвышении часовни, — все, кроме Бладен Керст. Напоминая дикого зверя в клетке, эта самая жестокая из женщин Первого Дома ходила кругами, нахмутив лоб и плотно сомкнув тонкие губы. Она была второй по старшинству дочерью после Триль и уже давно должна была покинуть материнский дом, заняв пост в Академии или возглавив свой собственный Дом. Но Мать Бэнр не позволяла ей этого, опасаясь, что ее совершенно невожатая, даже по меркам дроу, дочь опозорит Дом Бэнр.

Триль бросала презрительный взгляд на Бладен Керст всякий раз, как та проходила мимо нее. Она никогда не придавала сестре большого значения. Как и младшая сестра Вендес, убитая Дзиртом До'Урденем при побеге, Бладен Керст служила своей матери пыточным инструментом и ни на что большее не годилась. Никому, выше рядового солдата, она не представляла никакой угрозы.

А вот Квентель — совсем иное, и в промежутках между тем, как Бладен Керст проносилась мимо, Триль не сводила с нее внимательного, испытующего взгляда.

Квентель же смотрела ей в глаза с неприкрытой враждебностью. Она в короткое время прошла весь путь до верховной жрицы и была, как все знали, в большой милости у Ллос. Квентель ничуть не заблуждалась насчет шаткости своего положения: если бы не покровительство Ллос, Триль давно убрала бы ее с дороги. Квентель не делала никакой тайны из своих притязаний, главнейшим из которых было стать Матерью-Хозяйкой Арах-Тинилита, при том что Триль вовсе не собиралась оставлять этот пост.

— Сядь! — в конце концов рявкнула Мать Бэнр на надоевшую всем Бладен Керст. Один глаз старухи заплаыл, на щеке, которой она приложилась к стене, красовалась большая ссадина. Подобные отметины были ей в новинку, да и остальные удивлялись, видя ее с изуродованным лицом. В другое время от ранений не осталось бы и следа, стоило лишь прибегнуть к исцеляющему заклинанию, но наступили новые времена.

Бладен Керст остановилась и тяжело уставилась на раны на лице матери. Они о многом говорили. Во-первых, власть Бэнр была не такой, как раньше, мать, как и все они, стала уязвима. Во-вторых, они еще усугубляли гневное выражение, не сходившее с лица крайне встревоженной старухи.

Бладен Керст благоразумно решила, что лучше не перечить, и уселась в указанное ей кресло. И сразу замолотила по полу тяжелым сапогом. Женщины-дроу таких почти никогда не носили, хотя ими было так удобно пинать мужчин.

Но никто больше не обращал на нее ни малейшего внимания. Все следили за суровым взглядом Матери Бэнр, обратившимся к Квентель.

— Сейчас не время для личных счетов, — спокойно и веско сказала Мать Бэнр.

Квентель широко распахнула глаза, словно не понимая, о чем речь.

— Я тебя предупредила, — припечатала старуха, которую невинный взгляд дочери ни на миг не ввел в заблуждение.

— Я тоже! — немедленно присоединилась Триль. Она никогда не перебивала мать, зная, что это чревато, но сейчас решила, что нужно раз и навсегда расставить все точки над «и» и что мать оценит ее поддержку. — Ты долгие годы считала, что покровительство Ллос охранит тебя. Но Ллос, хотя мы и не можем знать почему, покинула нас. Теперь тебя никто не защитит, сестренка, и тебе стоит побережиться больше, чем любому из присутствующих.

Квентель подалась вперед в своем кресле и даже выдавила из себя улыбку.

— Неужели ты сомневаешься, что Ллос вернется к нам, хотя мы обе знаем, что так и должно быть? — прошипела она. — И из-за чего бы она от нас отвернулась? — С этими словами она дерзко взглянула на свою мать, на что мало кто отваживался.

— Вовсе не из-за того, что ты думаешь! — оборвала ее Триль. Она и раньше подозревала, что Квентель попытается свалить всю вину на старую Бэнр. Смещение главы Дома было бы ей только выгодно и могло бы и в самом деле несколько восстановить престиж находящегося на грани падения семейства. По правде говоря, Триль и сама обдумывала возможность шагов в этом направлении, но отказалась, поскольку больше не

верила, что происходившие вокруг странные события были как-то связаны с промахами матери. — Ллос отвернулась от всех Домов.

— И дело не в Ллос, — многозначительно добавил Громф, чьи магические способности, как известно, не зависели от богов и богинь.

— Довольно, — произнесла старуха Бэнр, поочередно оглядывая детей, которые замолкали под ее взглядом. — Мы не можем знать, что явилось причиной всех этих событий. А вот о чем следует задуматься, так это о том, как они могут нам повредить.

— Городу нужен *пирадин*, — высказалась Квентель, употребив слово, которым дроу обозначали козла отпущения. Она прямо посмотрела на свою мать, и та прекрасно поняла, кого она подразумевала.

— Дура! — выкрикнула старуха ей в лицо. — Думаешь, они удовольствуются только моим сердцем?

Квентель не нашла, что ответить на такой прямой вопрос.

— Для Домов рангом ниже никогда еще не было и никогда не будет лучшей возможности уничтожить наш Дом, — продолжала Бэнр, обращаясь теперь ко всем. — Если вы хотите сместить меня, то давайте действуйте, но знайте, что это не поможет вам предотвратить назревающий бунт. — Она раздраженно махнула рукой. — Скорее этим вы только окажете услугу нашим врагам. Благодаря мне мы связаны с Бреган Д'эрт, а ведь наши враги уже пытались склонить Джарлакса на свою сторону. Но Бэнр — это я, а не Триль и не Квентель. Не будь меня, вы бы уже дрались между собой за власть, науськивая друг против друга преданные вам отряды дворцовой стражи! И что бы вы делали, когда Кьорл Одран появилась бы на вашем дворе?

Ее речь подействовала наподобие холодного душа. Было уже известно, что Дом Облодра ничуть не утратил своей силы, и все Бэнры хорошо представляли себе, как ненавидели их в Третьем Доме.

— Теперь не время для сведения личных счетов, — повторила Мать Бэнр. — Пришла пора сплотиться и отвоевать свое положение.

Все, казалось, были вполне согласны с ней, за исключением Квентель. Обращаясь к Триль, заносчивая младшая сестра заметила:

— Молись, чтобы Ллос не обратила свой взгляд на меня прежде, чем на тебя.

Триль, казалось, это не тронуло.

— А ты молись, чтобы она вообще вернулась, — холодно ответила она, — иначе я оторву тебе голову и велю Громфу водрузить ее на Нарбондель. Пусть твои глаза светятся в разгар дня.

Квентель хотела было ответить, но Громф опередил ее.

— С удовольствием, дорогая сестренка, — обратился он к Триль. Они не испытывали друг к другу ни малейшей симпатии, но если к Триль Громф испытывал противоречивые чувства, то Квентель с ее наглыми притязаниями от души ненавидел.

Мгновенное согласие между двумя старшими отпрысками чудесным образом охладило пыл заносчивой младшей сестры, и Квентель до конца встречи больше не проронила ни слова.

— Может, теперь поговорим о Кьорл, представляющей опасность для всех нас? — саркастически поинтересовалась Мать Бэнр. Не услышав возражений (а если бы таковые последовали, она, скорее всего окончательно потеряв терпение, предала бы говорившего медленной смерти), старуха перешла к разговору о возможностях обороны дворца. Она сообщила, что Джарлаксу и его банде пока можно доверять, предупредив, однако, что он первый переметнется на сторону врага, если увидит, что Дом Бэнр сдает позиции. Триль заверила всех, что Академия пока верна им, а Бергиньон дал обнадеживающий отчет о состоянии дворцовой стражи.

Несмотря на столь приятные сведения и прекрасную репутацию дворцового гарнизона, разговор все же свелся к единственному возможному способу справиться с Кьорл и всем ее Домом. Первым об этом заикнулся Бергиньон, живо помнивший схватку с Гэндалугом.

— А что Метил? — спросил он. — И сотня иллитидов? Если бы они стали на нашу сторону, угроза со стороны Облодры ничего бы для нас не значила.

Остальных, казалось, очень воодушевила подобная возможность, но Мать Бэнр хорошо знала, что прорицатели сознания — ненадежные союзники.

— Метил до сих пор на нашей стороне, потому что знает, что мы — залог безопасности его народа. Дальше преданность Метила не простирается. Ведь илликиды составляют меньше одной сотой населения Мензоберранзана. Если он решит, что Дом Облодра сильнее нас, то сразу уйдет. — И старуха горько усмехнулась. — Остальные илликиды могут даже принять сторону Кьорл, — подумав, продолжала она. — Эта дрянь так похожа на них по природе своих способностей. Наверное, они прекрасно поймут друг друга.

— Может, не стоит говорить столь прямолинейно? — осторожно вмешалась Сосумпту. Она даже оглядела помост, как бы опасаясь, что Метил незримо присутствует здесь и слышит каждую их потаенную мысль.

— Это не имеет никакого значения, — просто ответила старая Бэнр. — Метил и так прекрасно знает все мои опасения. От иллитида ничего не скроешь.

— Тогда что же нам делать? — спросила Триль.

— Нужно собрать все силы, — решительно произнесла Бэнр. — Нужно отбросить страхи и нерешительность. И не делать ничего такого, что могло бы еще больше отдалить от нас Ллос. — Последние слова она произнесла, глядя на Квентель и Триль, и более пристально на Триль, которая, казалось, готова была воспользоваться тем, что Ллос больше не следит за ними, и избавиться от докучливой сестры.

— Нужно показать иллитидам, что власть над Мензоберранзаном по-прежнему принадлежит нам, — продолжала Бэнр. — Если они это увидят, то останутся с нами, им невыгодно будет, чтобы нападки Кьорл ослабили Дом Бэнр.

— Я иду в Сосер, — заявил Громф.

— А я в Арах-Тинилит, — решительно присоединилась Триль.

— Я не питаю никаких иллюзий по поводу дружеских привязанностей между моими соперниками, — сказал Громф. — Но полагаю, если пообещать им награду, когда все утрясется, среди них можно найти союзников.

— Учащимся запрещены какие бы то ни было контакты за стенами школы, — сообщила Триль. — Они, конечно, слышали о происходящем в общих чертах, но о том, что грозит Дому Бэнр, им ничего не известно. Они верны, пока пребывают в неведении.

Мать Бэнр кивнула обоим.

— А ты встретишься с представителями малых Домов из тех, что основаны нами, — обратилась она к Квентель, доверяя ей наиболее ответственное поручение. Власть Дома Бэнр в значительной степени опиралась на десяток малых Домов, во главе которых стояли знатные отпрыски Бэнров. Квентель, как никто, подходила для этого задания, поскольку более всех была в милости у Ллос.

По лицу дочери было видно, что ее удалось склонить на свою сторону — скорее благодаря угрозам Громфа и Триль, чем той подачкой, которая только что ей перепала.

Мать Бэнр прекрасно знала, что самый действенный способ положить конец соперничеству — это позволить и Триль, и Квентель сохранить лицо и чувствовать себя незаменимыми. В общем, встреча оказалась удачной и все силы Дома Бэнр теперь объединятся для обороны.

Но улыбка на губах Бэнр была довольно кислой. Она прекрасно представляла себе, на что способен Метил, и подозревала, что Кьорл ничуть ему не уступает. Пусть даже весь Дом Бэнр будет на страже, но достаточно ли этого без покровительства Ллос и чародейства Громфа?

* * *

Рядом с приемным залом Бренора на верхнем уровне Мифрил Халла было небольшое

помещение, где король дворфов разместил ремесленников, занятых восстановлением фигурки пантеры. Там находились небольшая наковаленка и изящные инструменты, а также стояло множество кувшинчиков и сосудов с различными растворами и зельями.

Дзирта вызвали сюда, и теперь он сгорал от нетерпения. Он, само собой, приходил в мастерскую по десять раз на дню, без всякого приглашения, и каждый раз видел одно и то же: дворфов, сгрудившихся над по-прежнему разбитой статуэткой и задумчиво теребивших бороды. После того несчастья прошла уже целая неделя, Гвенвивар была так обессилена, что едва могла приподнять голову, и неподвижно лежала перед очагом в комнате Дзирта.

Ожидание просто изматывало.

Но сейчас Дзирта позвали. Он уже знал, что утром прибыл посланец из Серебристой Луны, и оставалось лишь надеяться, что Аластриэль предложила какое-то действенное средство.

Бренор следил за ним через открытую дверь своей приемной. Кивнув, он мотнул головой в сторону, и Дзирт бросился к двери в комнатку и распахнул ее, даже не постучав.

То, что открылось его глазам, было совершенно невероятно. Разбитая — увы! — фигурка лежала на маленьком круглом столике. Рядом стоял Реджис и ожесточенно толк в ступке что-то черное. С другой стороны стоял упитанный дворф, Бастер Брейсер, знаменитый мастер доспехов, тот самый, что изготовил кольчугу Дзирта еще в Долине Ледяного Ветра. Дроу даже не решился сейчас поприветствовать его, чтобы не отвлекать. Бастер стоял широко расставив ноги. Время от времени он делал глубокий вдох и снова замирал, а в руках он держал обернутые в тончайшую увлажненную материю... глаза.

Дзирт стоял и гадал, что здесь происходит, пока знакомый булькающий голос не вывел его из задумчивости.

— Приветствую тебя, герой с кожей цвета ночи! — радостно закричал невидимый чародей.

— Гаркл Гарпелл, это ты? — спросил Дзирт.

— А мог быть кто-то другой? — сухо заметил Реджис.

Дзирт молча согласился.

— Что происходит? — спросил он, обращаясь к хафлингу, поскольку понимал, что, какой бы ответ ни дал Гаркл, он только напустит еще больше тумана.

Реджис чуть взмахнул ступкой.

— Притирание из Серебристой Луны, — радостно пояснил он. — Гаркл наблюдает, чтобы все правильно смешали.

— Наблюдает, — весело вмешался маг, — означает, что они держат мои глаза прямо над миской!

Дзирт даже не нашел в себе сил улыбнуться, поскольку голова фигурки все еще лежала отдельно от тела.

Реджис же хихикнул, но скорее презрительно, чем весело.

— Уже, должно быть, готово, — сказал он. — Но я хотел, чтобы ты сам наложил его.

— У дроу такие ловкие пальцы! — встрял Гаркл.

— А сам-то ты где? — спросил Дзирт, которому от такого необычного соседства было не по себе.

Гаркл моргнул, и из ниоткуда на мгновение появились его веки.

— В Несме, — ответил он. — Скоро мы уже будем к северу от Торфяных болот.

— А там и в Мифрил Халле, где ты наконец вновь обретешь свои глаза, — добавил Дзирт.

— Я это предвижу! — громовым голосом выкрикнул Гаркл и расхохотался, но его опять никто не поддержал.

— Если он не прекратит, я брошу эти чертовы глаза на наковальню! — буркнул Бастер.

Реджис поставил ступку и вытащил крохотный металлический инструмент.

— Тебе потребуется немного состава, — сказал он, протягивая вещицу Дзирту. — Гаркл велел постараться, чтобы вещество не попало на сам скол.

— Это всего лишь клей, — вмешался голос мага. — Волшебные силы, заложенные в фигурке, сами должны спаять ее. Состав надо будет удалить через несколько дней. Если все получится как надо, статуэтка будет... — он на секунду умолк, подыскивая верное слово, — спасена.

— Если получится... — невольно повторил Дзирт. Он чуть помедлил, принаравливаясь к тонкому инструменту и убеждаясь, что ожоги на ладонях уже зажили и не мешают ему.

— Получится, — убежденно заверил Реджис.

Дзирт глубоко вздохнул и взял в руки кошачью головку. Он внимательно вгляделся в блестящие глаза, так хорошо передававшие пронизательный взгляд настоящей Гвенвивар. Предельно осторожно, с почти материнской нежностью, Дзирт приложил головку к туловищу и приступил к трудоемкому делу — нанесению вязкого вещества по всей длине разлома.

Прошло более двух часов, прежде чем Дзирт и Реджис вышли из комнаты и попали в приемную Бренора, где тот беседовал с посланцем Серебристой Луны и еще несколькими дворфами.

Вид у короля был не слишком довольный, но от взгляда Дзирта не укрылось, что впервые после того, как начали твориться все эти странности, Бренор стал несколько спокойнее.

— Это не выходки дроу! — объявил дворфский король, едва Реджис и Дзирт показались в зале. — Если только эти проклятые дроу не обладают большей силой, чем только можно себе вообразить! Аластриэль говорит, что во всем мире творится то же самое.

— Госпожа Аластриэль, — с достоинством поправил стоявший рядом посланник, очень опрятный дворф с короткой аккуратной бородкой, одетый в свободное белое одеяние.

— Приветствую тебя, Фредегар, — обратился к нему Дзирт, узнав Фредегара Сокрушителя Скал, известного больше как Фред, любимого поэта и Советника госпожи Аластриэль. — Наконец-то тебе представился случай лично познакомиться со всеми чудесами Мифрил Халла.

— Если бы только время было другое, — мрачно ответил Фред. — Прошу покорно, скажи, как поживает Кэтти-бри?

— Неплохо, — ответил Дзирт. Вспомнив о девушке, сейчас ушедшей в Сэттлстоун, чтобы передать какие-то сведения от Бренора, дроу улыбнулся.

— Это не выходки дроу, — повторил Бренор с некоторым нажимом, давая понять, что сейчас не время и не место вести светские беседы.

Дзирт согласно кивнул — он и раньше убеждал короля, что темные эльфы в этом не повинны.

— Что бы это ни было, рубин Реджиса теперь совершенно бесполезен, — сказал он. Он поддел пальцем украшение, висевшее на груди хафлинга. — Сейчас он не более чем обычный, хотя и восхитительно красивый камень. Неведомая сила сразила Гвенвивар и даже добралась до Гарпеллов. Ни один из дроу не обладает такой мощью, иначе они давно уже завоевали бы поверхность.

— Что-то еще? — спросил Бренор.

— Предчувствие смуты витало в воздухе уже несколько недель, — вмешался Фред. — Хотя только в последние две недели все магические проявления стали столь опасны и непредсказуемы.

Бренор, никогда не питавший особого доверия к магии, только презрительно фыркнул.

— Ну вот и хорошо! — воскликнул он. — Этим дроу магия нужна больше, чем моему народу и ребятам из Сэттлстоуна. К черту всю эту магию, говорю я, и пусть приходят эти проклятые дроу! Вот тогда мы повеселимся!

При этих словах Тибблдорф Пвент подпрыгнул чуть не до потолка. Он кинулся вперед, встал между Бренором и Фредом и с размаху хлопнул чистенького дворфа немытой вонючей ладонью по спине. Мало что в мире могло урезонить взбодораженного берсерка, но взгляд Фреда, полный ужаса и негодования, несказанно удивил Пвента и неожиданно успокоил.

— В чем дело? — спросил берсерк.

— Если ты еще хоть раз дотронешься до меня, я проломлю тебе череп, — невозмутимо пообещал Фред, бывший чуть не вдвое меньше могучего Пвента, но по какой-то необъяснимой причине Пвент внял ему и отступил.

Дзирт, частенько бывавший в Серебристой Луне и хорошо знавший чистюлю Фреда, понимал, что больше десяти секунд в единоборстве с Тибблдорфом Пвентом Фред не выдержит — если только предметом столкновения не будет грязь. Сейчас же, когда Пвент заляпал белоснежные одежды маленького дворфа, Дзирт поставил бы все свои деньги на Фреда, не испытывая ни малейшего сомнения в исходе поединка.

Правда, Пвент никогда в жизни не совершил чего-нибудь против воли Бренора, а Бренор вовсе не хотел сложностей с посланцами, и уж тем более посланником-дворфом из дружественной Серебристой Луны. Все в зале посмеялись над возможностью странной схватки, чувствуя облегчение оттого, что непонятные события никак не связаны с таинственными темными эльфами.

Только у Дзирта До'Урдена камень лежал на сердце. Пока статуэтка не будет починена, пока волшебная сила не вернется к ней и бедняжка Гвенвивар не сможет отправиться на Астральный уровень, ничто не могло принести ему облегчения.

Глава 10 ТРЕТИЙ ДОМ

Нельзя сказать, что Джарлакс, всегда все предусматривающий, не ждал этого посещения, но его поразило, с какой легкостью Кьорл Одран проникла в их лагерь, проскользнула мимо стражи и прошла прямо сквозь стену его личных покоев. Он, отчаянно стараясь принять непринужденный вид, не сводил глаз со стены, через которую просачивался призрачный силуэт. Оказавшись в комнате, Кьорл приняла более вещественную и пугающую форму.

— Я давно уже жду тебя, — спокойно произнес Джарлакс.

— Разве так следует встречать Мать Дома? — спросила Кьорл.

Джарлакс чуть было не рассмеялся, но его остановил вид Кьорл. Слишком уж она уверена в себе, не ровен час, накажет или даже убьет, решил он. Кьорл, видимо, не понимала всей значимости Бреган Д'эрт, и это лишало Джарлакса, великого мистификатора и интригана, многих очков.

Он поднялся с удобного кресла, вышел из-за стола и отвесил глубокий поклон, сдернув с бритой макушки широкополую шляпу с гигантским плюмажем и шаркнув ею по полу.

— Приветствую тебя, Кьорл Одран, Мать Дома Облодра, Третьего Дома Мензоберранзана. Не часто мое жалкое жилище удостаивается...

— Хватит, — оборвала его Кьорл, и Джарлакс немедленно выпрямился и снова нахлобучил шляпу.

Не сводя с женщины немигающего взора, наемник опять опустился в кресло и удобно расположился в нем, с громким стуком водрузив обутые в сапоги ноги на стол.

Именно в этот момент Джарлакс почувствовал, как нечто внедряется в его мозг и словно бы прощупывает его потаенные мысли. Он мгновенно отбросил многочисленные проклятия, которые отпускал в эту минуту по поводу вышедшей из повиновения магии — потому что обычно волшебная повязка на глазу защищала его от подобных ментальных вторжений, — и прибег к собственной сообразительности. Он сосредоточил все мысли на Кьорл, представил ее без одежд и наполнил свое сознание настолько непристойными образами, что женщина, пришедшая по важному делу, вышла из себя.

— Я могла бы с тебя кожу живьем снять за такие мысли, — произнесла она.

— Какие мысли? — переспросил Джарлакс, делая вид, что задет за живое. — В таком случае мой разум для тебя закрыт, Мать Кьорл! Хотя я всего лишь мужчина, но вряд ли такое занятие можно одобрить. Ллос бы это не понравилось.

— К черту Ллос! — рывкнула Кьорл, и Джарлак опешил от столь недвусмысленного святотатства. Ни для кого не было секретом, конечно, что Дом Облодра не числился среди наиболее религиозных семейств дроу, но они всегда по крайней мере симулировали благочестие.

Лицо Кьорл посуровело.

— Если бы Ллос стояла моих молитв, она бы знала, в чем заключается истинная власть, — сказала она. — Именно разум отделяет нас от низших. И порядок должен быть установлен в соответствии с силами разума.

Джарлак ничего не ответил. У него не было ни малейшего желания вступать в дебаты со столь опасным и непредсказуемым врагом.

Кьорл не стала вдаваться в дальнейшие объяснения и взмахнула рукой, словно отменяя эту тему. Она была чем-то раздражена или расстроена, Джарлак ясно видел это, а раздражение этой особы могло обернуться для него неприятностями.

— Теперь Паучья Королева не властна ни над чем, — изрекла Кьорл. — И надо мной тоже. С сегодняшнего дня.

Джарлак изобразил удивление.

— Но ведь для тебя это не новость, — проговорила она тоном обвинителя.

Так оно и было — Джарлак только удивлялся, почему Облодра так долго выжидала, ведь другие Дома совершенно беззащитны, — но решил не признаваться.

— И чью же сторону займет Бреган Д'эрт? — спросила Кьорл.

Джарлак понял: все равно, какой ответ дать, поскольку Кьорл, очевидно, собиралась указать ему, какую позицию занять.

— Победителей, — наконец беззаботно произнес он с загадочным видом.

Кьорл усмехнулась, отдавая должное его изворотливости.

— Победительницей буду я, — заверила она его. — Все закончится очень быстро, прямо сегодня, ценой очень немногих жизней.

Джарлакса последнее заявление озадачило. В Доме Облодра никогда не было принято ценить жизнь, будь то дроу или кто-то еще. Третий Дом был столь малочисленным в основном благодаря тому, что члены этого дикого семейства гибли приблизительно с той же частотой, что и рождались. Широко была известна игра, в которую принято было у них играть, — ставки в ней были непомерно высоки, а называлась она, по какой-то странной иронии, *Халесс*, что обозначало на языке дроу «доверие». Над самым глубоким участком бездонной расщелины Клорифты повисал и шар мрака и магическое безмолвие. Соревнующиеся темные эльфы должны были висеть внутри шара при помощи силы левитации. Невозможно было что-либо увидеть и услышать в шаре, так что рассчитывать приходилось исключительно на храбрость.

Тот, кто первым выпадал из темной сферы на твердую землю, считался проигравшим, так что смысл заключался в том, чтобы удержаться внутри до последней доли секунды, пока действовало заклинание левитации.

Но чаще всего оба упрямых игрока оставались внутри чересчур долго, и оба падали в пропасть.

И вот теперь не знающая пощады Кьорл, живое воплощение коварства, пытается уверить его, что потери дроу будут очень незначительными. Джарлак невольно спросил себя, по чьим же меркам, потому что Кьорл вполне могла перебить половину населения города к концу дня.

Но от наемника все равно ничего не зависело. И он, и Бреган Д'эрт в той же мере полагались на волшебство, как и все остальные темные эльфы, а теперь, когда магия отказывалась служить, он был не в состоянии воспрепятствовать Кьорл входить в его личную комнату — и даже в свои сокровенные мысли!

— Сегодня, — хмуро повторила Кьорл. — А когда все будет кончено, я вызову тебя, и ты явишься.

Джарлак не стал отвечать — в этом все равно не было нужды, потому что Кьорл снова

проникла в его разум. Он ненавидел ее, он ненавидел то, что она собиралась сделать, но Джарлакс всегда отличался умением мыслить здраво, и, если все пойдет так, как предсказывала она, он действительно явится на ее зов.

Она улыбнулась, потом контуры ее фигуры расплылись, и она, как призрак, просто ушла через каменную стену.

Джарлакс откинулся на спинку кресла, нервно барабанил пальцами по столу. Никогда еще не доводилось ему чувствовать себя столь беззащитным и так связанным по рукам и ногам. Он мог бы, конечно, переговорить с Матерью Бэнр, но какой в этом толк? Даже Первый Дом, самый большой и надменный, не мог бы оказать сопротивление Кьорл, ведь у нее сила, а у них — нет. Похоже, Матери Бэнр вскоре не будет в живых, как, в общем-то, и всего ее семейства, и куда тогда деваться наемнику?

Скрываться он, конечно, не станет. Он пойдет к Кьорл.

Джарлакс понимал, почему она посетила его и почему для нее было так важно переманить его к себе, даже несмотря на то, что она, казалось, восторжествовала. Он и его банда были единственными дроу, имевшими какие-то выходы за пределы Мензоберранзана, а для той, что намеревалась стать Матерью Первого Дома — хотя в последнее тысячелетие никто не вынашивал таких планов, — это было важно.

Джарлакс продолжал барабанил пальцами по столу. Может, настало время перемен? Но он сразу же отмел столь ободряющее предположение, поскольку, даже окажись он прав, перемены были бы отнюдь не к лучшему. Очевидно, сама Кьорл считала, что сбой в магии временны, иначе она не была бы столь заинтересована в том, чтобы привлечь к себе Бреган Д'эрт.

Джарлаксу оставалось только молиться, чтобы она оказалась права, особенно в том случае, если ее нападение удастся (а у наемника не было оснований в этом сомневаться). Он понимал, что, если Первая Мать Кьорл, которую он ненавидел больше всех дроу, будет по собственной прихоти вторгаться в его мысли, долго ему не протянуть.

* * *

Для дроу она была слишком прекрасна; кто бы ни взглянул на нее, мужчина или женщина, любому она показалась бы воплощенным совершенством. И эта необычайная красота одна хранила ее от копий и арбалетов дворцовой стражи Бэнр. Бергиньон же, едва завидев ее, пригласил во дворец.

Волшебное ограждение не действовало, а ворот, в обычном понимании этого слова, в ограде дворца Бэнров не было. Раньше паутина ограды по приказу расступалась и скручивалась наружу, образуя довольно большое отверстие, но теперь Бергиньону пришлось просить гостью забираться через верх.

Она ни слова не сказала и просто подошла к ограждению. И паутина свернулась, образовав проход, словно все остатки волшебных сил, заключенные в ней, всколыхнулись перед лицом этого существа, телесного воплощения божества, сотворившего ее.

Бергиньон шел впереди, хотя и был совершенно уверен, что эта женщина не нуждается в провожатых. Он понял, что она направляется к часовне, — а куда же еще? — поэтому велел нескольким солдатам разыскать мать.

За дверями в часовню их встретила Сосумпту, поскольку эта святыня была в ее ведении. Она хотела было преградить им путь, но тотчас же спохватилась.

Бергиньон никогда не видел свою богобоязненную сестру в таком замешательстве, она чуть было рот не открыла от изумления. Потом отступила и грохнулась на колени.

Прекрасная женщина-дроу прошла мимо, не обронив ни слова. Потом она круто обернулась — Сосумпту вздрогнула — и гневно взглянула на Бергиньона, шедшего за ней.

— Ты всего лишь мужчина, — шепнула ему сестра. — Покинь это священное место.

Бергиньон был настолько потрясен, что даже не стал отвечать, он, пожалуй, даже не смог бы в этот момент отдать себе отчет в своих чувствах. Не смея повернуться спиной, он

попятился, беспрерывно отвешивая нелепые поклоны, вышел из часовни и вернулся во двор.

Там уже были Бладен Керст и Квентель, но остальных любопытных, собравшихся, когда прошел странный слух, они почли за лучшее разогнать.

— Возвращайся на свой пост! — прошипела Бладен Керст брату. — Ничего не случилось!

И он понял, что это приказ.

— Ничего не случилось, — послушно повторил Бергиньон. Позже, когда команда эта повторялась всеми, он понял, насколько она разумна. Бергиньон был уверен, что их посетила либо сама Ллос, либо одна из ее ближайших прислужниц. Солдаты тоже догадывались и будут шепотом передавать это друг другу, но нужно, чтобы враги ничего не узнали!

Бергиньон прошел по двору и передал дальше приказ: «Ничего не случилось». Он занял точку, с которой хорошо просматривалась часовня, и поразился, что обе его честолобивые сестрицы так и не осмелились войти внутрь и по-прежнему беспокойно вышагивают перед входом.

Сосумпту тоже вышла и присоединилась к ним. Когда Мать Бэнр поспешно прошла мимо них, они не обменялись ни словом, ни знаком. Она миновала дочерей, нырнула в дверь, и хождение перед входом возобновилось.

Внутри Мать Бэнр нашла одновременно и ответ на свои отчаянные молитвы, и воплощение ночных кошмаров. Она сразу поняла, кто сидит перед ней на центральном возвышении часовни.

— Если все это из-за меня, то я готова принести себя... — начала она, запинаясь и падая на колени.

— *Ваэл!* (Дура!) — оборвала ее излияния воплощенная богиня, и Бэнр от стыда прикрыла ладонями лицо. — *Усстансаргх ваэл!* (Высокомерная дура!) — закричала прекрасная женщина.

Старуха Бэнр затряслась всем телом и на секунду подумала, что это еще хуже ее самых сильных страхов: божество снизошло к ней, чтобы она умерла со стыда. В мозгу тут же пронеслась картинка, как ее истерзанное тело волокут по улицам Мензоберранзана, — жалкое зрелище падения самой могущественной из дроу.

Но внезапно Мать Бэнр сообразила, что именно за такие мысли стоящее перед ней исключительное существо сейчас и обругало ее. Она отважилась поднять на нее глаза.

— Не надо слишком много о себе воображать, — спокойно сказала богиня.

Мать Бэнр облегченно вздохнула. Оказывается, дело не в ней! Все эти злые шутки с магией и молчание в ответ на молитвы не имели к ней никакого отношения, не имели отношения вообще ни к кому из смертных!

— Кьорл допустила ошибку, — продолжала прекрасная женщина, тем самым напоминая ей, что, хоть все эти ужасные события с ней и не связаны, их последствия ее, безусловно, коснутся.

— Она имела наглость думать, что может победить без твоей помощи, — высказалась Бэнр, но божество, к ее изумлению, состроило презрительную гримасу.

— Да она может уничтожить тебя одной-единственной мыслью!

Старуха содрогнулась и еще ниже склонила голову.

— Но ее ошибка в том, что она слишком медлит, — говорила богиня. — Она не стала наносить решающий удар сразу и сейчас; когда она наконец посчитала, что все козыри у нее на руках, то еще больше оттянула время нападения, поддавшись личной ненависти.

— Но теперь сила на нашей стороне! — воскликнула Мать Бэнр. — Ведь ты вернулась.

— Ну что за дура! — с отчаянием в голосе вскрикнула богиня. — А ты думала, что я не вернусь?

Мать Бэнр растянулась ничком на полу, готовая обратиться в прах.

— Смутное Время закончится, — помолчав, продолжала богиня уже спокойно. — И ты поймешь, что нужно делать, когда все пойдет так, как нужно.

Бэнр отважилась на мгновение взглянуть на прекрасную женщину и увидела, что та

пристально смотрит на нее, прищурив глаза.

— Или ты думаешь, что я настолько слаба?

На лице старухи появилось совершенно искреннее выражение крайнего ужаса, и она мелко затрясла головой, не желая признавать, что вера в ней пошатнулась.

Она вновь растянулась на полу в полном самоуничтожении и начала бормотать молитвы. Очнулась она лишь оттого, что у самой ее головы стукнулось в пол что-то тяжелое. Она посмотрела и увидела лежащий рядом кусок серы.

— Ты должна отвадить Кьорл на время, — объяснила богиня. — Собери Матерей Домов, старшую дочь и сына в зале собраний. Разведите огонь, и пусть те, кто за меня, пройдут через него на твою сторону. Вместе мы покажем Кьорл, что значит истинная власть!

Поняв, что Ллос по-прежнему благосклонна к ней и доверила ей главную роль в этот решительный час, старая матрона просияла улыбкой. Хотя Ллос и дала понять, что сама по себе старуха ничто, это было не важно. Паучья Королева вернется, и слава Бэнров снова воссияет.

К тому времени как старуха набралась смелости, чтобы подняться с пола, прекрасная женщина-дроу уже покинула часовню. Она прошла по двору, и никто не встал у нее на пути, миновала ограду и исчезла во мраке города.

* * *

Едва до Геннитирон Тлаббар, Матери Четвертого Дома Мензоберранзана Фэн Тлаббар, дошли страшные слухи о том, что загадочные псионические способности Дома Облодра не пострадали от странного предательства магии, она поняла, что жизнь ее висит на волоске. Кьорл Одран ненавидела высокую изящную Геннитирон больше всех, поскольку Геннитирон никогда не скрывала, что считает Дом Фэн Тлаббар, а не Облодру достойным занимать третье место в иерархии города.

Гарнизон из восьмисот солдат почти вдвое превосходил силы Дома Облодра, и Геннитирон удерживали от нападения лишь странные способности, присущие Кьорл и ее подчиненным.

Теперь же, когда все волшебные силы отказывались служить, обладание этими способностями почти равнялось всемогуществу!

Все это время Геннитирон оставалась в дворцовой часовне, довольно маленькой комнате на самом верху центрального сталагмита. На алтаре горела единственная свеча, отбрасывая, по меркам земного мира, слабый свет, но для темных эльфов, привычных к мраку, она сияла, как маяк. Немного света падало и из окна, обращенного на запад, поскольку неустойчивое свечение Нарбондели было различимо даже через полгорода.

Сами по себе часы Геннитирон не заботили, но их ненормальное сияние олицетворяло собой то, что творилось вокруг. Мать Дома Фэн Тлаббар была одной из самых фанатичных служительниц Ллос, все шестьсот лет своей жизни она была безраздельно предана Паучьей Королеве. Но вот настали трудные времена, а Ллос почему-то не откликалась на ее зов.

Она непрестанно напоминала себе, что нужно безоговорочно верить, становилась на колени и склонялась над платиновой тарелкой, знаменитым Блюдом Общения Фэн Тлаббар. Сейчас на нем лежало сердце последней жертвы, довольно видного мужчины, отданного в дар богине, которая не желала снисходить к отчаянным мольбам.

Внезапно сердце поднялось над залитой кровью тарелкой и зависло в воздухе, и Геннитирон вскочила.

— Наверное, жертва недостаточна, — послышался голос за спиной, голос, который она до смерти боялась услышать с самого начала Смутного Времени.

Геннитирон осталась стоять, не поворачиваясь к Кьорл Одран.

— Во дворце идет битва, — тоном утверждения произнесла она.

Кьорл лишь фыркнула. Силовой волной, вырвавшейся из ее ладони, она швырнула жертвоприношение через всю комнату.

Геннитирон негодующе обернулась. Она хотела закричать и обвинить Кьорл в святотатстве, но слова застряли в горле, потому что навстречу ей поплыло другое сердце.

— Жертва недостаточна, — спокойно изрекла Кьорл. — Попробуй предложить это сердце, оно принадлежит Финисей.

Услыхав имя второй по старшинству жрицы в ее Доме, сейчас, естественно, мертвой, Геннитирон подалась назад. Она удочерила Финисей, когда настоящая семья девушки, довольно незначительный Дом, была уничтожена соперничающим семейством. Дом этот не представлял собой ничего особенного — Геннитирон сейчас даже не помнила их родового имени, — но Финисей оказалась выдающейся женщиной. Она была сильной жрицей, непоколебимо преданной и даже, наверное, любившей свою приемную мать.

Когда истекавшее кровью сердце громко шлепнулось на платиновое блюдо, Геннитирон в ужасе отступила еще дальше.

— Молись Ллос, — велела Кьорл. Именно это Геннитирон и делала, причем без всякого напоминания. И думала о том, что, быть может, Кьорл допустила ошибку. Может, смерть Финисей как раз поможет ей, это будет достойная жертва, и Паучья Королева окажет помощь Дому Фэн Тлаббар.

Долгое время ничего не происходило, а потом Кьорл расхохоталась.

— Может, нам все же нужна более значительная жертва, — игриво предположила глава Дома Облодра.

Понять, кого она имела в виду, было несложно, поскольку единственной персоной во дворце рангом выше, чем покойная Финисей, оставалась Геннитирон.

Стараясь не выдать себя, с чрезвычайной осторожностью шевеля пальцами, она вытащила из ножен, скрытых складками затканного паучьим рисунком одеяния, острейший отравленный кинжал. Он назывался Голодный Зуб, и, будучи моложе, Геннитирон нередко с его помощью выпутывалась из подобных положений.

Но тогда, конечно, магия не давала сбоев, на волшебные силы еще можно было положиться, да и противники ее не были столь сильны. Кьорл прочла ее мысли и была готова к нападению, даже несмотря на то, что Геннитирон смотрела ей прямо в глаза, и Кьорл не могла видеть, как едва заметно двигалась рука противницы.

Геннитирон выкрикнула приказ, и почему-то волшебный предмет послушался, пулей выскочил из-под драпировок и полетел прямо в сердце ненавистой соперницы.

Он послушался! Геннитирон была вне себя от радости. Но ее радость тут же испарилась, поскольку клинок прошел сквозь бестелесную Кьорл Одран и застрял в противоположной стене в одном из гобеленов, украшавших помещение.

— Очень надеюсь, что отравы не попортит рисунок, — безмятежно произнесла Кьорл, стоявшая намного левее своего изображения.

Геннитирон круто развернулась и бросила ледяной взгляд на своего врага, так нагло издававшего над ней.

— Ты не можешь ни победить, ни обхитрить меня, — спокойно сказала Кьорл. — Ты не можешь даже скрыть от меня свои мысли. Война окончилась, даже не начавшись.

Геннитирон хотелось кричать, но она не могла вымолвить ни слова, как и бедная Финисей, чье сердце сейчас лежало перед ней на жертвенном блюде.

— Сколько же еще убитых нужно? — спросила Кьорл, и глава Фэн Тлаббар растерялась. Она с подозрением и одновременно с удивлением разглядывала Мать Дома Облодра.

— Мой Дом невелик, — пояснила та, и это было правдой, если только не брать в расчет тысячи и тысячи рабов-кобольдов, кишевших в туннелях на краю Клорифты, как раз под дворцом Облодры. — А мне нужны союзники, чтобы убрать с дороги эту мерзавку Бэнр и ее заносчивую семейку.

Геннитирон совершенно неосознанно облизнула пересохшие губы, увидев какой-то проблеск надежды.

— Тебе меня не победить, — небрежно произнесла Кьорл. — Но я, возможно,

соглашусь на добровольную сдачу.

Надменную главу Третьего Дома такие слова, конечно же, задели.

— Или соглашение, если уж тебе так хочется, — поправилась Кьорл, по глазам догадавшись о чувствах Геннитирон. — Ни для кого не секрет, что я не в лучших отношениях с Паучьей Королевой.

Геннитирон переминалась с ноги на ногу, раздумывая, чем это может обернуться. Если она поможет Кьорл, которая отнюдь не пользовалась милостью Ллос, одолеть Бэнр, то каковы будут последствия для ее Дома, когда все, так или иначе, вернется на круги своя?

— Во всем, что сейчас творится, виновата Бэнр, — не преминула заметить глава Облодры, читая в мыслях Геннитирон, как в открытой книге. — Это из-за нее Паучья Королева оставила нас. Бэнр не в состоянии удержать единственного узника, не способна даже должным образом провести торжественное богослужение.

Геннитирон, которая, безусловно, отдавала предпочтение старой Бэнр перед Кьорл Одран, эти правдивые слова больно резанули. Ей очень хотелось возразить, но это означало бы ее собственную смерть и гибель ее Дома, поскольку перевес сейчас был на стороне Кьорл.

— Да, возможно, я соглашусь на добровольную сда... — хихикнула Одран, но не договорила. — Возможно, соглашение послужит нашей обоюдной выгоде, — поправилась она.

Геннитирон снова облизнула губы, не зная, на что решиться. Быстрый взгляд на еще теплое сердце Финисей не придал ей уверенности.

— Возможно, что так, — наконец произнесла она.

Кьорл кивнула, и снова на ее лице мелькнула та самая неуловимая улыбка, служившая, как было известно всему Мензоберранзану, верным признаком того, что она лжет.

Вопреки тому, что она знала, с кем имеет дело, вопреки тому, что ей было отлично известно, на что способна эта коварнейшая из женщин, Геннитирон тоже улыбнулась в ответ — слишком велик был соблазн.

— А может, и нет, — спокойно произнесла Кьорл, и невидимая, но вполне ощутимая сила — воля Кьорл — мощным ударом отбросила главу Фэн Тлаббар назад.

Геннитирон било и мотало, и она явственно услышала хруст собственных ребер. Она попыталась выкрикнуть проклятие Кьорл, воззвать к Ллос в последней, отчаянной молитве, но не в силах была произнести ни звука, даже вздохнуть, потому что незримая рука мертвой хваткой сжала ее горло.

Геннитирон еще несколько раз страшно дернулась, ее грудная клетка трещала от невероятного давления, распиравшего ее изнутри. Она отшатнулась назад и упала бы на пол, если бы Кьорл не удерживала железной невидимой рукой ее стройное тело.

— Как жаль, что сердца Финисей оказалось недостаточно, чтобы твоя жалкая Паучья Королева снизошла до тебя, — издевалась Кьорл, впервые позволяя себе подобное святотатство.

Геннитирон выпучила глаза, казалось, они вот-вот выскочат из глазниц. Она помимо воли выгнула спину, корчась от боли, а из горла вырывались странные глухие звуки. Женщина рвала собственную шею, пытаясь ухватить невидимую руку, но лишь до крови разодрала кожу.

Послышался последний ужасающе громкий хруст, и Геннитирон прекратила сопротивляться. Горло больше не давило, но легче ей не стало. Кьорл незримой рукой схватила ее за волосы и сильным рывком наклонила ее голову вперед, чтобы она увидела странную выпуклость у себя в груди, чуть левее середины.

Геннитирон от ужаса широко раскрыла глаза, глядя, как расходятся ее одежды и разрывается кожа. Из раны фонтаном хлынула кровь, и Геннитирон бессильно свалилась рядом с платиновым блюдом.

Последнее, что она увидела, — последний удар собственного сердца на жертвенном блюде.

— Может, теперь Ллос услышит этот зов, — обронила Кьорл, но Геннитирон ее уже не слышала.

Кьорл подошла к телу и взяла из кармана мертвой бутылочку с зельем: такие имели при себе все женщины Дома Фэн Тлаббар. Внутри было весьма сильнодействующее средство — или оно снова станет таковым, если магия вернется, — вызывавшее у мужчин-дроу готовность к безоговорочному служению. Наверняка в бутылочке главы Дома содержался самый мощный раствор, и Кьорл хотела опробовать его на главаре наемников.

Потом она подошла к стене и взяла себе Голодный Зуб.

Трофей победителя...

Бросив на мертвую соперницу последний взгляд, Кьорл, используя свои псионические способности, почти растаяла и стала похожа на призрак, способный проходить сквозь стены и мимо стражи хорошо укрепленного дворца. На ее губах играла улыбка превосходства, она непоколебимо веровала в свои силы, но, как и сказала Ллос Матери Бэнр, Одран все же допустила ошибку. Она пошла на поводу у личной ненависти и нанесла первый удар менее значительному противнику.

В то время как Кьорл просачивалась сквозь стены дворца Фэн Тлаббар, радуясь смерти своего самого ненавистного врага, Матери Бэнр и Мез'Баррис Армго, Триль и Громф Бэнры и главы Домов с Пятого по Восьмой собрались в тайной зале в отдаленной части плато К'елларц'орль, находившегося в середине гигантской пещеры, на котором были расположены дворцы виднейших семейств Мензоберранзана, включая, естественно, Дом Бэнр. Они собрались у жаровни в виде паука, установленной на небольшом столике в центре помещения. Все принесли с собой что-то очень ценное и легковоспламеняющееся, а Мать Бэнр держала в руках комок серы, данный ей воплощением божества.

Все знали, что это их единственное спасение, хотя никто об этом не говорил.

Глава 11

ПОСЛЕДНИЙ КОЗЫРЬ

Вообще-то Джарлаксу нравилось находиться между двух соперников, когда каждый пытался переманить его на свою сторону. Но на этот раз наемнику было не по себе. Иметь дело с Кьорл было неприятно в любом качестве — ни друга, ни уж тем более врага, а ко всему прочему в борьбу был втянут Первый Дом. Джарлакс же слишком много поставил на Мать Бэнр. Осмотрительный наемник надеялся, что Дом Бэнр будет править в Мензоберранзане до конца его жизни, как правил с его рождения и еще целое тысячелетие до того.

Джарлакс не испытывал никакой особенной симпатии к Первому Дому. Просто Бэнр была некой отправной точкой, единственным стабильным элементом в беспрестанных смещениях и перемещениях в городе темных эльфов, вечно борющихся за власть.

Он-то думал, что так будет всегда, но теперь, поговорив с Кьорл, — о, как он ее ненавидел! — Джарлакс в этом усомнился.

Кьорл хотела видеть его среди своих союзников, скорее всего она желала сделать Бреган Д'эрт связующим звеном с миром за пределами Мензоберранзана. Они, конечно, могли исполнять эту роль, и исполнять отменно, но Джарлакс не был уверен, что он, у которого всегда имелся какой-нибудь тайный личный расчет, сможет надолго удержаться в милости у Кьорл. Раньше или позже, но она прочтет его тайные мысли и неминуемо отправит на тот свет, быстро заменив кем-нибудь другим.

Так всегда было в мире дроу.

* * *

Демон выглядел как невероятно огромная двуногая, похожая на собаку тварь с четырьмя чрезвычайно сильными руками, пара которых заканчивались мощными клешнями.

Никто из охранников-дроу не знал, как он проник в пещеру, расположенную на самом краю Клорифты в какой-то сотне футов позади и пониже дворца Облодра, где находились тайные покои Джарлакса.

— Танар'ри! — шепотом и жестами передавалось по коридорам. Это слово существовало в языках всех Королевств и неизменно вызывало страх, потому что так назывались самые большие из порождений Бездны.

Как же не повезло двум стражникам, первым попавшимся на пути громадного чудовища пятнадцатифутового роста! Верные Бреган Д'эрт, черпая мужество в убеждении, что остальные их поддержат, они приказали великану остановиться, а когда тот не послушался, напали на него.

Если бы чары, наложенные на их оружие, по-прежнему действовали, они, быть может, и ранили бы тварь. Но, как и раньше, в материальном мире магия вела себя непредсказуемо. Танар'ри тоже не мог воспользоваться заклинаниями, но это существо, состоявшее из четырех тысяч фунтов сплошных мышц, не слишком-то нуждалось в чародействе.

Оба дроу были разорваны на части, и танар'ри двинулся дальше, разыскивая Джарлакса, как велел ему Эррту.

Он обнаружил главаря наемников, в окружении двадцати лучших солдат, за первым же поворотом. Несколько дроу выскочили вперед, чтобы защитить командира, но Джарлакс, который лучше их знал, на что способен чудовище, удержал их, поскольку вовсе не хотел зря разбрасываться жизнями подчиненных.

— Глабрезу, — почтительно произнес он, узнав, что за монстр перед ним.

Верхняя губа на собачьей морде презрительно изогнулась, и он, прищурившись, внимательно разглядывал Джарлакса, стараясь удостовериться, что это именно тот темный эльф, что ему нужен.

— *Бэнр кок димре нохтеро*, — прорычал он наконец и, не дожидаясь ответа, неуклюже развернулся и заковылял прочь, низко пригнувшись, чтобы не задевать макушкой за высокий свод.

И снова несколько отчаянных, но не слишком умных дроу бросились следом за ним, но Джарлакс и их остановил. Он широко улыбался, чего с ним не случалось уже много недель. Танар'ри говорил на языке низших уровней бытия, который Джарлакс превосходно понимал, и произнес он слова, которые наемник всей душой жаждал услышать.

Все солдаты, стоявшие вокруг, вопросительно смотрели на своего главаря. Они ничего не поняли и сгорали от нетерпения узнать, что же сказал танар'ри.

— *Бэнр кок димре нохтеро*, — повторил Джарлакс. — Дом Бэнр восторжествует.

И по его хитрой улыбке, довольному блеску в глазах и энергичному жесту солдаты поняли, что он очень рад предсказанию.

* * *

Зирит Ксорларрин, глава Пятого Дома, хорошо понимала всю важность этой встречи. Триль и Громф Бэнр были здесь лишь затем, чтобы занять два пустующих места у жаровни. Одно из них по праву принадлежало Кьорл, но, поскольку они сошлись вместе, чтобы ей помешать, она, само собой, не была приглашена.

Другое место, на котором сейчас сидел Громф, обычно занимала ближайшая подруга Зирит, Мать Геннитирон Глаббар. Никто ничего не говорил, но Зирит сама поняла, что значит присутствие сына Бэнр и отсутствие самой Геннитирон.

Кьорл ненавидела Геннитирон, об этом знали все, так что Матерью Дома Фэн Глаббар попросту пожертвовали ради того, чтобы отдалить нападение на Дом Бэнр. И те, кто сейчас окружал ее, и божество, которому они все поклонялись, без малейших сомнений дали погибнуть лучшей подруге Зирит.

Но эта мысль терзала ее совсем недолго, лишь до тех пор, пока она не поняла, что теперь на этом собрании она представляет Третий Дом. Если их совместные усилия

увенчаются успехом и Кьорл и ее Дом потерпят поражение, тогда иерархия правящих Домов действительно претерпит изменения. Облодра будет уничтожена, оставив третью ступень незанятой, а поскольку Фэн Тлаббар уже, очевидно, лишился главы, похоже, что Дом Ксорларрин сразу же перескочит на возделенное место.

Зирит Ксорларрин довольно улыбнулась. Вот и хорошо, что Геннитирон принесли в жертву.

Таков был мир дроу.

Громф положил в жаровню паучью маску, бесценную вещь, поскольку только с ее помощью и никак иначе можно было проникнуть сквозь волшебную ограду дворца Бэнр. Мигом взметнулось оранжево-зеленое буйное пламя.

Мез'Баррис кивнула Бэнр, и древняя старуха бросила тот кусок серы, что оставило ей божество.

Если бы даже сотня дворфов работала громадными мехами, вряд ли им удалось бы раздуть столь яростное пламя. Огненные языки поднялись разноцветным столбом, и в глазах тех, кто сидел вокруг него, светился восторг и торжество.

— И что здесь происходит? — послышался голос от двери. — Вы посмели созвать собрание, даже не уведомив Дом Облодра?

Мать Бэнр, сидевшая во главе стола, была обращена к Кьорл спиной. Она подняла руку, призывая успокоиться остальных. Очень медленно старуха обернулась лицом к той, кого не выносила, и они с ненавистью посмотрели друг другу в глаза.

— Палач не приглашает жертву на место казни, — невозмутимо сказала Бэнр. — Он либо доставляет ее туда, либо заманивает.

Остальных столь недвусмысленное заявление привело в замешательство. Если обходиться с Кьорл более уважительно... тогда в случае чего им, может, удалось бы спастись.

Но Мать Бэнр так не считала. Она верила в то, что их и ее единственной надеждой оставалась Паучья Королева, и всей душой полагалась на то, что божество не обмануло их.

Но когда первая волна психической энергии захлестнула Бэнр, у нее, как и у других, возникли некоторые сомнения в этом. Какое-то время она еще держалась на ногах, выказывая незаурядно сильную волю, но потом Кьорл пересилила и швырнула ее на стол. Бэнр почувствовала, как пол ушел из-под ее ног, словно бы громадная незримая рука схватила ее и теперь тащила в самое пламя.

— Насколько же действеннее будут ваши мольбы к Ллос, — ликуя, взвизгнула Кьорл, — когда в огонь полетит сама Мать Бэнр!

Остальные присутствующие, и в первую очередь Матери Домов, не знали, что делать. Мез'Баррис опустила голову и тихо пробормотала слова заклинания, моля Ллос услышать ее и избавить от всего этого.

Зирит и остальные не сводили глаз с огня. Божество велело им его развести, но почему же из пламени не появится танар'ри или другое могучее существо и не придет им на выручку?

* * *

В кишасей слизняками Бездне Эррту сидел на своем грибном троне и наслаждался тем, что видел. Даже наблюдая происходящее через то приспособление, что дала ему Ллос, большой танар'ри явственно чувствовал страх, владевший теми, кто собрался в зале заседаний, и почти что ощущал на своих губах горький вкус ненависти Кьорл Одран.

Кьорл определенно нравилась Эррту. Как она была похожа на него порочностью и злобностью сердца, беспощадная убийца, лишавшая жизни ради удовольствия, любительница интриг, заводившая их лишь ради наслаждения игрой! Большому танар'ри не терпелось увидеть, как Кьорл бросит свою соперницу в бушующее пламя.

Но Ллос дала ему вполне ясные указания, а обещанный ею дар был чересчур

соблазнителен, чтобы упустить его. Удивительно, что ворота между уровнями раскрылись, причем широко, учитывая, что магия никому не повиновалась.

Эррту уже послал в качестве гонца одного танар'ри, громадного глабрезу, через меньшие ворота, но те, открытые самой богиней, были ненадежны и раскрылись на какие-то мгновения. Повторять его подвиг Эррту не хотелось, по крайней мере сейчас.

Однако, приняв в расчет, что магия стала совершенно непредсказуемой, демон ощутил прилив воодушевления. Что если прежние правила изгнания больше не действуют? Что если он сам может пройти через открывшиеся ворота и еще разок посетить Материальный уровень? Тогда ему уже не нужно будет подчиняться приказам Ллос; он сам сможет разыскать этого предателя До'Урдена, отомстить ему и вернуться в холодную Северную Землю, где его ждал легендарный хрустальный осколок!

Ворота были открыты. Эррту прошел в них.

И упал назад, обратно в Бездну, место своего столетнего изгнания.

Несколько демонов столпились вокруг большого танар'ри, почувствовав, что появилась лазейка, и бросились в ворота, но Эррту, разъяренный неудачей, рыча, не пустил их.

Пусть эта негодяйка Кьорл кинет любимую жрицу Ллос в огонь, мстительно подумал Эррту. Жертва будет принесена, ворота останутся открытыми, а быть может, и распахнутся еще шире.

Эррту тяготился изгнанием и терпеть не мог подчиняться кому-либо. Пусть Ллос подергается, пусть Бэнр поглотит огонь, и лишь тогда он выполнит то, что требовала Паучья Королева.

* * *

От смерти старуху Бэнр спасло неожиданное вмешательство иллитида Метила. Посетив Джарлакса, глабрезу отправился к нему и тоже передал предсказание о судьбе Дома Бэнр, и Метил, которого его народ считал своим послом среди темных эльфов, именно по этой причине остался на стороне победителей.

Волны психической энергии иллитида обезвредили натиск Кьорл, и Мать Бэнр упала на край стола.

Кьорл, не ожидавшая ничего подобного, изумленно раскрыла глаза, но тут Метил, до сей поры невидимо стоявший рядом со старухой, стал зримым.

«Подожди до конца, — громко раздался в мозгу осьминогголового урода голос Одран. — Увидишь, кто победит, и тогда решай, с кем ты».

Метил так же мысленно заверил ее, что исход ему известен, но не это взволновало Кьорл, а громадное крыло, похожее на крыло летучей мыши, что вдруг показалось из самого пламени. Это был танар'ри, настоящий танар'ри!

Из огня выскочил еще один глабрезу и приземлился на пол между двумя женщинами. Кьорл попыталась выставить психический заслон, но она хорошо знала, что ей не под силу тягаться с таким существом.

Она заметила, что в языках яростно полыхающего огня проявляется еще один демон. Она вдруг поняла, что Ллос против нее! Похоже, что на зов Матери Бэнр решила явиться вся Бездна!

И Кьорл сделала единственно возможное в этом положении: она снова растворилась в воздухе и понеслась через весь город в свой дворец.

Сквозь распахнутые ворота продолжали вырываться чудища, их уже было больше сотни. Так продолжалось больше часа, и прислужники Эррту, а следовательно, и Ллос выходили на отчаянные призывы глав Домов и в диком восторге летели по городу, чтобы окружить дворец Облодра.

В зале на плато К'елларц'орль собравшиеся обменивались довольными улыбками и даже поздравляли друг друга. Божество сделало то, что обещало, и будущее верных поклонников Ллос вновь представало в восхитительно темном свете.

Из этих восьми лишь Громф улыбался не совсем искренне. Он, конечно, не желал победы Дома Облодра, но для него было мало радости в том, что вскоре все снова будет по-старому и он, несмотря на свои таланты и необыкновенное владение магическими силами, останется, как и раньше, всего лишь мужчиной.

Некоторое утешение принесло ему то, что не все жертвенные предметы, были уничтожены волшебным огнем. Бесценная паучья маска не пострадала. Громф взглянул на дверь, на глав Домов и на Триль, но они были так поглощены происходившим, что вовсе не замечали его.

Осторожно, стараясь не привлекать ничьего внимания, скупой колдун припрятал маску под пышным одеянием, а потом еще присвоил несколько наиболее ценных магических вещей высших Домов Мензоберранзана.

Часть 3 РАЗВЯЗКА

Осознав, какая опасность таится в этом мече, я так хотел пойти к Кэтти-бри! Мне очень хотелось быть рядом и защитить ее! Меч поработал мою подругу, чувствовал все движения ее души, в нем заключалась огромная магическая сила!

Кэтти-бри тоже хотела, чтобы я был рядом, — а кто бы не хотел чувствовать надежное дружеское плечо, когда предстояла такая тяжелая борьба? — и в то же время не давала мне помочь ей. Это была ее битва, и сражаться ей предстояло в одиночку.

Я обязан был уважать ее решение. И в те дни, когда Смутное Время заканчивалось и волшебные силы мира снова приходили в равновесие, я понял, что самые тяжелые битвы подчас не те, что мы выдерживаем, а те, в которые обязаны не вступать.

Я понял тогда, откуда берется это выражение безнадежной покорности судьбе на лицах многих отцов и матерей. Какую боль, должно быть, испытывает мать где-нибудь в Серебристой Луне, когда повзрослевшее дитя заявляет ей, что намерено отправиться на запад, в Глубоководье, и пуститься в плавание вдоль Побережья Мечей в поисках приключений. В такой момент все в душе матери кричит: «Не уходи!» Каждой клеточкой своего общества ей хочется прижать свое дитя крепче к сердцу и оберегать его всю жизнь. Но это неправильно.

Нет горше сердечной муки, чем смотреть, как в родном человеке идет внутренняя борьба, даже если мы знаем, что, только пройдя боль и страдания, он станет взрослее и узнает цену своего существования. Воришки всех Королевств считают, будто счастье в том, чтобы завладеть чьим-то сокровищем, оставленным без присмотра. Многие чародеи, полагая, что счастье — это истинная власть, стремятся найти обходной путь, минуя годы напряженной учебы. Если к ним в руки попадает какой-нибудь свиток с неизвестным заклятием или магический предмет, понимание мощи которого им недоступно, они пытаются воспользоваться ими и выпускают силу, обуздать которую не в состоянии. Тогда они гибнут. А священники и религиозные секты всех Королевств требуют от своих приверженцев слепого подчинения.

Но всем им не суждено обрести настоящее счастье. Вор может натолкнуться на богатейший клад. Начинающий колдун может завладеть посохом великого волшебника. Можно молча подчиняться и отказываться от собственных желаний. Но при этом будет упущено нечто важное.

Это важное — радость достижения.

Для любого разумного существа это чувство — самая важная составляющая понятия «счастье». На нем, как на фундаменте, основывается уверенность в своих силах и стремление двигаться дальше, к более великим целям. Благодаря этому чувству мы знаем, что чего-то стоим, верим, что и в самой жизни есть ценность;

оно поддерживает нас, когда жизнь ставит перед нами неразрешимые вопросы.

Так обстояло дело и с Кэтти-бри. Пришло время битвы, и она была полна решимости выстоять. Поддайся я желанию защитить ее — я тем самым отказался бы помогать ей в борьбе. Скорее всего я бы бросился к Бренору, и он наверняка приказал бы уничтожить меч. Поступив так или же предприняв что-нибудь другое, чтобы не допустить этой битвы, я, по существу, расписался бы в том, что не верю в Кэтти-бри, не чту выбранный ею путь; поступая так, я бы ограничил ее свободу. Именно в этом и заключалась единственная ошибка Вульфгара. Боясь за женщину, которую любил больше всего на свете, этот гордый и храбрый варвар готов был задушить ее в своих объятиях, лишь бы оградить от опасностей мира.

Полагаю, в последние минуты своей жизни он понял свое заблуждение. Думаю, он вспомнил, за что когда-то полюбил Кэтти-бри: за сильный характер и независимость. Как странно, что подчас в своем стремлении защитить наших близких мы ограждаем их от того, чего действительно желаем им.

Мать, о которой я говорил, несмотря на свои чувства, отпустит ребенка в путешествие в Глубоководье и к Побережью Мечей. Так же поступил и я. Кэтти-бри решила взять меч себе, решила испробовать, на что он способен, даже понимая, что многим рискует. Она сделала свой выбор, и, раз уж это случилось, надо уважать его. Я редко видел ее в последующие две недели, пока она вела свою личную битву.

Но я думал и беспокоился о ней каждую секунду, даже во сне.

Дзирт До'Урден

Глава 12

ОПРАВДАНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

— Я заманил танар'ри в Мензоберранзан, твой город, и вскоре должен буду отозвать их, — громогласно заявил Эррту. — А сам даже не могу поучаствовать в разгуле!

Демон восседал на своем грибном троне и смотрел на стеклянистую поверхность, на которой отображалось все, что происходило в городе дроу. Сначала на ней мелькали нечеткие образы, поскольку экран тоже был подвержен влиянию Смутного Времени. Но вот изображение стало более четким и устойчивым, и на зеркальной, более ничем не замутненной поверхности появился дворец Облодра, зажатый краями Клорифты. Большие и малые чудища метались у его стен, били по камню, изрыгали угрозы и швырялись обломками скал. Семейство Облодра накрепко заперлось во дворце, поскольку их псионические способности были бессильны против демонов. Эти чудища хоть и не могли, как и все остальные, воспользоваться чародейством, но обладали такой громадной физической мощью, а в их головах столь прочно укоренилось совершенное зло, что они практически не поддавались телепатическому воздействию.

А в тылу у танар'ри, выжидая, стояло объединенное войско дроу. На дворец Облодра были нацелены сотни арбалетов и дротиков. Отряды всадников на подземных ящерах висели на стенах и потолке пещеры вокруг обреченного дома. Любой член Дома Облодра, рискнувший высунуться из укрытия, был бы сразу атакован.

— И эти же самые демоны не дают твоим приверженцам напасть на Облодру! — рявкнул Эррту, напоминая Ллос, чье войско сильнее. — Твои подданные боятся моих, и не зря!

Прекрасная дроу, вновь посетившая Бездну, понимала, что тирада Эррту на одну часть состояла из ярости, а на девять — из пустого бахвальства. Никого из танар'ри не нужно было «заманивать» в материальный мир, где они устраивали погромы и разорение. Сама природа этих гнусных существ звала их туда, потому что буйства и резня составляли основную радость их презренного существования.

— Ты многого просишь, Госпожа Пауков, — продолжал ворчать Эррту.

— Но многое даю взамен, — заметила Ллос.

— Это мы еще посмотрим.

Ллос сузила горящие красные глаза. Ей надоели саркастические замечания демона. Она предложила Эррту достойную плату, ее дар освободил бы его от столетнего изгнания, а это было немало.

— Четырех глабрезу вернуть будет непросто, — продолжал Эррту, изображая раздражение и решив притворяться до конца. — С ними всегда сложности!

— С их хозяином не меньше! — резко заявила Ллос.

Эррту повернулся к ней, его морда была искажена ненавистью.

— Конец Смутного Времени недалек, — спокойно сказала она.

— Да уж, хватит! — прорычал Эррту.

Ллос не стала обращать внимание на его тон. Богиня понимала, что он прикидывался раздраженным и озабоченным, чтобы она не подумала, что танар'ри ее поручение в радость.

— Для меня оно тянулось еще дольше, чем для тебя, демон! — огрызнулась Паучья Королева.

Эррту открыл вонючую пасть и едва слышно выругался.

— Но оно скоро окончится, — тише и уже спокойнее произнесла Ллос.

Оба они не отрываясь смотрели на гладкую поверхность гриба и видели, как большой танар'ри взмыл вверх, сжимая в руке маленькое извивающееся существо. Несчастная жертва и так была росточком не больше трех футов, а в громадном кулаке казалась и того меньше. Танар'ри разодрал когтями его и без того потрепанную одежку, сквозь прорехи виднелась чешуя цвета ржавчины.

— Кобольд, — произнес Эррту.

— Всем известные приспешники Дома Облодра, — пояснила Ллос. — В туннелях вдоль разлома их тысячи.

Летящий танар'ри ухнул, ухватил кобольда двумя руками и разорвал визжащее существо пополам.

— Одним слугой Облодры меньше, — шепнул Эррту, и по удовлетворенному выражению на его морде ясно было, что он сейчас чувствует. Великий танар'ри жил в этот момент тем, что устроили его слуги, следил за их зверствами и упивался ими, не имея возможности сам поучаствовать в них.

Ллос на мгновение заколебалась: стоит ли дарить обещанный подарок? Зачем платить демону за то, что и так доставляет ему неизъяснимое наслаждение?

Но она тут же отбросила эту мысль. Отдав Эррту то, что обещала, она ничего не потеряет. Ее целью было завоевание Мифрил Халла, она хотела заставить Мать Бэнр распространить границы империи далеко за пределы города, и тогда Мензоберранзан стал бы менее устойчивым, в нем воцарился бы хаос и начались внутренние войны. Отступник До'Урден для нее ничего не значил, хотя, конечно, ей приятно было бы знать, что он мертв.

А кто лучше Эррту справится с ним? Даже если предатель выживет в грядущей войне — что мало вероятно, — Эррту при помощи ее дара заставит Дзирта вызвать его из ссылки и вернется на Материальный уровень. А оказавшись там, жуткое чудовище сразу начнет мстить отступнику. Один раз Дзирт победил Эррту, но сделать это дважды не удавалось еще никому.

Ллос знала великого танар'ри достаточно хорошо, чтобы понимать: Дзирту До'Урдену повезет куда больше, если он успеет погибнуть на войне.

Она понимала, что, делая подарок Эррту, на самом деле делала его себе.

— Когда Смутное Время закончится, мои жрицы помогут тебе вернуть танар'ри в Бездну, — сказала она.

Эррту удивился. Он знал, что Ллос вынашивает план какого-то завоевательного похода, и полагал, что его устрашающие подданные отправятся вместе с войском дроу. Но потом он понял, что, если целая орда демонов присоединится к темным эльфам, против них выступят все Королевства, включая даже самые миролюбивые народы.

К тому же оба они хорошо понимали, что, несмотря на свою большую власть, жрицы

дроу все равно не смогут держать в узде таких кровожадных союзников, когда начнутся сражения.

— Всех, кроме одного, — возразил демон.

Ллос вскинула бровь.

— Мне нужно послать кого-то к Дзирту До'Урдено, — объяснил Эррту. — Чтобы он передал этому глупцу, кто в моей власти, и сообщил, чего я требую в обмен на него.

Ллос на мгновение задумалась. Нужно вести себя осмотрительно. Она понимала, что Эррту надо сдерживать, иначе представлявшееся таким простым завоевание чертогов дворфов сильно осложнится. Но она не могла сказать ему, куда направится ее армия. Если бы Эррту узнал, что приверженцы Ллос могут вскорости захватить Дзирта До'Урдена, бывшего единственным залогом возвращения демона на Материальный уровень, то открыто восстал бы против Паучьей Королевы.

— Рано еще, — сказала Паучья Королева. — Дзирт пока не мешает нам, и пусть все так и остается, пока мой город не придет в порядок.

— В Мензоберранзане никогда не бывает порядка, — ухмыльнулся Эррту.

— Относительный порядок, — уточнила Ллос. — Получишь свой подарок, когда я посчитаю нужным, и только тогда отправишь своего посланника.

— Госпожа Пауков... — предостерегающе заворчал демон.

— Конец Смутного Времени недалек, — оборвала его Ллос, глядя прямо в омерзительную рожу. — Моя сила вернется в полной мере. Так что поостерегись угрожать мне, если не хочешь оказаться в еще более гнусном месте, чем это!

Вспыхнув черно-пурпурными одеждами, Паучья Королева круто развернулась и исчезла в клубящемся тумане. Вспоминая конец разговора, она усмехнулась. С такими тварями угрозы были единственно возможной дипломатией.

Эррту откинулся на своем грибном кресле. Он целиком и полностью зависел сейчас от Ллос. Именно она была связующим звеном с его прислужниками, оставшимися в материальном мире. У нее был залог, благодаря которому он мог надеяться покончить со своим изгнанием. Но самое главное, Эррту ничуть не сомневался в том, что она сказала правду и Пантеон действительно восстанавливается. И если Смутное Время действительно заканчивается, тогда ему нечего даже пытаться тягаться с Паучьей Королевой.

Эррту покорно уставился на блестящую поверхность экрана. Еще пятеро кобольдов оказались выхваченными из Клорифты. Они сбились в кучку, а целая орава демонов кружилась вокруг них, издеваясь над обреченными на смерть тварями. Великий танар'ри почти ощущал исходящий от несчастных запах ужаса, предвкушал их мучения, как если бы сам был в кругу гогочущих чудищ.

И настроение его сразу же улучшилось.

* * *

Белвар Диссенгальп и два десятка солдат-свирфов сидели высоко на карнизе, наблюдая за тем, что происходило внизу, в просторной пещере со множеством больших камней и сталактитов. Каждый держал по веревке — у Белвара она была продернута через петлю поясного ремня, — чтобы можно было быстро спуститься вниз. Там трудились их священники, вычерчивая подогретыми красками линии на полу, обсуждая причины предыдущих неудач и рассуждая, как лучше объединить свои силы, для того чтобы заклинание подействовало, и что делать, если все пойдет так, как уже случалось дважды.

Не так давно священники-гномы услышали призыв своего бога, Сегояна, и почувствовали, что волшебные силы возвращаются. Для свирфов же самым надежным ознаменованием того, что странное время подошло к концу и все опять пойдет заведенным порядком, был вызов каменной великанши — земной элементали. Это было их делом, их жизнью, их любовью. Свирфы ощущали внутреннюю жизнь камня; земля и скалы, окружавшие их жилища, были для них родными. Если элементаль явится на их зов с

дружественными намерениями, это будет значить, что божество вернулось и все снова хорошо. Меньшее их бы не убедило.

Они уже сделали несколько попыток. В первый раз ничего не вышло, земля даже не дрогнула. Во второй, третий и четвертый раз появились громадные каменные столбы, не подававшие никаких признаков жизни. Три каменные колонны в пещере навечно остались подтверждением неудачных попыток.

На пятый раз элементарь появилась, и жрецы были обрадовались, но великанша словно взбесилась, бросилась на них и убила сразу десяток гномов, пока Белвару и его помощникам не удалось разбить ее на куски. Для свирфов такой оборот был, пожалуй, хуже всего, потому что они стали думать, что Сегоян не только по-прежнему недостижим для них, но еще вдобавок и гневается. Они попробовали еще — и снова элементарь напала на них.

Но теперь Белвар был начеку, и каменная великанша никого не убила.

После повторения столь страшного явления Белвар попросил жрецов немного подождать, прежде чем попытаться снова. Священникам же не терпелось добиться благосклонности Сегояна. Тогда Белвару пришлось отправиться к королю Шниктику и потребовать его вмешательства.

После той шестой попытки прошло пять дней, в течение которых жрецы и весь Блингденстоун возносили молитвы Сегояну и умоляли его смиростивиться.

Между тем, хоть свирфы об этом и не знали, Смутное Время подошло к концу, и порядок в Пантеоне был восстановлен.

И вот сейчас Белвар наблюдал, как облаченные в церемониальные одежды жрецы танцуют вокруг нарисованного на полу и расписанного священными знаками круга. У каждого в руке было по маленькому зачарованному зеленому драгоценному камню. Они по очереди разместили их по краю круга и разбили камни громадными колотушками. После этого верховный жрец вошел внутрь круга, положил свой камень в самый центр и, выкрикнув ключевое слово, разбил камень мифриловым молотом.

Некоторое время все было тихо, потом земля стала слегка дрожать. Верховный жрец бросился вон из круга к стоящим поодаль остальным священникам.

Дрожь все нарастала и усиливалась; потом пол расколола большая трещина, отделив заклиняемое место от остальной пещеры. Внутри круга скала стала раскалываться на все более мелкие куски, превращаясь постепенно в податливое месиво.

Снизу стали подниматься большие пузыри и с громким хлопаньем лопаться; в пещере потеплело.

И вдруг из-под пола невероятно большая голова!

Белвар присвистнул. Никогда еще никто не видел такой огромной элементарии! Все стали лихорадочно обдумывать, куда бежать, если она вздумает напасть на них.

Между тем из земли показались плечи, потом громадные руки — одна такая рука могла единым движением отправить к праотцам множество свирфов. На лицах жрецов и солдат появилось смешанное выражение трепета и любопытства. Это создание не было похоже ни на одну элементарь из тех, что они видели прежде. Ее каменное тело было более гладким, чем у других, без единой трещинки, но, несмотря на это, она казалась словно бы незаконченной, была меньше похожа на двуногое существо. И в то же время от нее исходило ощущение невероятной мощи.

— Славу Сегояна зрим мы! — восторженно выкрикнул один из свирфов рядом с Белваром.

— Да, или последний миг нашего народа, — добавил Белвар так тихо, чтобы никто не услышал.

Видя, как велики голова и плечи великанши, гномы думали, что, выпрямившись, она будет не ниже двадцати футов, но, когда земля перестала трястись и снова стало тихо, существо выпрямилось и оказалось ростом всего около десяти футов — даже меньше, чем некоторые элементарии из тех, что под силу было вызвать одному жрецу. Однако гномы не сомневались, что это их величайшее достижение и это существо сильнее всех приходивших

на их зов. Жрецов и Белвара, прожившего долгую жизнь и хорошо знавшего все легенды своего народа, поразила внезапная догадка.

— Энтемох! — произнес Высокочтимый Хранитель Туннелей, и имя князя элементарей волной прокатилось по рядам гномов.

Но тут кто-то с ужасом назвал и другое имя: Огремох — злобного близнеца Энтемоха. Если бы элементаль подчинялась ему, то им всем не уйти живыми.

Жрецы все до единого пали на колени, дрожа и изо всех сил надеясь на лучшее.

Белвар первым спустился с уступа, приземлился, крикнув, и бросился к только что появившейся из земли великанше.

Великанша, не шевелясь, смотрела на него сверху вниз. Понять, каковы ее намерения, было невозможно.

— Энтемох! — выкрикнул тогда Белвар.

За его спиной коленопреклоненные жрецы подняли головы; некоторые даже, набравшись храбрости, подошли и встали рядом с бесстрашным Хранителем Туннелей.

— Энтемох! — снова воскликнул Белвар. — На зов наш ответил ты. Можем мы верить, что Сегоян милостив и вернулся к нам?

Великанша опустила перед Белваром гигантскую ладонь. Тот взглянул на стоящего рядом верховного жреца.

— Верить Сегояну обязаны мы, — произнес священник и смело встал вместе с Хранителем на протянутую ладонь.

Великанша подняла руку и поднесла ее к самым глазам. И в ту же минуту свирфы неслыханно обрадовались, потому что взгляд ее выражал искреннее дружелюбие. Это действительно была посланница Энтемоха. А это значило, что их бог снова с ними.

Великанша подняла руку над головой, сама постепенно уходя под землю, и Белвар с верховным жрецом остались стоять точно посередине очерченного круга, внутри которого теперь не было ни единой трещинки.

Пещера наполнилась радостными восклицаниями, на многих грубоватых лицах показались слезы. Священники поздравляли друг друга и хлопали по плечам. Все восхваляли мудрость короля Шниктика, благодаря предусмотрительности которого им удалось совершить такое великое дело.

Но один из гномов, а именно Белвар, радовался недолго. Хранитель Туннелей спрашивал себя, что происходит в Мензоберранзане? Если божество свирфов снова покровительствует им, значит, волшебные силы вернулись в мир. Наверное, и Паучья Королева вновь управляет своим народом, и чары жриц-дроу сильны, как прежде.

Еще до начала всей этой неразберихи свирфы пришли к выводу, что дроу готовятся воевать. Но наступила смута, и война не началась. Удивляться здесь было нечему: мощь дроу была основана на магии в большей степени, чем у гномов. Но если все и правда стало как прежде, то Блингденстоун снова в опасности.

Вокруг Хранителя священники и солдаты плясали и кричали от радости. А он стоял и думал, не обратятся ли вскоре эти крики в горестные вопли...

Глава 13

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

— Потихоньку! — громким шепотом вещал Фред, не сводя глаз с рук Дзирта, снимавшего излишки вещества, затвердевшего вокруг шеи статуэтки пантеры. — Пожалуйста, будь осторожней!

Да разве мог Дзирт работать иначе?! Ни за одно дело в жизни темный эльф не брался с большими предосторожностями. Если уж Фред так беспокоился об этой фигурке, насколько же дороже она была Дзирту, так любившему свою подругу-пантеру! Сейчас у него в руке был чрезвычайно тонкий инструмент, данный ему Фредом, — тонкая серебряная проволока, один конец которой был сплюснен и чуть загнут наподобие крючка.

Упал еще один кусочек застывшего раствора. Теперь почти полдюйма шва на шее статуэтки было очищено. Дзирт с радостью отметил, что на чистом участке не было ни малейшей трещинки или зазубринки. Клей так прекрасно соединял части фигурки, что место разлома даже не было заметно.

Дзирт постарался справиться с радостным волнением, поскольку понимал, что надо избегать малейшей торопливости в работе. Длина шва на шее статуэтки была всего несколько дюймов, но и Дзирт, и Фред не сомневались, что на очистку шва у дроу уйдет все утро.

Темный эльф чуть посторонился, чтобы Фред мог оценить уже проделанную работу. Аккуратист дворф, внимательно посмотрев на фигурку, одобрительно кивнул и даже ободряюще улыбнулся дроу. Фред не сомневался, что госпожа Аластриэль поможет беде.

Тихонько похлопав Дзирта по плечу, дворф отошел в сторонку, а дроу снова занялся делом, медленно и осторожно откалывая крошечные кусочки.

К полудню весь шов был очищен от наплывов затвердевшего клея. Дзирт повертел фигурку в руках, проверяя место соединения, и не обнаружил никакого признака разлома. Он взялся за головку статуэтки и, глубоко вздохнув, решительно поднял и подержал на весу, проверяя, выдержит ли клей ее вес.

Но сцепление было крепким. Дзирт потряс фигурку, проверяя, не развалится ли она, — но клей держал хорошо.

— Место соединения будет таким же крепким, как и любой другой участок, — заверил его Фред. — Поверь, теперь фигурка снова цела.

— Согласен, — ответил Дзирт. — А как же ее волшебная сила?

Фреду нечего было сказать.

— Главное испытание будет потом, когда я отправлю Гвенвивар домой, на Астральный уровень, — сказал Дзирт.

— Да, или когда захочешь позвать ее обратно, — добавил Фред.

Эти слова больно ранили Дзирта. Он и сам знал, что маленький дворф прав. Возможно, ему и удастся открыть туннель, чтобы Гвенвивар вернулась домой, но при этом он может потерять ее навсегда. Однако оставлять кошку здесь тоже было нельзя. Состояние Гвенвивар стабилизировалось, — по-видимому, она могла оставаться в материальном мире неопределенно долгое время, — но при этом чувствовала себя больной и подавленной. Хоть гибель ей и не грозила, пантера была предельно истощена, мускулы на прежде упругих боках обвисли, и она часто прикрывала глаза, пытаясь впасть в столь необходимый ей сон.

— Лучше уж отправить Гвенвивар домой, — твердо произнес Дзирт. — Конечно, если я не смогу вызвать ее обратно, жизнь моя станет намного беднее, но пусть лучше так, чем смотреть, какое жалкое существование ей придется влачить сейчас.

Дзирт, зажав фигурку в руке, вместе с Фредом пошел в свою комнату. Гвенвивар, как обычно, лежала на коврик у очага, греясь у огня. Дзирт не стал тянуть время. Он пошел прямо к кошке — она устало приподняла голову и взглянула на него — и поставил фигурку на пол перед ней.

— Госпожа Аластриэль и славный Фред, которого ты видишь, решили помочь нам, Гвенвивар, — сообщил ей Дзирт. Голос его слегка задрожал, когда он подумал, что, быть может, в последний раз видит пантеру.

Гвенвивар почувствовала его беспокойство и с большим трудом села, глядя в глаза коленопреклоненному Дзирту.

— Возвращайся домой, моя хорошая, — прошептал дроу. — Возвращайся домой.

Пантера помедлила, пристально посмотрела на своего друга, словно пытаясь разгадать, что его так тревожит. Гвенвивар тоже ощутила беспокойство, но исходило оно от Дзирта, сама статуэтка ее не тревожила.

Сопротивляться она все равно не могла, поскольку была очень истощена. Покачиваясь, кошка поднялась и медленно стала описывать круги возле статуэтки.

Дзирт со страхом и волнением следил, как тело Гвенвивар растворяется, превращаясь в

серый туман, а потом и он исчез.

Когда кошка испарилась, Дзирт подхватил статуэтку, надеясь, что с пантерой не случится ничего плохого и он больше не почувствует исходящего от фигурки тепла. Но вдруг он понял, какую допустил глупость, и испуганно посмотрел на Фреда.

— Что случилось? — спросил дворф.

— Меча-то Кэтти-бри нет! — жарко прошептал Дзирт. — Если по дороге на Астральный уровень ей встретится препятствие...

— Магия вернулась вновь, — успокоил его Фред. — И не только в фигурку, но и во весь мир. Магия вернулась.

Дзирт прижал фигурку к груди. Он даже не представлял, где сейчас может быть Кэтти-бри, но знал, что меч у нее. Все, что он мог сделать, — это оставаться на месте, ждать и надеяться.

* * *

Бренор восседал на своем троне, Реджис стоял рядом, испытывая, казалось, большее нетерпение, чем король. Хафлинг раньше уже видел гостей, которые вскоре должны были войти в тронный зал, но любопытному Реджису не терпелось снова посмотреть на Гарпеллов из Широкой Скамьи. В Мифрил Халл они явились вчетвером, четыре чародея, которые могли в предстоящей войне существенно помочь в защите оплота дворфов — если, конечно, нечаянно не разрушат все вокруг. Имея дело с Гарпеллами, приходилось учитывать и такой исход.

Четверка ввалилась в тронный зал, едва не сбив с ног дворфа, вошедшего раньше, чтобы объявить об их прибытии. Естественно, одним из них оказался Гаркл с повязкой на лице, поскольку его глаза уже прибыли в Мифрил Халл. Его вел толстый Регволд, оставивший в прихожей странное верховое животное, наполовину лошадь, наполовину лягушку. Имя своему скакуну он подыскал подходящее — Прыгун-Через-Лужи.

С третьим Гарпеллом ни Бренор, ни Реджис не были знакомы, а представляться он не стал, только что-то проворчал, глядя на них.

— Я — Белла дон Дель Рой Гарпелл, — с достоинством возвестила четвертая, низкорослая молодая женщина. Она была довольно красива, только глаза у нее косили. Оба они были зелеными, но один ярко блестел, а другой был словно затянут какой-то серой пленкой. Но, как ни странно, это ничуть не уменьшало привлекательности Беллы, лишь придавало ее облику некоторую пикантность.

По одному из перечисленных ею имен Бренор понял, что именно Белла — главная среди чародеев.

— Ты дочь Дель Роя, правителя Широкой Скамьи? — уточнил он, а маленькая женщина в ответ сделала такой глубокий реверанс, что почти коснулась пола светлыми волосами.

— Широкая Скамья приветствует тебя, Восьмой Король Мифрил Халла, — почтительно произнесла Белла. — Твой зов был услышан.

«Как жаль», — подумал Бренор, но вежливо промолчал.

— Здесь со мной...

— Гаркл и Регволд, — перебил Реджис, хорошо помня обоих по прежнему пребыванию в Широкой Скамье. — Как хорошо встретиться вновь! И приятно видеть, что ваши опыты по скрещиванию лошади с лягушкой удалась.

— Его зовут Прыгун-Через-Лужи! — радостно объявил обычно меланхоличный Регволд.

Услышав это, Реджис подумал, что многое отдал бы за то, чтобы посмотреть на диковинного зверя в движении.

— Я дочь Дель Роя, — резко вмешалась Белла, сверля хафлинга взглядом. — И я прошу впредь не перебивать меня, если не хочешь, чтобы я превратила тебя в какое-нибудь

лакомство для Прыгуна-Через-Лужи!

Пока она говорила, в ее здоровом глазу мелькали веселые искорки, и хафлинг понял, что она сердится не всерьез. Но он не подал и виду, ему почему-то не хотелось портить отношения с Беллой. Ростом она была поменьше пяти футов, склонна к полноте и чем-то напоминала самого Реджиса, только чуть побольше — если не брать в расчет ее женственных окружностей. На них-то как раз Реджис и посматривал украдкой.

— Моего третьего спутника зовут Биддерду, — продолжила Белла.

И Бренору, и Реджису имя показалось странно знакомым, но они узнали его, только когда Биддерду громко приветственно гавкнул.

Бренор прыснул; Реджис захлопал в ладоши и от души рассмеялся. Когда они зашли в Широкую Скамью, направляясь к Мифрил Халлу, Биддерду приходилось выступать в роли домашней собаки Гарпеллов, поскольку когда-то он хлебнул не того зелья.

— Перевоплощение еще не совсем завершено, — как бы извиняясь, пояснила Белла и стукнула Биддерду, по-собачьи вывалившего язык.

Гаркл громко кашлянул, стараясь привлечь к себе внимание.

— Да-да, — воскликнул Бренор, сразу поняв его. Он резко свистнул, и из боковой комнатки появился один из слуг, неся в каждой руке по главному яблоку. Надо отдать ему должное, он обращался с ними так аккуратно, как только мог, и повернул оба в сторону Гаркла.

— О, как приятно вновь увидеть себя! — воскликнул чародей. Руководствуясь тем, что видел, он то направлялся к своим глазам, то к дальней стене, то к двери, в которую они все только что вошли. Все время приговаривая: «Нет, не сюда!» — он описал полный круг, пытаясь сориентироваться, но это оказалось непросто, поскольку видел он себя из другого конца зала.

Бренор снова прыснул.

— До чего же это сложно! — расстроено бросил Гаркл, а Регволд схватил его за плечо и развернул в нужном направлении.

— Да, вот так, — сказал волшебник и снова повернулся не в ту сторону, опять направляясь к двери.

— Наоборот! — с досадой крикнул ему Регволд.

Бренор дернул к себе слугу, выхватил у него глаза и, сердито глядя на них, повернул к себе.

Гаркл жалобно вскрикнул.

— Эй, ты! — рявкнул Бренор. — Кругом!

Гаркл сделал, как было велено, и снова повернулся к королю.

Бренор бросил быстрый взгляд на Реджиса, хихикнул и швырнул один глаз Гарклу, а через мгновение отправил к нему и другой, только так, чтобы он развернулся при этом в воздухе.

Гаркл пронзительно вскрикнул и побледнел.

Один глаз поймал Регволд; другой чуть было не попал в пасть Биддерду. К счастью, Белла опередила его, но сама промахнулась, глаз отскочил от ее руки, упал на пол и откатился в сторону.

— Гадкая шуточка, король дворфов! — упрекнула она Бренора. — Это... — Но выдержать подобающий тон и договорить она не смогла и расхохоталась, как и все ее спутники (хотя смех Биддерду был больше похож на рычание). Реджис тоже присоединился к ним, и Бренор их поддержал, но почти сразу осекся. Он напомнил себе, что эти ненормальные чародеи могут оказаться его единственной магической защитой против войска темных эльфов.

И это была не самая приятная мысль.

* * *

На рассвете следующего дня Дзирт вышел из Мифрил Халла. Накануне ночью он заметил костер в горах и был уверен, что Кэтти-бри там. Он пока еще не вызывал Гвенвивар и сейчас тоже поборол это желание, решив, что всему свое время.

Сейчас его волновала Кэтти-бри, точнее, ее меч.

За поворотом тропинки он увидел девушку и спрятался в тени между двумя большими валунами. Она двигалась по небольшой полянке, с которой открывался вид на холмистые окрестности к востоку от Мифрил Халла. Небо над горизонтом уже порозовело, и Дзирт различал только темный силуэт девушки. Она тренировалась, описывая мечом медленные плавные круги над головой и перед собой, ее движения были похожи на грациозный танец. Дзирт замер и с удовольствием смотрел, с каким изяществом и точностью она двигается. Он сам научил ее этому, и, как всегда, Кэтти-бри прекрасно усвоила его уроки. Дзирт подумал, что она могла бы быть его тенью, так отточенны и согласованны были все ее движения.

Он не стал вмешиваться не только потому, что не стоило мешать такому важному занятию, но и потому, что наслаждался зрелищем.

Минут через двадцать Кэтти-бри наконец остановилась, перевела дыхание и широко раскинула руки, купаясь в первых лучах утреннего солнца.

— Молодец, — похвалил ее Дзирт, спускаясь к ней.

Кэтти-бри вздрогнула и обернулась, глядя на дроу в некотором замешательстве.

— Надо предупреждать, — сказала она.

— Я оказался здесь случайно, — соврал Дзирт. — Зато удачно.

— Я вчера видела, как Гарпеллы подъезжали к Мифрил Халлу, — сказала девушка. — Ты уже с ними говорил?

Дзирт покачал головой:

— Меня они сейчас не очень интересуют. Мне нужно поговорить с тобой.

Его тон был очень серьезен. Кэтти-бри хотела спрятать меч в ножны, но дроу жестом остановил ее.

— Я пришел за мечом, — пояснил он.

— За Хазид'хи? — не поняла его Кэтти-бри.

— Как ты сказала? — удивился Дзирт.

— Это его имя, — объяснила девушка, держа перед собой клинок с горящей красной полосой вдоль лезвия. — Хазид'хи.

Это слово было из языка дроу, и означало оно «резать» или «потрошить» — подходящее название для оружия, способного рассекать камень. Но откуда это известно Кэтти-бри? На лице дроу было написано такое недоумение, что ему даже не пришлось ни о чем спрашивать.

— Меч сам сказал мне! — ответила девушка на его безмолвный вопрос.

Дзирт все понял. Он сам должен был догадаться — ведь меч обладал собственной волей.

— Хазид'хи, — повторил он, извлек из ножен Сверкающий Клинок, провел ладонью по лезвию и протянул Кэтти-бри.

Она смотрела на оружие, по-прежнему ничего не понимая.

— Равноценный обмен, — пояснил Дзирт. — Сверкающий Клинок на Хазид'хи.

— Но ведь ты сражаешься саблями, — недоверчиво произнесла девушка.

— Научусь владеть саблей и мечом согласованно, — ответил Дзирт. — Бери. Ведь Хазид'хи умолял, чтобы я взял его, и теперь я согласен. Будет лишь справедливо, что он станет моим.

Теперь Кэтти-бри смотрела на Дзирта не удивленно, а с негодованием. Да как он смеет предлагать ей такое! Она потратила столько времени, — недели! — тренируясь с этим мечом, уйдя в горы одна, стараясь установить связь со своим оружием, понять его необычайную проницательность.

— Ты забыла о той нашей встрече? — намеренно жестоко напомнил Дзирт.

Кэтти-бри густо покраснела. Конечно не забыла, разве такое забудешь? Какой

идиоткой она выглядела, когда набросилась — точнее, меч заставил ее наброситься — на Дзирта!

— Отдай мне меч, — твердо произнес Дзирт, протягивая Сверкающий Клинок эфесом ошеломленной девушке. — Он должен быть у меня.

Кэтти-бри покрепче сжала рукоять своего меча.

Она закрыла глаза, как будто отрешившись от всего, и Дзирт понял, что она прислушивается к желаниям меча.

Когда она снова открыла глаза, Дзирт потянулся к клинку, но, к его изумлению и радости, меч уколол его в руку острием, не давая приблизиться.

— Меч не хочет принадлежать тебе! — почти зло выкрикнула Кэтти-бри.

— Ты что же, нападешь на меня? — спросил Дзирт, и его слова подействовали на девушку отрезвляюще.

— Прости, я не нарочно, — пробормотала она, извиняясь.

«Не нарочно», — повторил про себя Дзирт, но именно на это он и надеялся. Меч готов был отстаивать ее право хозяйки, он сам отказался перейти к дроу.

Дзирт мгновенно сунул Сверкающий Клинок обратно в ножны. По его улыбке Кэтти-бри поняла, зачем он все это проделал.

— Так, значит, это проверка! — воскликнула она. — Ты просто проверял меня!

— Это было необходимо.

— Ты ни на миг не допускал мысли, что возьмешь Хазид'хи себе, — с упреком продолжала девушка, и ее голос зазвенел. — Даже если бы я согласилась...

— Я бы взял меч, — честно признался Дзирт. — И отнес бы его в безопасное место. Скажем, в Зал Думатойна.

— И отобрал бы у меня Сверкающий Клинок! — выдохнула Кэтти-бри. — Ах ты, подлый дроу!

Дзирт помолчал, потом пожал плечами и согласно кивнул.

Кэтти-бри дерзко посмотрела на темного эльфа и, откинув назад гриву каштановых волос, гордо заявила:

— Просто меч понял, что лучший воин — это я!

Дзирт рассмеялся.

— Тогда к оружию! — выкрикнула она и отступила назад, становясь в позицию. — Сейчас ты увидишь, на что способны я и мой меч!

Дзирт, улыбаясь, взял сабли в руки. Это будет последняя, решающая проверка, после которой станет ясно, действительно ли Кэтти-бри подчинила себе меч целиком и полностью.

В холодном чистом утреннем воздухе лязг металла разносился далеко. Друзья кружили по полянке, выдыхая облачка пара. Вскоре Дзирт сделал ошибку и раскрылся, предоставив Кэтти-бри отличную возможность для удара.

Хазид'хи мог бы ранить его, но девушка отскочила назад.

— Ты это специально сделал! — с упреком воскликнула она, и была права, но, поскольку удар не был нанесен, еще одну проверку можно было считать пройденной.

Оставалась последняя.

Дзирт ничего не ответил и снова встал в позицию. Кэтти-бри заметила, что на нем не было волшебных браслетов, так что движения дроу должны были быть абсолютно согласованны. Но она все равно стала наступать, напористо и с азартом, и начала прекрасную схватку как раз в тот момент, когда солнце наконец полностью вышло из-за горизонта и начало медленно подниматься в сияющее небо.

Конечно, ей нечего было надеяться победить Дзирта, однако девушка уже давно не видела, чтобы он дрался с такой силой и сосредоточенностью. Поединок завершился тем, что Кэтти-бри сидела на земле, концы сабель Дзирта лежали у нее на плечах, а ее собственный меч лежал в нескольких шагах поодаль.

Дзирт опасался, что меч придет в ярость оттого, что его хозяйка оказалась так легко побеждена. Он оставил девушку, подошел к Хазид'хи и нагнулся, чтобы поднять меч. Но его

рука замерла в воздухе, так и не коснувшись рукояти.

На эфесе Хазид'хи не было больше ни головы единорога, ни морды чудовища, украшавшей его, когда Дзирт взял оружие из рук Дантрага Бэнра. Теперь там красовалась поджарая фигура кошки, напоминавшая бегущую Гвенвивар. Но важнее были знаки, выгравированные на боку пантеры: две горные вершины, символ Думатойна, Хранителя Тайн, скрытые в горе, бога, которому поклонялась Кэтти-бри.

Дзирт поднял Хазид'хи, но не почувствовал ни враждебности, ни страсти, которую ощущал раньше. Кэтти-бри подошла к нему и улыбнулась, увидев, что дроу понравилось, какое украшение для эфеса она выбрала.

И Дзирт протянул меч его законной владелице.

Глава 14 ГНЕВ ЛЛОС

Мать Бэнр снова ощутила всю полноту власти. Ллос вернулась, Ллос была благосклонна к ней, а Кьорл Одран, эта мерзавка Кьорл, жестоко просчиталась. Раньше Паучья Королева благоволила Дому Облодра, несмотря на то что так называемые жрицы не отличались особой набожностью и даже иногда открыто выказывали Ллос неуважение. Но Паучью Королеву малопонятные способности членов Облодры притягивали не в меньшей степени, чем они пугали остальные Дома Мензоберранзана. Ни одно из семейств не хотело бы воевать против Кьорл, да Ллос и не требовала этого. Если бы Мензоберранзан когда-либо подвергся нападению извне, особенно со стороны иллитидов, чье логово было в пещере неподалеку, городу пригодилась бы помощь Кьорл и Дома Облодра.

Но теперь не осталось даже этого предлога. Кьорл вступила на слишком опасную тропу. Она убила Мать Дома. В убийстве самом по себе не было ничего вопиющего, но она сделала это не во славу Паучьей Королевы, а попыталась присвоить власть, которой были наделены только жрицы.

Все это Мать Бэнр знала, она чувствовала внутри себя волю и силу Ллос.

— Смутное Время завершилось, — объявила она своей семье и всем, кто собрался в почти восстановленной часовне.

Среди них находилась и Мез'Баррис Армго, по личному приглашению Матери Бэнр занявшая почетное место на центральном возвышении.

Сама старуха Бэнр села на соседнее место. Толпа разразилась радостными криками, а потом затянула гимн Ллос под руководством Триль.

«Завершилось?» — жестами спросила Мез'Баррис у Бэнр, поскольку расслышать что-либо поверх рева двух тысяч солдат было невозможно.

«Смутному Времени — конец», — беззвучно повторили тонкие пальцы Матери Бэнр.

«Только не для Облодры», — добавила Мез'Баррис, но Бэнр лишь злорадно ухмыльнулась. Все в Мензоберранзане знали, что для Облодры наступили тяжелые времена. Танар'ри и другие чудовища все так же кружили вокруг дворца Кьорл, время от времени выхватывая кобольдов из Клорифты или всем скопом набрасываясь на кого-нибудь из членов семейства, рискнувшего выйти наружу.

«Кьорл будет прощена?» — уточнила Мез'Баррис, подняв в конце фразы большой палец вверх в знак вопроса.

Мать Бэнр энергично качнула головой и демонстративно отвернулась к Триль.

Мез'Баррис стала нервно постукивать длинным загнутым ногтем по зубам, пытаясь догадаться, откуда у Бэнр такая уверенность. Может, она собирается в одиночку преследовать Дом Облодра, а может, рассчитывает на помощь Барризон дель'Армго? Мез'Баррис не сомневалась, что объединенное войско двух Домов уничтожит Дом Облодра, но ее ничуть не привлекала перспектива вновь столкнуться с Кьорл и этой непонятной силой.

Невидимый Метил, стоявший неподалеку от помоста, без труда прочитал мысли гостьи

и сразу же телепатически передал их Матери Бэнр.

— Такова воля Ллос, — резко сказала Мать Бэнр, повернувшись к Мез'Баррис. — За поношение Паучьей Королевы Кьорл будет наказана.

— Академией, как это принято? — с надеждой осведомилась Мез'Баррис.

В красных глазах Бэнр зажегся яростный огонь.

— Мною, — прямо ответила она и снова отвернулась, давая понять, что больше Мез'Баррис ничего от нее не услышит.

Гостья благоразумно не стала развивать эту тему. Она откинулась назад, размышляя над услышанным. Мать Бэнр ничего не сказала о союзе Домов, только о личной войне. Неужели она действительно думает, что может сама справиться с Кьорл? Или же эти страшные демоны подчиняются ей в большей степени, чем предполагала Мез'Баррис? Подумав так, Мез'Баррис здорово испугалась, ведь если дело действительно обстояло таким образом, кто знает, какие еще «наказания» были на уме у жестокой и честолюбивой Бэнр?

Мез'Баррис глубоко вздохнула и решила не думать об этом. Ну что она могла сейчас сделать, сидя здесь, в часовне, окруженная двумя тысячами солдат Дома Бэнр? Приходилось доверять старухе.

Она тут же мысленно поправила себя. О доверии и речи быть не могло. Оставалось лишь надеяться, что, каковы бы ни были замыслы Бэнр, она больше нуждалась в живой Мез'Баррис, чем в мертвой.

* * *

Сидя на сияющем голубом диске, Мать Бэнр самолично возглавляла процессию, направлявшуюся из дворца Бэнр вниз с К'елларц'орля через весь город. Солдаты на ходу громко распевали славословия Ллос. Всадники под командованием Бергиньона двигались по сторонам процессии и внимательно осматривали каждый дворец на пути, во избежание всяческих неожиданностей.

Такие предосторожности соблюдались всегда, когда Первая Мать выезжала в город, но сейчас старуха совершенно не опасалась западни. Исключая Мез'Баррис, никто не знал о предстоящем выступлении, а низшие Дома, вместе или поодиночке, никогда не решились бы нанести удар без тщательнейшей подготовки.

С противоположной стороны громадной пещеры приближалась другая процессия, тоже с Бэнрами во главе. Триль, Громф и другие преподаватели Академии вышли из уединения и вели своих учеников. Обычно именно Академия наказывала Дом, совершивший преступление против города, но на сей раз Триль предупредила своих подчиненных, что они будут присутствовать при проявлении величайшей славы Ллос.

К тому времени как обе процессии сошлись у Клорифты, где уже собралась толпа, их численность увеличилась в пять раз. Благородные члены и простые солдаты всех семейств хотели видеть, как раз и навсегда завершится распря между Домами Бэнр и Облодра.

Прибыв к воротам Дома Облодра, солдаты Бэнр выстроились полукругом позади своей главы, заслоняя ее от собравшихся. Толпа перешептывалась и оживленно переговаривалась жестами, а демоны, предчувствуя страшную развязку, безудержно носились над дворцом и время от времени метали бело-голубые молнии и огненные шары.

Мать Бэнр некоторое время оставалась неподвижной, сознавая, какой паникой охвачены сейчас обреченные обитатели дворца Облодра. Она жаждала сполна насладиться этой минутой, хотела всем существом ощутить страх, шедший из гнезда этой ненавистной семейки.

Но пришло время начать, точнее, покончить с Облодрой. Бэнр хорошо знала, что делать, — ей было видение. Она поделилась с Мез'Баррис, та усомнилась. Но Мать Бэнр совершенно не колебалась. Она безоговорочно верила в Паучью Королеву и в то, что Дом Облодра будет уничтожен.

Из складок своей мантии она извлекла комок серы, той же самой, что помог ей открыть

проход в Бездну в часовне на К'елларц'орле. Бэнр вскинула руку высоко над головой и взмыла в воздух. Раздался сухой треск, и прогремел раскат грома.

Все вдруг стихло, все глаза обратились к Матери Бэнр, парящей в двадцати футах над полом пещеры.

Бергиньон, отвечавший за безопасность главы Дома, тоскливо посмотрел на Сосумпту. Он боялся, что на такой высоте с матерью может что-нибудь случиться.

Сосумпту только посмеялась над ним. Ведь он же не был жрицей: откуда ему было знать, что ни разу за свою долгую-долгую жизнь Мать Бэнр не была менее уязвима.

— Кьорл Одран! — выкрикнула старая Бэнр, и ее голос загрохотал.

* * *

Кьорл Одран, запершаяся в комнате на верхнем этаже самой высокой башни дворца Облодра, совершенно отчетливо слышала этот призыв. Она вцепилась в резные мраморные ручки трона, зажмурилась и приказала себе сосредоточиться.

Сейчас Кьорл отчаянно нужна была вся ее сила, и именно сейчас, впервые за всю жизнь, ее сила ей не повиновалась. Она чувствовала, что здесь не обошлось без Ллос, но понимала, что дело не только в ней.

Все началось вскоре после того, как выпущенные на волю танар'ри загнали Кьорл во дворец. Она собрала своих дочерей, чтобы вместе придумать, как отвадить демонов. Как всегда, на таких собраниях они общались мысленно, что было равнозначно сразу нескольким разговорам одновременно.

Они почти уже придумали, что делать, и Кьорл начинала верить, что им удастся отправить танар'ри домой, а покончив с этим, они всем семейством покажут Бэнр и остальным, кто здесь хозяин. Но вдруг случилось нечто ужасное. Один из танар'ри выпустил ослепительную молнию, от которой по защитной стене дворца пошла большая трещина. Ничего страшного в этом не было, поскольку дворец Облодра, как и все Дома Мензоберранзана, мог выдержать куда более яростную атаку. Но молния означала, что магия вернулась, а для Облодра это было катастрофой.

В тот же миг телепатическая беседа прервалась, и вся знать Дома, как ни старалась, не могла ее возобновить.

Кьорл была умна, как и большинство дроу Мензоберранзана. Но в умении сосредоточения воли никто не мог с ней соперничать. Она чувствовала психическую силу в глубине своего разума, настолько мощную, что она могла пройти сквозь стену или вырвать сердце из груди врага. Сила была скрыта в глубине ее существа, но Кьорл не могла извлечь ее наружу. Она не переставая ругала себя за то, что не может должным образом собраться перед лицом опасности. Она даже ущипнула себя за щеку, словно надеясь, что это как-то поможет.

Но все было напрасно. Смутное Время завершилось, во всех Королевствах тончайшая ткань магии была восстановлена, но время это не прошло бесследно. Повсюду появились такие места, где волшебство было бессильно, где не действовало ни одно заклинание или, что еще хуже, все заклинания обладали непредсказуемым эффектом. Другие изменения касались психических сил, сверхъестественных сил разума. Они не исчезли, и Кьорл это чувствовала, но для их проявления теперь нужны были новые способы.

Как поведал Матери Бэнр Метил, иллитиды уже открыли такой способ и могли управлять своими способностями почти так же, как и раньше. Но то был целый народ телепатов, народ, обладавший коллективным разумом. Они приспособились по-новому обращаться со своими способностями, а Кьорл Одран и ее когда-то могучая семья еще нет.

Поэтому глава Третьего Дома сидела в темноте, плотно смежив веки, и старалась собрать в кулак всю свою волю. Она слышала призыв Бэнр и понимала, что, если не выйдет, Бэнр сама к ней придет.

Будь у Кьорл время, она разрешила бы эту загадку. Будь у нее месяц, она бы вновь

овладела своими силами.

Но месяца в распоряжении Кьорл не было; у нее не было даже часа.

* * *

Мать Бэнр чувствовала, как внутри куска серы пульсировала волшебная сила и он очень быстро нагревался изнутри. Она с изумлением наблюдала, как ее рука помимо воли дернулась, повинуясь комку в ладони.

Бэнр не сопротивлялась. Она поняла, что какая-то нематериальная сила, одно из порождений Бездны или даже сама Ллос, направляет ее движения. Она вскинула руку, подняв кусок желтого вещества на один уровень с верхушкой самой высокой башни дворца Облодра.

— Кто ты? — спросила старуха.

«Я — Эррту», — вторгся голос в ее разум. Бэнр знала, кто это, знала, что демон был самым сильным и злобным из всех танар'ри. Ничего не скажешь, Ллос дала ей сильного помощника!

Она чувствовала, как невероятная злоба переливается из этого существа в кусок серы в ее руке, чувствовала, что он вот-вот взорвется и тогда, быть может, сам Эррту явится к ней.

Это было невозможно, но ведь старуха не могла этого знать.

Внутри такого с виду безобидного вещества теперь содержалась сила самой Ллос, еще усиленная самой главной жрицей Паучьей Королевы во всем Мензоберранзане.

По наитию Бэнр вытянула руку вперед, и из куска серы, потрескивая, вырвался столб нестерпимо желтого света. Он ударился в башенную стену, разделявшую Кьорл и Бэнр. Лучи света и светящейся энергии окружили сталагмит, они с треском выбивали куски стены, понемногу разрушая строение.

Комок в руке старухи снова стал просто куском серы, заключенная в нем мощь высвободилась, но она не опускала руки и не сводила благоговейного взгляда с башни.

Десять тысяч темных эльфов внизу замерли, как и она. Замерла и Кьорл Одран, глядя, как светящиеся змеистые полосы поедают камень ее жилища.

Когда же верхушка башни одним махом превратилась в пыль, тотчас же развеившуюся, весь город затаил дыхание.

И все увидели Кьорл, сидевшую на черном мраморном троне и смотревшую с открывшейся площадки вниз на собравшуюся толпу.

Множество крылатых танар'ри носилось вокруг нее, но они не осмеливались приблизиться к Матери Дома, опасаясь, что Эррту придет в ярость, если они лишат его удовольствия.

Кьорл, всегда такая надменная и уверенная в себе, встала и подошла к краю бреша. Она обвела взглядом толпу, и многие дроу, даже Матери Домов, отворачивались от ее пронзительного взора, словно боялись, что даже с этой высоты она может наказать их за нападение на ее Дом, — такой страх испытывали они перед ее таинственными способностями.

Наконец Кьорл тяжело уставилась на Бэнр, но та даже не моргнула.

— Как ты смеешь! — громовым голосом выкрикнула Кьорл, но его звук ушел вверх.

— Как ты смеешь! — прокричала в ответ старая Бэнр, и звук ее голоса отразился от стен пещеры, стократно усиленный. — Ты отреклась от Паучьей Королевы!

— Пусть твоя Паучья Королева убирается в Бездну, там ей самое место! — выкрикнула Кьорл, и это были ее последние слова.

Бэнр выбросила руку вперед, почувствовав новую небывалую силу. Желтый свет больше не появился, никаких видимых изменений не произошло, но открылись ворота в другой мир, и Кьорл хорошо это почувствовала.

Она пыталась что-то крикнуть, но из ее груди вырывались лишь какие-то всхлипы и бульканье, а лицо вдруг исказилось и вытянулось. Она сопротивлялась, из всех сил

упиралась пятками и пробовала вновь пробудить свои внутренние способности.

Кьорл ощущала, что ее кожа отрывается от костей, чувствовала, как все тело немыслимо растягивается и ее неудержимо засасывает внутрь куска серы. Несмотря на невыносимую боль, она сопротивлялась, хотя и понимала, что ей уже не спастись. Она открыла рот, чтобы выкрикнуть последнее проклятие, но вывалился только ее язык.

Тело Кьорл неотвратимо влекло с башни вниз, к комку серы и межуровневым вратам. Она должна была уже умереть; никто не мог выдержать такого страшного напряжения.

Мать Бэнр, не дрогнув, держала руку прямо, но невольно зажмурилась, когда немыслимо вытянутое тело Кьорл в конце концов сорвалось с башни и понеслось прямо на нее.

Многие дроу, и Бергиньон в том числе, закричали, другие замерли как громом пораженные, а остальные запели гимн Ллос, видя, что Кьорл, вытянутую настолько, что она стала похожей на летящее копьё, втащило внутрь куска серы, в Бездну, где ее ждал Эррту, назначенный Ллос, чтобы попытать главу Дома Облодра.

За Кьорл, разразившись ликующими криками, с ревом и гиканьем, забрасывая дворец Облодра огненными шарами и молниями, последовали демоны. Повинуясь чарам Эррту, они вытягивались, удлинялись и влетали в кусок серы, а Мать Бэнр продолжала держать его, несмотря на испытываемый ужас, который, однако, постепенно превращался в ощущение собственного могущества.

Через несколько мгновений в округе не осталось ни одного танар'ри. Старая Бэнр только чувствовала их присутствие внутри желтого комка на ладони.

Все стихло. Многие темные эльфы переглядывались, гадая, конец ли это и будет ли Дом Облодра существовать и впредь, только с новой Матерью. Знать нескольких Домов обменивалась знаками, высказывая предположения, что Бэнр поставит над Третьим Домом одну из своих дочерей, еще больше распространив свое влияние над городом.

Но Бэнр ни о чем подобном и не помышляла. Ллос требовала полной и окончательной расправы. И настолько устрашающей, чтобы с ней не сравнилось бы ни одно уничтожение Домов Мензоберранзана. Следуя мысленным указаниям Эррту, старуха швырнула комок серы в Клорифту, и, когда толпа вокруг взорвалась криками, думая, что все теперь кончено, она воздела вверх руки и крикнула всем, что сейчас они воочию увидят ярость Ллос.

Под ногами послышался первый глухой грохот. Затем прошло несколько тревожных, томительных и тихих минут.

На площадке разрушенной башни появилась одна из дочерей Кьорл. Она подбежала к самому краю, умоляя о милосердии Мать Бэнр. Старуха не удостоила ее ответом, и тогда женщина случайно глянула в сторону, где проходил похожий на след когтя разлом Клорифты.

Ее глаза широко раскрылись, а в крике прозвучал такой ужас, что у многих кровь застыла в жилах. Мать Бэнр, находившаяся выше всех, проследила за ее взором и зашла в экстазе, раскинув руки и взывая к своей богине. Чуть позже и все в толпе увидели, что происходит.

Из-за края Клорифты, извиваясь, показалось гигантское черное щупальце и поползло к дворцу Облодра. Темные эльфы волной отпрянули назад, наталкиваясь друг на друга. Чудовищное щупальце между тем обвило строение целиком и замерло.

— Бэнр! — отчаянно молила дочь Кьорл.

— Вы отреклись от Ллос, — спокойно произнесла старуха. — Теперь испытайте на себе ее гнев!

Пол пещеры слегка затрясся, когда карающая рука Ллос крепче сжала дворец Облодра. Щупальце стало медленно стягивать его в пропасть, стена подалась и упала.

Башня тоже начала рушиться, и дочь Кьорл выбросилась с верхней площадки. Она лежала на земле с переломанными костями, но еще живая, а вокруг нее собралось несколько дроу. Среди них был и могучий Утегенталь Армго, и он оттолкнул остальных подальше, чтобы они не надумали прикончить несчастную. Мощными руками он легко подхватил

женщину с земли, а она посмотрела на него затуманенным взором и даже слабо улыбнулась, понадеявшись, видно, что он ее спасет.

Но Утегенталь расхохотался ей в лицо, поднял ее над головой, пробежал несколько шагов вперед и швырнул на камни и щебень, оставшиеся от дворца, внутрь петли щупальца.

Гигантское щупальце с оглушительным грохотом, сопровождаемым дружными воплями собравшихся, стянуло в пропасть то, что когда-то было Домом Облодра, вместе со всеми его строениями и обитателями.

Глава 15 ЖАДНОСТЬ

Наемник покачал бритой головой, хотя никто и никогда не смел перечить Матери Бэнр. Сейчас же подвергать сомнению ее планы было и вовсе безрассудно, ведь все были свидетелями ошеломляющей демонстрации власти и знали, что старая Бэнр пользуется высочайшим покровительством Ллос.

Триль издевательски ухмыльнулась, а Бергиньон даже зажмурился; обоим не очень хотелось, чтобы этого полезного во всех отношениях дроу забили до смерти. Зато злобная Бладен Керст жадно облизнулась и крепче вцепилась в пятихвостую плетть на поясе, надеясь, что мать разрешит ей поразвлечься.

— Боюсь, что пока не время, — прямо и смело заявил Джарлакс.

— А Ллос говорит иначе, — неожиданно невозмутимо и беззлобно, учитывая, что возражать ей посмел всего лишь мужчина, ответила старуха.

— Но мы же не можем быть уверены, что магия нас больше не подведет, — рассудил Джарлакс.

Бэнр спокойно выслушала его, и ее дети с изумлением поняли: она довольна тем, что он все подвергает сомнению. Замечания Джарлакса были дельны, и своими вопросами он помогал ей проработать все детали готовящегося объединенного нашествия на Мифрил Халл.

Уяснив это, Триль пристально вгляделась в престарелую матрону. Если Мать Бэнр получала указания, как она утверждала, от самой Паучьей Королевы, к чему тогда все эти расспросы и сомнения, как она их терпит? Почему она позволяет сомневаться в разумности всего предприятия?

— Ничего такого не произойдет, — уверенно ответила Бэнр.

Джарлакс про себя согласился с ней. Судя по имевшимся у него сведениям, как в самом городе, так и за его пределами все вернулось на круги своя.

— Ты без труда создашь новый союз после того представления с падением Дома Облодра. Мать Мез'Баррис и так все время была на твоей стороне, а все другие не посмеют теперь даже заикнуться о том, что им страшно последовать за тобой.

— Клорифта велика, она может вместить камни многих Домов, — сухо бросила Бэнр.

Джарлакс прыснул.

— Это уж точно, — сказал он. — Так что самое подходящее время для нового объединения, вне зависимости от его цели.

— Пора наступать на Мифрил Халл, — перебила его Бэнр тоном, не терпящим возражений. — Пора восстать из бездны отчаяния и начать войну во славу Паучьей Королевы.

— Мы понесли много потерь, — бесстрашно гнул свое наемник. — Дом Облодра и его кобольды должны были выступать в первых рядах, чтобы обезвредить ловушки, которые дворфы устроили бы для дроу.

— Мы вытащим кобольдов из их нор в Клорифте, — заверила его Мать Бэнр.

Джарлакс не стал спорить. Он лучше многих знал туннели вдоль гигантской расщелины. Наверняка Бэнр выкурит оттуда несколько сотен этих тварей, Облодра же могла дать им тысячи.

— Иерархия в городе так и не установилась, — продолжал наемник. — Третьего Дома больше нет, а Четвертый остался без главы. Да и твое семейство еще не оправилось после побега предателя и гибели Дантрага и Вендес.

Бэнр внезапно подалась вперед. Джарлак и глазом не моргнул, хотя ее детям стало не по себе. Его замечание можно было понять в том смысле, что оставшиеся в живых отпрыски все никак не поделят должности и привилегии погибших, а дразги внутри семьи Мать Бэнр не потерпела бы.

Но Бэнр просто встала с трона. Она грозно взглянула на каждого из детей поочередно, а потом обратилась к дерзкому наемнику:

— Пошли со мной.

Джарлак отступил, пропуская ее, и двинулся следом. Триль пошла было за ним, но Мать Бэнр развернулась и остановила ее, рывкнув:

— Только он!

В середине тронного зала стояла безупречно гладкая черная колонна. Когда Бэнр и наемник приблизились, в стене появилась щель, потайная дверь отъехала в сторону, и они оба вошли внутрь.

Джарлак думал, что старуха разорется или начнет ему угрожать, когда дверь закроется и никто из семьи их больше не будет слышать. Но она ничего не сказала и молча прошла к отверстию в полу. Сделав шаг, Бэнр не упала, а плавно опустилась вниз, на следующий этаж, поддерживаемая волшебной силой. Джарлак сразу последовал ее примеру, но, когда спустился, ему пришлось поспешить, чтобы не отстать от матроны, уже скользившей на нижний этаж. Так они спускались, покуда не оказались в подвалах под главной башней дворца.

Мать Бэнр по-прежнему не обронила ни слова, и Джарлак уже начал подумывать, не придется ли ему остаться здесь в заточении. Многим дроу, даже самым знатным, выпадала такая прискорбная участь. Ходили слухи, что некоторых из них держат в застенках у Бэнр больше ста лет, подвергая пыткам, а потом исцеляя, чтобы истязать вновь.

Повинуясь жесту старухи, двое стражников у двери в одну из камер тут же убрались с дороги.

Джарлак с облегчением увидел, что там уже кто-то есть, и с удивлением стал рассматривать странного широкоплечего дворфа, прикованного к дальней стене. Наемник вопросительно взглянул на Бэнр и только сейчас заметил, что у нее на шее отсутствует одно из украшений, то, на котором была подвеска в виде зуба.

— Недавно пойман? — спросил Джарлак, хотя и догадывался, что это не так.

— Две тысячи лет тому назад, — ответила Бэнр. — Представляю тебе Гэндалуга Боевого Топора, родоначальника клана и основателя Мифрил Халла.

Джарлак невольно попятился. (До него, конечно, доходили слухи, что в том зубе была заключена душа какого-то древнего короля дворфов, но он и не подозревал кого.) Он внезапно понял, что все наступление на Мифрил Халл никак не связано с Дзиртом До'Урденем. Поимка предателя была всего лишь предлогом для исполнения планов, которые Мать Бэнр вынашивала уже многие годы.

Джарлак удивленно уставился на нее, повторив вслух:

— Две тысячи лет? — а сам подумал, сколько же на самом деле лет этой древней старухе.

— Много веков его душа принадлежала мне, — продолжала Бэнр, не сводя взгляда со старого дворфа. — Но в те дни, когда наши молитвы перестали доходить до Ллос, вещь, в которой заключалась его душа, сломалась, и Гэндалуг явился сюда живой, из плоти и крови.

Она прошла вперед, приблизила лицо к острому длинному носу избитого старика и положила руку на его не по-стариковски мощное плечо:

— Живой, но свободный не более чем раньше.

Гэндалуг закричал, как будто хотел плюнуть ей в лицо, но не сделал этого, потому что увидел, как из кольца на пальце старухи выполз паук. Насекомое проползло по его плечу и

влезло на шею.

Гэндалуг понимал, что Бэнр не убьет его, потому что он был частью ее завоевательных планов. Он не боялся смерти, но предпочел бы умереть, чем мучиться сознанием того, что невольно способствует покорению своего народа. Прорицатель сознания уже неоднократно обследовал его мысли и выудил из него сведения, которые непреклонный старый дворф не выдал бы даже под самыми страшными пытками.

Если рассуждать здраво, Гэндалугу нечего было бояться. Но сейчас ему было не до рассуждений. Больше всего на свете отважный дворф ненавидел и боялся пауков. И едва он почувствовал его мохнатые лапки у себя на шее, то застыл, неподвижно глядя перед собой, и на лбу у него выступил холодный пот.

Бэнр отошла от него и торжествующе посмотрела на Джарлакса, словно наличие Гэндалуга должно было заставить наемника пересмотреть все свои взгляды.

Но он остался при своем. Джарлакс никогда не сомневался, что Мензоберранзан легко завоюет Мифрил Халл и военная кампания увенчается успехом. Но что будет потом, когда они его завоюют? Город дроу кишел, как растревоженный муравейник; вскоре за места Дома Облодра и Матери Дома Фэн Тлаббар начнется упорная борьба, если не открытая война. Привыкнув за многие столетия выживать на краю пропасти вместе со своей бандой, Джарлакс прекрасно понимал, к чему приведет расширение территорий при таком положении дел, понимал, что, если замахнуться слишком высоко, можно просто упасть.

Но он также прекрасно сознавал, что Мать Бэнр ему не переубедить. Ну что ж, пусть будет так, решил он. Бэнр отправится в Мифрил Халл, а он больше ни в чем не будет ей перечить, даже будет поддерживать. Если все пойдет как задумано, ему это не помешает.

А если нет?

Джарлакс боялся даже думать, какие возможности это сулит. Он знал отношение Громфа, знал его неудовольствие и неудовольствие всей Бреган Д'эрт, состоявшей исключительно из мужчин. Пусть Бэнр отправляется в Мифрил Халл, но если она потерпит неудачу, тогда Джарлакс воспользуется ее советом «восстать из глубины отчаяния».

Так и будет.

Глава 16 ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Дзирт нашел Кэтти-бри на том же маленьком плато к востоку от Мифрил Халла, где девушка тренировалась несколько недель и научилась управлять своим собственным мечом. Солнце низко опустилось за их спиной, и от скал протянулись длинные тени. Первые бледные звездочки мерцали над Серебристой Луной и Сандабаром, лежавшими еще дальше на восток.

Кэтти-бри сидела на корточках, подтянув колени к груди. Даже если она и уловила приближение осторожно ступавшего дроу, то не подала виду. Она лишь слегка покачивалась из стороны в сторону, глядя в сгущавшийся сумрак.

— Какая дивная ночь, — произнес, подойдя к ней, Дзирт, и, поскольку девушка не вздрогнула при звуке его голоса, эльф понял, что она слышала его шаги. — Но ветер довольно прохладный.

— Зима не за горами, — негромко ответила Кэтти-бри, не отрывая взора от темнеющего неба.

Дзирт подыскивал слова, ему не хотелось, чтобы разговор прервался. Почему-то он ощущал неловкость, ни разу за годы знакомства с Кэтти-бри между ними не возникало такого напряжения. Он подошел поближе и присел рядом с девушкой, не глядя на нее, как и она на него.

— Сегодня ночью я позову Гвенвивар, — сообщил Дзирт.

Кэтти-бри не сказала ни слова, только кивнула, и Дзирт растерялся. Он собирался позвать Гвенвивар впервые после того, как статуэтка была восстановлена, — событие

отноудь не пустячное. Невозможно было предугадать, пройдет ли все так, как должно, сможет ли пантера вернуться. Фред, правда, убеждал его, что все будет хорошо, но дроу не мог спать спокойно, пока сам не увидит, что Гвенвивар, живая и здоровая, снова рядом с ним.

Для Кэтти-бри это тоже должно было много значить. Она любила Гвен не меньше самого Дзирта, они были очень дружны с кошкой. И вот она молчит. Дроу, чувствуя, что начинает сердиться, повернулся и внимательно посмотрел на девушку.

В глазах у нее стояли слезы, и весь его гнев сразу, испарился. Он понял, что происшедшее между ними еще не успело порастить быльем. Когда они виделись в прошлый раз, на этом самом месте, оба были слишком поглощены поединком, чтобы разрешать возникшие между ними недоговоренности. Тогда Кэтти-бри нужно было полностью сосредоточиться, а дни, предшествовавшие поединку, она целиком посвятила борьбе с мощной волей своего меча. Но сейчас задача была выполнена. И теперь, как и у Дзирта, у нее появилось время, чтобы припомнить недавнее происшествие.

— Ты же понимаешь, что все случилось из-за меча? — волнуясь, спросила она.

Дзирт ласково улыбнулся, чтобы ободрить ее. Ну конечно, она кинулась к нему лишь потому, что меч внушил ей это. Дело было в нем и только в нем. Но Дзирт — и, вероятно, Кэтти-бри тоже — был бы рад, если бы это было не так. Напряжение между ними появилось еще раньше, а сейчас, после случая с Хазид'хи, оно лишь усилилось.

— Хорошо, что ты оттолкнул меня, — сказала девушка, судорожно вздохнув, но сделав вид, что закашлялась.

Дзирт помолчал, тщательно подбирая слова, чтобы ответить.

— Я оттолкнул тебя лишь потому, что заметил, что стало с эфесом, — произнес он, и Кэтти-бри по смотрела на него в упор, отведя взор от вечернего неба. — Ведь это все из-за меча, — тихо добавил Дзирт.

Кэтти-бри, едва дыша, смотрела своими голубыми глазами в его лавандовые очи. Она думала о том, какая благородная душа у этого дроу. Ведь большинство мужчин не стали бы долго раздумывать и, конечно, воспользовались бы ситуацией. И разве это было бы так уж плохо, спросила себя девушка. Она питала к Дзирту глубокие искренние чувства, их давно связывали любовь и дружба. Что скверного было бы, если бы он овладел ею тогда, в своей комнате?

Но она тут же поняла, какой вред это мгновение нанесло бы их отношениям. Ее телом управлял Хазид'хи. Между Дзиртом и Кэтти-бри и так ощущалась неловкость, а если бы он поддался чувствам, которые испытывал к девушке (а она знала о них), если бы уступил соблазну, то они скорее всего больше никогда не смогли бы посмотреть друг другу в глаза.

Они не смогли бы сидеть, как сейчас, на высоком уступе скалы, обдуваемые прохладным вечерним ветром, под чистым небом с разгорающимися звездами.

— Хороший ты человек, Дзирт До'Урден, — благодарно сказала девушка и радостно улыбнулась.

— Только не человек, — усмехнулся Дзирт, радуясь, что неловкость ушла.

Но лишь на время. Они снова стали серьезны, не зная, как справиться с чувством, в котором одновременно присутствовали любовь и страх.

Кэтти-бри снова уставилась в небо. Дзирт тоже.

— Ты же знаешь, что я любила его, — произнесла девушка.

— И все еще любишь, — отозвался Дзирт, мягко улыбнувшись, когда она снова обернулась.

Девушка сразу же отвернулась, глядя на звезды и думая о Вульфгаре.

— Ты вышла бы за него замуж, — продолжал Дзирт.

Кэтти-бри не была в этом уверена. Она всей душой любила Вульфгара, но отпечаток, наложенный на варвара традициями его племени, где женщина считалась служанкой, а не равной, был слишком глубок. Вульфгар избавился от многих предрассудков своего народа, но чем ближе подходил срок свадьбы, тем более докучной и давящей становилась его опека

над Кэтти-бри. Временами она даже чувствовала себя оскорбленной. А этого гордая и независимая девушка вынести уже не могла.

Все эти раздумья явственно отразились на ее лице, и Дзирт, знавший Кэтти-бри лучше, чем кто бы то ни было, без труда все понял.

— Ты вышла бы за него замуж, — уверенно повторил он. — Вульфгар поумнел бы.

— Только не надо сваливать все на Энтрери и рубин хафлинга, — предупредила девушка. Когда темные эльфы пришли за Дзиртом, Артемис Энтрери, приняв обличье Реджиса, воспользовался гипнотической силой рубина хафлинга, внушив Вульфгару подозрения насчет Дзирта и Кэтти-бри. Однако это не оправдывало полностью вопиющее поведение варвара, поскольку Вульфгар начал проявлять себя не с лучшей стороны задолго до того, как Энтрери появился в Мифрил Халле.

— Но ведь дело было во внушении, — возразил Дзирт.

— Оно только подтолкнуло его. Он уже давно катился по этой дорожке.

— Нет, — с непоколебимой твердостью сказал Дзирт, и Кэтти-бри растерялась.

Она склонила голову набок в ожидании объяснения, и ее густые каштановые волосы волной рассыпались по плечу.

— Он боялся, — продолжал Дзирт. — Ничто в мире не могло утратить храброго Вульфгара, кроме мысли о том, что он может потерять свою Кэтти-бри.

— *Свою* Кэтти-бри? — переспросила она.

— Не цепляйся к словам, — засмеялся Дзирт. — *Свою* Кэтти-бри, так же как он был *твоим* Вульфгаром. Он любил тебя, — продолжал Дзирт, и усмешка сошла с лица Кэтти-бри, — любил всей душой. — Он замолчал, и девушка молчала, сидя очень прямо и ловя каждое его слово. — Он любил тебя, и любовь делала его уязвимым. Ни пытки, ни битвы, ни даже смерть не испугали бы Вульфгара так, как малейшая царапина на коже Кэтти-бри. Для него это было как нож по сердцу. Поэтому он и вел себя перед свадьбой как глупец, — говорил дроу. — Любое новое сражение, проявленные тобой сила и независимость доказали бы Вульфгару, что он не прав. В отличие от большинства своих гордых соплеменников он умел признавать свои ошибки и никогда больше не повторял их.

Слушая, что говорит ее проницательный друг, Кэтти-бри отчетливо вспомнила последние минуты схватки, в которой погиб ее суженый. Во многом причиной его смерти был страх за жизнь Кэтти-бри, но прежде, чем уйти навсегда, он посмотрел ей в глаза и понял, чего стоила его глупость им обоим.

Раздумывая над тем, что говорил дроу, и припоминая еще раз те страшные минуты, Кэтти-бри поверила, что так оно и было. Больше она не сомневалась в глубине своей любви к Вульфгару. Она не ошиблась в нем, он был именно таким, каким она его видела.

И сейчас впервые после смерти варвара девушка могла вспоминать о нем без острого чувства вины. Она больше не боялась, что, если бы Вульфгар остался жив, она не вышла бы за него замуж. Потому что Дзирт был прав: невзирая на гордость, Вульфгар признал бы свою ошибку, он перерос бы ее, как бывало с ним и раньше. Это было, пожалуй, его самое привлекательное качество: он относился к жизни и миру как ребенок, он верил, что все постоянно улучшается и совершенствуется.

И на лице Кэтти-бри впервые за много-много месяцев расцвела улыбка, не отягощенная ничем. Она вдруг почувствовала себя свободной, избавившейся от тяжести прошлого, умиротворенной и способной жить дальше.

И тут она широко раскрытыми глазами вопросительно посмотрела на Дзирта. Жить дальше, но что иметь в виду под этим?

Девушка задумчиво покачала головой, и Дзирт понял, что она думала о нем. Он поднял руку и отвел завитки волос с ее щеки. Его темные пальцы странно выделялись на ее белой коже даже в вечерних сумерках.

— Я люблю тебя, — признался он, но Кэтти-бри не удивилась. — Как и ты меня, — без смущения продолжил он, зная, что прав. — И я тоже должен жить дальше, уже без Вульфгара, и пересмотреть свои отношения с друзьями и с тобой.

— Может, в будущем, — едва слышным шепотом вымолвила Кэтти-бри.

— Может быть, — согласился Дзирт. — Но пока...

— ...друзья, — договорила за него девушка.

Дзирт убрал руку от ее лица, она схватила его ладонь и крепко сжала.

Друзья.

Они сидели неподвижно, глядя вдаль и не разговаривая больше, и могли бы сидеть так очень-очень долго, если бы не какой-то шум на тропинке позади и звук знакомых голосов.

— Вот тупой эльф, не мог вызвать кошку внутри! — кипел Бренор.

— Гвенвивар больше подходит звездное небо, — с трудом переводя дух, пыхтел Реджис. Оба проломились через заросли кустов неподалеку от полянки, замерли, а потом почти бегом спустились к дреу и девушке.

— Тупой эльф? — повторила Кэтти-бри, глядя на отца.

— Пф! — фыркнул Бренор. — Я не говорю...

— Вообще-то именно так... — начал было Реджис, но сразу умолк, потому что король бросил на него грозный взгляд и цыкнул.

— Ладно, ты права, я сказал «тупой эльф»! — сознался Бренор, обращаясь к Дзирту, что с его стороны было равнозначно извинению. — Но у меня полно дел, — добавил он, оглянувшись на тропинку, ведущую обратно ко входу в Мифрил Халл. — Там, внутри!

Дзирт вытащил ониксовую фигурку и поставил на землю у самых носков Бреноровых сапожищ.

— Когда Гвенвивар вернется, я расскажу ей, как ты вел себя, когда пришел, чтобы поглядеть на нее, — с усмешкой сказал он.

— Тупой эльф, — тихонько пробурчал Бренор, боясь, что Дзирт опять уложит кошку поспать на нем или придумает еще что-нибудь похуже.

Кэтти-бри и Реджис рассмеялись, но нервно, потому что Дзирт уже тихонько окликнул пантеру. Если что-то не заладится и пантера не появится, их боль будет сравнима с болью от потери Вульфгара.

Все они думали так, даже суровый Бренор, который до гробовой доски не признался бы, как он привязан к пантере. Появился серый дымок, он клубился и понемногу принимал знакомые очертания. Друзья замерли.

Гвенвивар, казалось, смутилась, увидев всю четверку стоящей вокруг нее затаив дыхание.

Дзирт первым расплылся в улыбке, убедившись, что его подруга жива и здорова, что ее черная гладкая шерсть блестит в свете звезд, а мускулы снова стали крепкими и упругими.

Как хорошо, что теперь они все вместе!

Но было бы лучше, если бы в эту тихую ночь под звездным небом, в последние мирные часы Мифрил Халла, на этом маленьком плато оказался с ними и шестой их товарищ — Вульфгар, сын Беарнегара.

Часть 4 НАШЕСТВИЕ ДРОУ

Когда мы заканчивали готовиться к войне и час нападения армии дреу был уже не за горами, я обратил внимание на совершенно удивительную вещь, подлинным теплом согревшую мою душу.

Я дреу. Стоит лишь взглянуть на мою кожу, чтобы понять: я — другой. Цвет черного дерева ясно указывает, кто я и откуда. И, несмотря на это, никто из собравшихся в Мифрил Халле ни разу не взглянул на меня косо. Ни Гарпеллы, ни гвардейцы Несма не смотрели на меня как на чудовище, я не услышал ни единого злого слова ни от вспыльчивого Берктгара, ни от его воинственных соплеменников. И ни один дворф, включая даже генерала Дагнабита, который вообще не жаловал

того, кто не принадлежал к его народу, не показывал в мою сторону пальцем и ни в чем никогда не упрекал.

Мы не знали, почему дроу хотели войны. Может, дело было во мне, а может, они зарились на сокровища Мифрил Халла. Но никто из его защитников не обвинял меня. И как прекрасно было ощущать такое отношение мне, много месяцев жившему под гнетом вины за предыдущий набег, за Вульфгара, за Кэттибри, которая во имя дружбы вынуждена была отправиться мне на выручку в Мензоберранзан.

Я тащил этот тяжелый груз, но окружающие, которые могли потерять не меньше моего, ничем не утяжеляли мою ношу.

Вам не понять, насколько важно это было для существа с моим прошлым. То было выражение самой искренней дружбы, оно было совершенно непреднамеренным, никто из окружавших меня даже не задумывался, почему он относится ко мне таким образом. Слишком часто раньше так называемые друзья делали подобное для того лишь, чтобы доказать что-то не мне, а себе. Делая вид, что они не замечают наших очевидных различий вроде цвета кожи, они вырастали в собственных глазах.

Гвенвивар никогда не была такой. Бренор никогда не был таким. Кэттибри и Реджис тоже. Лишь Вульфгар поначалу испытывал ко мне презрение за то, что я — дроу. Но все они были честны в своих чувствах, а потому они мои друзья навсегда. Однако во время подготовки к войне я обнаружил, что круг моих друзей несказанно расширился. Я понял, что и дворфы Мифрил Халла, и жители Сэттлстоуна, и многие-многие другие совершенно искренне принимают меня таким, каков я есть.

Это и есть истинная природа дружбы. Она обязательно должна быть бескорыстной, нельзя за ее счет разрешать какие-то свои проблемы. И в те дни Дзирт До'Урден раз и навсегда понял, что он ничем не связан с Мензоберранзаном.

Я наконец сбросил тяжелый груз. И улыбнулся.

Дзирт До'Урден

Глава 17 БЛИНГДЕНСТОУН

Они казались тенями среди множества теней; их движения были неуловимы. И стояла гробовая тишина. Несмотря на то что триста темных эльфов в строгом боевом порядке — левый и правый фланги и центр — шли по туннелю, не было слышно ни звука.

Они выступили на запад от Мензоберранзана в поисках более легкого и широкого пути, по которому можно было бы вернуться и идти дальше на восток, к Мифрил Халлу. Еще одно преимущество кружного пути состояло в том, что Блингденстоун, город свирфов, ненавидимых темными эльфами, находился неподалеку.

Утегентадь Армго выжидал в небольшом укрытии под навесом. Туннель был слишком широк, и это настораживало. Свирфы считались прекрасными строителями и тактиками; в боевом столкновении они больше полагались на правильное построение войска и даже на боевые машины, тогда как дроу были индивидуалистами и предпочитали действовать исподтишка. Эти туннели были широки не от природы, Утегентадь это понимал. Враги уже давно подготовили их к тому, чтобы использовать как место сражения.

Но где же они сами? Утегентадь вторгся на их территорию с тремя сотнями дроу, а за его разведывательным отрядом следовало восемь тысяч темных эльфов с тысячами рабов. Однако никаких признаков свирфов они пока не обнаружили, несмотря на то что сам Блингденстоун находился едва ли не в двадцати минутах ходьбы. Разведчики же подобрались к нему и того ближе.

Неистовый оружейник Барризон дель'Армго был раздражен. Он любил, чтобы все было предсказуемо, по крайней мере когда речь шла о неприятеле, и надеялся, что к этому времени ему и его солдатам уже придется вступить в столкновение с гномами. Ведь не

случайно же он находился в авангарде войска. Между Бэнр и Мез'Баррис существовала договоренность, по которой Второму Дому отводилась достаточно существенная роль. Но это подразумевало ответственность, которую Мез'Баррис, недолго думая, переложила на крепкие плечи Утегенталя. Дом Барризон дель'Армго обязан был прославиться в этой войне. После того как Мать Бэнр проявила невероятную власть, разрушив Дом Облодра, заявить о себе было просто необходимо. Когда с Мифрил Халлом будет покончено, начнутся перестановки в самом Мензоберранзане. Война Домов была неизбежна, а вакантные места имелись непосредственно за Вторым Домом.

Поэтому Мез'Баррис поклялась старой Бэнр в нерушимой верности в обмен на освобождение от личного участия в походе. Она осталась в Мензоберранзане, чтобы укреплять положение своего Дома, а также чтобы совместно с Триль Бэнр сплести хитроумную сеть лжи и затянуть в нее столько сторонников, чтобы Мать Бэнр могла больше не бояться никаких обвинений. Бэнр приняла предложение Мез'Баррис, понимая, что ей нужен надежный сторонник в тылу на тот случай, если в Мифрил Халле ее постигнет неудача.

И поскольку глава Дома осталась в Мензоберранзане, завоевание славы для семейства Барризон дель'Армго становилось целиком и полностью делом Утегенталя. Неустрашимый воин был этому даже рад, но внутри него все клокотало, он едва сдерживал болезненное нетерпение развязать хоть какой-нибудь бой до того, как начнутся основные баталии. Ему не терпелось обогреть свой трезубец кровью врагов.

Но куда подевались мерзкие маленькие свирфы? План наступления не предусматривал нападения на Блингденстоун, по крайней мере по пути к Мифрил Халлу. Если удар по нему и будет нанесен, то лишь по возвращении из города дворфов, после того как основная цель будет достигнута. Однако Утегенталю было позволено выяснить, насколько сильна оборона свирфов, а также вступить в потасовку с гномами, которых они повстречают в туннелях.

Утегенталь дожидаться не мог хоть какой-нибудь стычки, но про себя решил, что, если оборона гномов оставляет желать лучшего, он на этом не остановится и, возможно даже, явится к Бэнр с головой их короля на острие трезубца.

Он принесет славу Дому Барризон дель'Армго.

Одна из разведчиц вернулась и, минуя охрану, приблизилась прямо к оружейнику. Жестами она доложила, что подошла к городу совсем близко, даже видела лестницу, ведущую к тяжеловесным воротам Блингденстоуна. Однако не обнаружила никаких следов присутствия свирфов.

Это ловушка; бывалый воин каждой клеточкой чувствовал, что свирфы залегли где-то в засаде и выжидают, чтобы напасть. Любой другой представитель его народа, известного своей осторожностью (в основном потому, что темные эльфы сами наносили эффективные удары таким образом и знали, что главное — выскочить в нужный момент), наверняка отступил бы. Ведь в задачу Утегенталя входила только разведка, а ее он провел и мог возвратиться к Матери Бэнр с отчетом, который ей безусловно понравится.

Но неистовый Утегенталь сильно отличался от обыкновенных дроу. Он не успокоился, наоборот, в нем клокотала ярость.

«Отведи меня туда», — знаками велел он, чем несказанно удивил женщину.

«Тебя нельзя подвергать опасности», — ответила она.

— Я такой же, как все! — гаркнул Утегенталь, и окружавшие его эльфы испуганно вздрогнули. Но Утегенталь даже не потрудился сбавить тон. — Передайте по рядам: следовать за мной до самых ворот Блингденстоуна!

Солдаты беспокойно переглядывались. В отряде было триста дроу, немалая сила, но численность защитников Блингденстоуна многократно превосходила ее. К тому же свирфы были серьезными противниками, они знали множество способов пускать в дело камни, а еще им часто помогали могущественные существа Земного уровня. Но никто из дроу не посмел бы возражать Утегенталю Армго хотя бы потому, что ему одному была известна задача, стоявшая перед их отрядом.

Поэтому они дружно пошли за ним и поднялись по лестнице к самым воротам Блингденстоуна. Механики темных эльфов сразу обнаружили здесь хитроумную ловушку: если ворота открыть, то гигантский кусок свода над ними упал бы прямо на входящих. Утегенталь вызвал жрицу, что шла с их отрядом.

«Ты можешь перенести одного из нас внутрь?» — жестами спросил он. Она утвердительно кивнула.

Утегенталь дал понять, что это будет он, чем снова всех поразил. Совершенно невыносимое требование. Ни один из высшестоящих дроу никогда не шел в первых рядах — для этого существовали рядовые.

Но спорить снова никто не осмелился. По правде говоря, жрице было все равно, если бы даже этого надменного самца раздавило в лепешку. Она, не откладывая дела в долгий ящик, начала заклинание, при помощи которого Утегенталь должен был превратиться в призрак и легко просочиться через малейшую щелку. Когда превращение завершилось, отважный оружейник не колеблясь испарился, не удосужившись даже дать указания, что делать, если он не вернется.

Слишком уж высокомерен и самоуверен был Утегенталь, чтобы допустить подобную мысль.

Спустя несколько минут, миновав пустые помещения стражи, сообщавшиеся с хитроумными укреплениями, Утегенталь Армго вошел в город и стал вторым дроу после Дзирта До'Урдена, которому довелось увидеть его удивительные, естественного происхождения дома и неприметные извилистые улочки. Блингденстоун сильно отличался от Мензоберранзана, свирфы только чуть усовершенствовали природные формы, тогда как темные эльфы в строительстве следовали полету воображения.

Утегенталю, любившему все определенное и ясное, город показался отталкивающим. Но, кроме того, он оказался совершенно пуст.

* * *

Белвар Диссенгалып сидел на краю глубокой пещеры много западнее Блингденстоуна и размышлял, правильно ли он поступил, убедив короля Шниктика покинуть город. Высокочитимый Хранитель Туннелей считал, что с возвращением магии дроу непременно предпримут поход на Мифрил Халл и в этом случае они пройдут в опасной близости от Блингденстоуна.

Убедить соплеменников в том, что темные эльфы готовятся к наступлению, было нетрудно, сложнее было уговорить их собрать вещи и уйти из древнего города. Ведь зловещая тень Мензоберранзана висела над гномами две тысячи лет, и им уже не раз приходилось готовиться к войне.

Но Белвар понимал, что на этот раз все иначе, и со всей страстью пытался объяснить это, опираясь на то, что он знал о темных эльфах благодаря дружбе с Дзиртом До'Урденом. Однако он мало преуспел, король Шниктик и остальные не спешили поддаваться на уговоры, пока Белвара не поддержал Советник Фербл.

Фербл с уверенностью подтвердил, что на этот раз все обстоит иначе. Собирается войско всего Мензоберранзана, и нападение не будет иметь ничего общего с одиночной вылазкой какого-нибудь из семейств. Теперь уж не будет надежды на то, что вражда между Домами отвлечет удар. От Джарлакса Фербл узнал о гибели Дома Облодра; земная элементаль, тайно посланная свирфскими жрецами в Клорифту, подтвердила, что дворец разбит в пыль. Поэтому, когда во время последней встречи Джарлакс обронил, что «было бы неразумно становиться на сторону Дзирта До'Урдена», Фербл, хорошо разбираясь в мотивах и поступках дроу, решил, что они действительно планируют захват Мифрил Халла.

Поэтому свирфы, решив быть осторожными, оставили Блингденстоун, и Белвар сыграл в этом решающую роль. Теперь чувство ответственности давило на него, и он задним числом гадал, таким ли уж верным было решение, поначалу казавшееся единственно возможным.

Здесь, западнее, в туннелях, было совершенно тихо, но тишина эта была не настороженной, как если бы вдоль стен то тут то там скользили темные эльфы, а действительно мирной. Казалось, что от войны их отделяют тысяча миль или тысяча лет.

Остальные гномы думали так же, и Белвар не раз уже слышал, как между собой они называли решение покинуть Блингденстоун по меньшей мере глупым.

Белвар осознал, как много значил уход из города лишь в тот момент, когда последний из свирфов вышел из ворот и бесконечный караван начал медленно двигаться на запад. Покидая город, свирфы тем самым признавали, что им не справиться с дроу, что они не могут защитить себя и свои дома от темных эльфов. Всем, а Белвару, быть может, больше всех, было тяжело. Пошатнулась уверенность в собственной безопасности, в силе жрецов, даже в божестве, которому они поклонялись.

Белвар чувствовал себя трусом.

Некоторое успокоение Высокочтимый Хранитель Туннелей черпал лишь в том, что в Блингденстоуне остался тайный наблюдатель. Дружественная элементаль, неразличимая среди камней, ждала и наблюдала и должна была сообщать обо всем, когда ее вызывали свирфские жрецы. Если темные эльфы придут в город, как думал Белвар, гномы узнают об этом.

А если не придут? Если он и Фербл ошиблись и никакого нашествия не будет? Тогда получится, что из-за ненужной осторожности свирфы понесли невосполнимую потерю. Разве смогут они теперь когда-нибудь чувствовать себя в Блингденстоуне в безопасности?

* * *

Узнав из доклада Утегенталя, что город свирфов пуст, Мать Бэнр не обрадовалась. На ее лице было написано неудовольствие, зато лицо стоявшего рядом Бергиньона выражало открытую злобу. Сузив глаза, он вперил взор в могучего оружейника Второго Дома, а Утегенталь в упор смотрел на него.

Старая Бэнр понимала, что так злит Бергиньона, ей и самой не понравилось, что Утегенталь самовольно вступил в Блингденстоун. По его поступку нетрудно было догадаться, что Мез'Баррис любыми путями хочет выделиться.

Утегенталь делал все во славу Дома Барризон дель'Армго.

Бергиньону это было неприятно, ведь соперничал с Утегенталем именно он, а не старуха Бэнр.

Обратив внимание на выражение лица своего сына, Мать Бэнр обдумала новость с другой точки зрения и решила, что отчаянный поступок Утегенталя не так уж плох. Соперничество двух оружейников заставит Бергиньона стремиться к первенству. Если же он не оправдает надежд, если Утегенталь убьет Дзирта До'Урдена (а к этой цели, совершенно очевидно, оба жадно стремились), даже если Бергиньон сам падет от руки Армго, то так тому и быть. Значение этого похода было выше интересов любого из Домов, выше любого личного стремления, исключая, естественно, стремления самой Матери Бэнр.

Когда Мифрил Халл будет взят, чего бы это ни стоило ее сыну, она окажется в такой милости у Паучьей Королевы, что ни один другой Дом и даже объединенные силы всех Домов будут ей уже не страшны.

— Иди, — обратилась Бэнр к Утегенталю. — Возвращайся на передовую.

Воин с торчащими гребнем волосами ухмыльнулся и поклонился, не сводя взгляда с Бергиньона. Потом он развернулся и хотел уйти, но Бэнр снова его окликнула.

— Если же тебе доведется напасть на след свирфов, — сказала она и помолчала, переводя взор с него на Бергиньона, — то пошли кого-нибудь, чтобы известить нас.

Утегенталь расплылся в ухмылке до ушей, обнажая редкие острые зубы, а сын Бэнр опустил голову. Армго откланялся и вышел.

— Свирфы — серьезные противники, — как бы между делом обронила Бэнр в расчете на Бергиньона. — Они перебьют весь его отряд и его самого.

Сама она в это не верила. Взглянув же на сына, поняла, что он тоже не верит.

— А если нет, — продолжила старуха, глядя в сторону, на безучастно стоявшую Квентель, которой, казалось, все надоело, и Метила, у которого такой вид был всегда, — так ведь гномы не такая уж завидная победа. — Она снова обернулась к Бергиньону. — Мы знаем, какова главная цель этого похода, — выкрикнула она. Правда, при этом не уточнила, что ее цель и цель Бергиньона существенно различаются.

На молодого Бэнра это произвело мгновенное впечатление. Он разом подтянулся, вскочил на ящера и уехал по знаку матери.

Бэнр обернулась к Квентель.

«Проследи, чтобы среди солдат Утегенталя были наши шпионы, — знаками показала она. Потом немного помедлила, прикинув, что сделает свирепый оружейник, если раскроет их. — Пусть это будут мужчины», — добавила она.

Мужчинами пожертвовать не жаль.

В одиночестве скользя на летающем диске между воинами, Мать Бэнр сосредоточилась на более важных вещах. Соперничество Бергиньона и Утегенталя ее мало волновало, равно как и неповиновение оружейника Армго командам. Ее больше беспокоило то, что свирфы куда-то исчезли. А если разозленные гномы собираются напасть на Мензоберранзан, когда Бэнр с войсками уйдет далеко?

Конечно, это глупо, и Мать Бэнр сразу отбросила эту мысль. В городе оставалось больше половины темных эльфов под бдительным оком Мез'Баррис, Триль и Громфа. Если даже гномы нападут, их разобьют наголову, к вящей славе Паучьей Королевы.

Но даже сейчас где-то на краю сознания пульсировала мысль о заговоре.

«Триль предана тебе и держит все в своих руках», — внедрились в ее мозг слова Метила, стоявшего неподалеку и легко читавшего в голове старой Бэнр.

Бэнр почувствовала себя спокойнее. Перед тем как покинуть Мензоберранзан, она попросила Метила прощупать, что думает Триль по поводу ее намерений, и доклад Метила оказался очень обнадеживающим. Триль не нравилась идея наступления на Мифрил Халл. Она боялась, что ее мать переоценила свои возможности, но при этом была уверена, как и все остальные, что сама Ллос поддерживает войну, особенно в свете того, какая судьба постигла Дом Облодра. Поэтому Триль не воспользуется отсутствием матери и не попытается захватить власть, да и вряд ли вообще предпримет что-либо против нее.

Бэнр совсем успокоилась. Все шло как задумано; и не важно, что трусливые гномы сбежали.

Положение складывалось даже лучше, чем она рассчитывала: вражда Бергиньона и Утегенталя обещала доставить немало приятных минут и открывала разнообразнейшие возможности. Допустим, Утегенталя убьет Дзирта, а также при этом убьет Бергиньона, тогда Мать Бэнр может переманить его в Дом Бэнр и отдать ему место оружейника. После того как Мифрил Халл будет взят, Мез'Баррис и пикнуть не посмеет.

Глава 18

ТРУДНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

— Даже сейчас Регволд, который будет командовать нами, встречается с Бренором, королем, — сказал всадник. На нем были удивительные доспехи. На панцире не было даже малюсенького гладкого участка: он был весь покрыт вмятинами и ребрами и торчащими во все стороны шипами, чтобы отклонять любые выстрелы.

Пятьдесят его товарищей — все вместе они являли собой довольно странное зрелище — были экипированы так же. Стоило лишь взглянуть на их стяг, чтобы понять, кто они такие. На нем был изображен человек со стоящими торчком волосами и простертыми вверх руками. Он стоял на крыше дома и посылал молнии в небо (или же ловил молнии, сыпавшиеся на него из облаков, — трудно было разобрать). Это была эмблема Широкой Скамьи, а рыцари — лонграйдеры — были воинами этого города, странноватыми на вид, но

зато отличными солдатами. В холодный сумрачный день они въехали в Сэттлстоун вместе с хлопьями первого снега.

— Регволд будет командовать *вами*, — уточнил другой всадник, со следами многочисленных боевых ран, высокий и уверенно сидящий в седле. Его доспехи, равно как и доспехи его сорока товарищей, были менее оригинальны. Над ними развеялся вымпел Несма, независимого городка на границе с жуткими Торфяными болотами, и изображены на нем были лошадь и копье. — А не *нами*. Мы — Гвардия Несма и не подчиняемся чужакам!

— Если вы прибыли сюда первыми, то это не значит, что вам устанавливать правила! — взвыл лонграйдер.

— Давайте не будем забывать о цели, ради которой мы все собрались, — вмешался третий всадник, который с двумя спутниками рысью подъехал встретить вновь прибывших. Когда он приблизился, остальные разглядели худощавое лицо, сияющие золотистые волосы и такие же глаза и узнали в нем эльфа, хотя он и был слишком высок для обычного представителя своего народа.

— Я — Беснелл из Серебристой Луны, прибыл с сотней всадников по приказу госпожи Аластриэль. У всех нас будет своя задача, когда начнется битва, но если и будет среди нас командир, то скорее всего я, поскольку я действую от лица Аластриэль.

Воины из Несма и Широкой Скамьи беспомощно переглянулись. Серебристая Луна, безусловно, затмевала собой их города, и их руководители не стали бы оспаривать авторитет Аластриэль.

— Но сейчас ты не в Серебристой Луне, — раздался грубоватый голос Берктгара, который стоял у дверей одного из домов и внимательно прислушивался к перебранке, почти надеясь, что одними словами дело не ограничится. — Вы сейчас в Сэттлстоуне, а здесь главный я, поэтому в Сэттлстоуне вы будете подчиняться Берктгару!

Все напряглись, особенно подчиненные Беснелла. Эльф некоторое время сидел совершенно спокойно, глядя на неспешно идущего к ним варвара с мечом на спине. Беснелл не был надменен. Уже по тому, какой ранг он занимал в войске Серебристой Луны, можно было понять, что он никогда не позволял гордости брать верх над здравым смыслом.

— Что ж, золотые слова, Берктгар Смелый, — учтиво ответил он. — И справедливые. — Он повернулся к двум другим предводителям. — Мы прибыли из Серебристой Луны, вы из Несма, а вы — из Широкой Скамьи для того, чтобы оказать помощь Берктгару и Бренору Боевому Топору.

— Мы пришли на зов Бренора, — буркнул лонграйдер, — а не Берктгара.

— Тогда, может, отправись со своей лошадью в темные туннели под Мифрил Халлом? — поинтересовался Беснелл. Он встречался с Бренором и Кэтти-бри и уяснил, что под землей дворфы управятся и сами, а всадники должны будут присоединиться к бойцам Сэттлстоуна, чтобы защищать окрестные земли.

— Он может оказаться под землей вместе со своей кобылой раньше, чем ожидает, — вставил Берктгар, и лонграйдер заметно побледнел.

— Ну довольно, — поспешно вмешался Беснелл. — Мы собрались здесь как друзья и должны остаться таковыми, ведь у нас общая цель.

— Общий страх, — поправил гвардеец из Несма. — Нам однажды довелось встретиться с Бреноровым... — Он помолчал, всматриваясь в лица других предводителей и в хмурые лица своих подчиненных, подыскивая правильные слова. — Встретиться с темнокожим другом короля Бренора, — презрительно закончил он. — Что хорошего может выйти из дружбы с коварным дроу?

Едва он это произнес, как Берктгар бросился к нему, ухватил за грудки и почти стащил с седла, притянув его поближе к своему разъяренному лицу. Гвардейцы Несма обнажили оружие, но из-за камней и домов в ту же секунду показались вооруженные люди Берктгара.

Беснелл многозначительно кашлянул, а лонграйдеры осуждающе покачали головами.

— Если ты еще когда-нибудь посмеешь неуважительно отозваться о Дзирте До'Урдене, — прорычал варвар, не обращая внимания на направленные на него мечи и

копья, — то я окажусь в затруднительном положении. Мне сложно будет решить, то ли самому разрубить тебя пополам и оставить в чистом поле, то ли отвести к Дзирту, чтобы он сам снес тебе башку?

Беснелл слегка ударил своего коня по бокам и подъехал к варвару, оттеснив его лошадиным крупом от потерявшего дар речи солдата.

— Дзирт До'Урден никогда не убьет человека за неудачные слова, — твердо заявил он, поскольку частенько встречался с дроу во время его многочисленных посещений Серебристой Луны.

Берктгар и сам знал, что это так, поэтому смягчился и отошел.

— А вот Бренор убил бы, — все же не удержался он от замечания.

— Согласен, — ответил Беснелл. — И многие другие также охотно стали бы на защиту темного эльфа. Но я уже сказал: довольно. Вместе мы — сто девяносто всадников, и мы приехали сюда, чтобы служить одному делу. — Говоря так, он обвел глазами собравшихся. В эту минуту он не выглядел хрупким эльфом. — Сто девяносто человек присоединятся к Берктгару и его славным воинам. Редко случается, чтобы лонграйдеры, гвардейцы Несма, Рыцари Серебристой Луны и воины Сэттлстоуна собрались вместе ради общего дела. Если война начнется — а глядя, с какими славными соратниками мне предстоит сражаться, я надеюсь, что так и будет, — слава о наших подвигах прогремит по всем Королевствам! И пусть дроу пеняют на себя!

Он мастерски сыграл на их гордости, все разразились одобрительными криками, и неприятный эпизод вскоре был забыт. Беснелл довольно улыбнулся, но про себя решил, что не все идет так гладко, как должно быть между союзниками. Широкая Скамья прислала Бренору пятьдесят всадников и нескольких чародеев — большая жертва со стороны этого города, у которого, откровенно говоря, не было личной заинтересованности в укреплении связей с Бренором. Гарпеллам выгоднее было развивать дружбу и торговлю с Западным Глубоководьем, чем с восточными землями, и тем не менее они немедленно откликнулись на призыв о помощи и даже отправили к королю дворфов дочь своего правителя.

Серебристая Луна также прислала помощь, во-первых, из-за дружественных чувств к Бренору и Дзирту, а во-вторых, потому, что Аластриэль была мудрым руководителем и понимала, что, если войско дроу окажется на поверхности, плохо будет всем. Аластриэль отправила под начало Берктгара сотню рыцарей, а еще сто охраняли холмы восточнее Мифрил Халла, перекрыв тропинки, ведущие в Долину Хранителя. Так что всего получалось двести всадников, две пятых знаменитой гвардии Рыцарей Серебристой Луны. Эта сама по себе немалая жертва становилась еще значительнее, потому что ветер был уже по-зимнему холодным.

Участие же Несма было намного скромнее. Этому городу нашествие темных эльфов угрожало больше, чем остальным, исключая разве что Сэттлстоун, и при этом Несм снарядил только десятую часть своего отличного войска. Все знали, что отношения между Мифрил Халлом и Несмом были натянутыми. Это началось еще до того, как Бренор отвоевал землю своих предков, когда король со своими спутниками проезжал мимо Несма. Тогда они спасли нескольких гвардейцев от бандитов, а когда схватка завершилась, гвардейцы вместо благодарности напали на них. Их прогнали из-за Дзирта, и, хотя позже, когда Несм помог в завоевании Мифрил Халла, ярость и негодование Бренора несколько поутихли, отношения все равно оставались прохладными.

Теперь же воевать предстояло против темных эльфов, и уже одно это, без сомнения, оживило в памяти осторожных жителей Несма недоверие к другу Бренора. Но все же они пришли, и лучше уж сорок всадников, чем ни одного, решил Беснелл. Эльф во всеуслышание объявил Берктгара командиром всех четырех отрядов, и пусть так оно и будет (хотя в сражении каждый из них наверняка будет действовать сам по себе, только бы они дополняли друг друга). Для себя же Беснелл выбрал менее заметную, но не менее важную роль — миротворца. Он будет сдерживать всех и добиваться согласия.

Хотя, конечно, когда придут темные эльфы, его труд значительно облегчится: перед

лицом столь грозного врага все распри будут сразу позабыты.

* * *

Когда элементаль сообщила, что один-единственный дроу побывал в Блингденстоуне, а вся армия прошла мимо пустого города в туннели, ведущие к Мифрил Халлу, Белвар не знал, как ему к этому, отнестись: то ли вздохнуть с облегчением, то ли еще больше испугаться.

Высокочитимый Хранитель Туннелей сидел на своем привычном наблюдательном пункте и вглядывался в пустоту каменных коридоров. Он думал о Дзирте, своем дорогом друге, и о месте, ставшем его домом. Несколько месяцев назад, когда дроу побывал в Блингденстоуне по пути в Мензоберранзан, он рассказывал Белвару о Мифрил Халле. С какой теплотой он говорил о своих друзьях, о дворфе по имени Бренор и об этой девушке Кэтти-бри, которая чуть позже тоже оказалась в Блингденстоуне, а потом, согласно позднейшим донесениям, помогла ему бежать из города темных эльфов!

Белвар знал, что этот побег только ускорил выступление армии дроу, но все же радовался, что Дзирт вырвался из железной хватки Матери Бэнр. Теперь он дома. Но зато темные эльфы идут за ним.

Белвар вспомнил, какая неподдельная тоска читалась в лавандовых очах Дзирта, когда он рассказывал о гибели одного из своих друзей. Что же придется ему пережить, размышляя гном, когда дроу разрушат его дом?

— Принять решение надо, — послышался голос за спиной. Белвар лязгнул «руками», отрываясь от невеселых размышлений, и обернулся к Ферблу.

Одно хорошее было во всех этих неприятных событиях — зарождавшаяся между Ферблом и Белваром дружба. Поскольку оба были старейшими жителями Блингденстоуна, они давно знали друг друга — точнее, друг о друге, но их с Ферблом жизни пересеклись лишь тогда, когда Белвар, благодаря своей дружбе с Дзиртом, стал интересоваться внешним миром. Сначала казалось, что более неподходящей пары и представить невозможно, но они могли многое дать друг другу, и вскоре между ними зародилась симпатия, в которой, однако, ни один не сознался бы.

— Какое решение?

— Дроу прошли мимо, — сказал Фербл.

— Но они вернутся.

— Само собой, — согласился Советник. — Король Шниктик решить должен, возвращаться ли нам в Блингденстоун.

Белвара как будто огрели мокрым холодным полотенцем. Возвращаться ли в Блингденстоун? Да все в его душе пело при мысли о том, что они вернутся в свои дома. Остаться здесь нелепо. Но, чуть остыв и взглянув в мрачное лицо Фербла, Белвар понял, что ошибается. Дроу придут снова, а если они захватят Мифрил Халл, тогда наверняка между Мензоберранзаном и новым владением будет налажено постоянное сообщение, и дорога пройдет как раз рядом с Блингденстоуном.

— Поговаривают многие наверху, что надо двигаться дальше на запад, найти новую пещеру и основать новый Блингденстоун, — сказал Фербл. По его тону было ясно, что ничего хорошего Советник в этом не видел.

— Никогда, — отозвался Белвар, однако не очень уверенно.

— Король Шниктик хочет знать твое мнение по этому важнейшему вопросу, — добавил Фербл. — Хорошо подумай, Белвар Диссенгальп. От твоего ответа наши жизни будут зависеть.

Повисла долгая пауза, потом Фербл коротко кивнул и развернулся, чтобы уйти.

— А что думает Фербл? — глядя ему в спину, спросил Белвар.

Советник медленно обернулся и твердо посмотрел Белвару в глаза.

— Фербл думает, что есть лишь один Блингденстоун, — убежденно ответил он. — Одно дело уйти, когда дроу идут мимо, — это правильно. Другое дело прятаться.

— Есть вещи, сражаться стоит за которые, — добавил Белвар.
— И умереть? — быстро добавил Советник, повернулся и вышел.
И Белвар остался один, наедине с мыслями о своем доме и о своем друге.

Глава 19 ДЕЙСТВУЯ ПО ОБСТАНОВКЕ

Едва Кэтти-бри увидела гонца-дворфа, на лице которого читались тревога и боевой восторг, она сразу все поняла. Поэтому она помчалась вперед по извилистым туннелям Мифрил Халла, обгоняя гонца, через Нижний Город, казавшийся вымершим, потому что топки еле тлели. Многие провожали ее взглядами и догадывались, куда она спешит. Все поняли: темные эльфы близко.

Стражники, охранявшие массивную дверь, за которой кончалась территория Мифрил Халла, одобрительно закивали головами, когда девушка пронеслась мимо.

— Целься хорошо, девочка! — крикнул один из них ей вслед, и Кэтти-бри улыбнулась, несмотря на то что ужасно боялась, — похоже было, что сбывается один из самых страшных ее кошмаров.

Она нашла Бренора и Реджиса в большой пещере, той самой, где не так давно дворфы разгромили целое племя гоблинов. Теперь здесь находился штаб короля, отсюда он руководил обороной внешних и нижних туннелей. Почти все коридоры, ведущие отсюда в Подземье, были буквально напичканы ловушками и западнями, некоторые проходы заранее обрушены, а другие охранялись огромным числом солдат, так что сам штаб был неприступен настолько, насколько это вообще возможно для пещеры за пределами Мифрил Халла.

— Где Дзирт? — спросила Кэтти-бри.

Бренор повернулся и показал на широкий туннель, спускавшийся в нижнюю зону.

— Там, — сказал он, — пошел вместе с кошкой.

Кэтти-бри осмотрелась. Все было приготовлено должным образом, насколько, конечно, позволяло время. Штапет Скребуший Коготь и другие жрецы возились на полу, выстраивая множество бутылочек и склянок с зельями, раскладывая бинты, простыни и травяные бальзамы для раненых. Кэтти-бри невольно вздрогнула, поскольку представила себе, насколько больше всего этого понадобится, когда начнется битва.

Неподалеку от жрецов трое Гарпеллов: Гаркл, Биддерду и Белла дон Дель Рой — склонились над небольшим круглым столиком, погребенным под ворохом карт и свитков.

Белла подняла глаза от карты, сделала знак Бренору, и он немедленно поспешил к ней.

— Мы что же, будем сидеть и ждать? — обратилась Кэтти-бри к Реджису.

— Пока да, — ответил хафлинг. — Но вскоре Бренор и я с отрядом и с одним из Гарпеллов выступим, чтобы встретиться с Дзиртом и Пвентом в пещере Тунульта. Уверен, Бренор собирается и тебя взять.

— Пусть бы попробовал оставить меня! — чуть слышно пробурчала Кэтти-бри. Девушка задумалась над словами хафлинга. Пещера Тунульта была самой большой за пределами Мифрил Халла. И если, учитывая, что дроу близко, они должны были встретиться с Дзиртом там, а не в каком-нибудь укромном месте, то это означало, что сражение состоится скоро. Кэтти-бри глубоко вздохнула и сняла с плеча свой волшебный лук Тулмарил. Она проверила, хорошо ли натянута тетива, и заглянула в колчан, убеждаясь, что он полон, хотя в этом не было необходимости, ведь он был волшебным и никогда не пустовал.

«Мы готовы», — появилась в ее голове мысль, исходившая от Хазид'хи. Кэтти-бри почувствовала себя увереннее. Теперь она полностью полагалась на новый меч, думали они одинаково. Они действительно готовы. Все готовы.

Но когда Бренор и Биддерду отошли от столика с картами и дворф сделал знак своей гвардии, Реджису и Кэтти-бри, сердце девушки на мгновение замерло.

Члены отряда «Веселые мясники» с шумом неслись вперед, наталкиваясь на стены и друг на друга. Дроу в туннелях! Они выследили нескольких дроу, и теперь им не терпелось поймать или убить одного из них.

Несколько темных эльфов действительно почти вплотную приблизились к Мифрил Халлу, но это были разведчики, шедшие впереди основного войска. Грохот, издаваемый подчиненными Пвента, оглушил их. Дроу привыкли к тишине Подземья и сами передвигались неслышно и незаметно. Услыхав же этот шум, они решили, что по крайней мере тысяча разгоряченных воинов мчится по коридору. Поэтому дроу отступили, растянувшись в линию, и оставили позади мужчин, которые должны были задержать врага и прикрыть отступление, тогда как женщины пошли вперед.

Первое столкновение произошло в узком туннеле с высоким сводом. «Веселые мясники» неотвратно приближались с востока. Пвент и два ближайших к нему подчиненных получили по крошечной отравленной стреле, выпущенных дроу, зависшими среди сталактитов.

Берсерк и его соратники, почувствовав неожиданные жалящие уколы, взвыли. Хитрый Пвент быстро огляделся, и они втроем дружно рухнули на пол как подкошенные.

Весь остальной отряд с криками развернулся и бросился бежать, даже не попытавшись забрать с собой раненых товарищей.

«Двоих убить. Одного берем для допроса», — подал знак главный из трех дроу, и все трое начали медленно спускаться.

Легко коснувшись пола, они обнажили мечи.

И тут же все трое берсерков вскочили, неистово топоча мощными ногами. Не так давно вся бригада приняла по изрядной порции особого варева, против которого не действовала никакая отравка, даже знаменитый усыпляющий яд дроу. Назывался напиток «Веселый мясник», и если дворф не помирал, попробовав этого жуткого пойла, какое-то время он мог совершенно не бояться, что отравится (а также замерзнет).

Пвент находился ближе всех к темным эльфам. Он наклонил голову и пронзил грудь одного из дроу шипом на шлеме, даже кольчуга не спасла несчастного.

Второй дроу отразил нападение другого берсерка, отведя шип его шлема скрещенными мечами. Но зато он получил страшный удар в горло кулаком, одетым в рукавицу с острыми зазубренными лезвиями на сгибе, от которого под подбородком дроу осталась жуткая кровавая дыра. Задыхаясь, он все же нанес пару ударов по спине дворфа, но тот, объятый безумной боевой яростью, даже не заметил их.

Спасся от первого натиска только третий темный эльф. Он высоко подпрыгнул, снова воспользовался левитацией и смог избежать нападения третьего дворфа, правда, лишь потому, что берсерк поскользнулся в луже крови Пвентовой жертвы.

Дроу укрылся среди целого леса сталактитов, свисавших со свода коридора.

Пвент выпрямился, стряхивая труп со шлема.

— Туда! — заорал он, показывая в глубь туннеля. — Найдите открытое место на потолке и смотрите в оба! Не дадим этому гаду уйти!

Из-за поворота с гиканьем и улюлюканьем, лязгая и скрежеща доспехами, утыканными шипами и покрытыми ребрами, показались остальные члены отряда.

— Смотрите в оба! — рявкнул Пвент, ткнув пальцем в потолок, и все дворфы как один задрали головы.

Один из них пронзительно вскрикнул, получив стрелу в лицо, но этот крик сразу превратился в радостный вопль, поскольку дворф заметил, откуда стрелял парящий под потолком дроу. Сталактиты моментально окутал шар мрака, но дворфы уже знали, где прячется враг.

— Аркан! — рявкнул Тибблдорф Пвент, и один из дворфов, выдернув из-за пояса толстую веревку, на конце которой была петля со скользящим узлом, поспешил к берсерку.

Неправильно поняв намерение Пвента, он начал раскручивать лассо над головой, вглядываясь во тьму и пытаясь прицелиться.

Но Пвент крепко ухватил его за запястье, и веревка шлепнулась на пол.

— Я говорил о берсеркском аркане, — пояснил он.

Остальные сгрудились вокруг них, не понимая, что имел в виду их вожак. Пвент между тем просунул ногу в петлю, затянул веревку вокруг щиколотки и сказал, что ему потребуется сразу несколько подчиненных, чтобы раскрутить «дроуловку». Дворфы заулыбались.

Они дружно ухватились за лассо и начали бешено кружить, но взялись за дело с таким энтузиазмом, что сбили своего вожака с ног. Понемногу, несколько отрезвленные угрозами командира, они наконец нашли нужный ритм, и вскоре Пвент уже размеренно подскакивал над полом.

Затем он оторвался от земли и стал бешено вращаться. Однако они слишком ослабили веревку, и берсерк с силой проехался шипом на шлеме по каменной стене, выбив целую тучу искр.

Но молодцы Пвента с лету схватывали все новое — насколько это возможно было для дворфов, целые дни занимавшихся тем, что бились головой о металлические двери, — и быстро вычислили нужный угол поворота и длину веревки.

Два оборота, пять оборотов, и берсерк взлетел и врезался в самую гущу сталактитов. Пвент немедленно ухватился за один из них, но каменная сосулька отломилась, и дворф, сжимая ее в объятиях, рухнул на пол.

Он гулко стукнулся о каменный пол, но тут же снова вскочил на ноги.

— Одной преградой меньше! — радостно закричали дворфы, и, прежде чем оглушенный Пвент успел что-либо сказать, его снова раскрутили под радостные возгласы и одобрительные крики.

С таким же болезненным исходом Пвент снова взлетел ввысь, потом в третий раз, потом в четвертый. Последняя попытка себя наконец оправдала, потому что перепуганный дроу высунулся из тьмы, надеясь прорваться дальше на запад.

Лассо взвилось вновь, и эльф спрятался за тонким длинным сталактитом, но его это не спасло. Пвент врезался именно в этот сталактит, обнял его, прихватив при этом и дроу, и оба они вместе с камнем свалились вниз, тяжело шмякнувшись об пол. Темный эльф даже двинуться не успел, как на него навалилась половина дикой бригады и забила до полусмерти.

Еще пять минут им потребовалось на то, чтобы оторвать Пвента, бывшего в полубессознательном состоянии, от его жертвы.

Вскоре все они, включая Пвента, привязав мертвого дроу за руки и ноги к длинному шесту и торжественно неся его перед собой, помчались дальше. Они не успели еще пробежать коридор, как двое дворфов, посланных Пвентом в разведку на запад, закричали: «Дроу!»

В коридор торопливой походкой вошел один-единственный темный эльф, и, прежде чем Пвент успел воскликнуть: «Этого не трогать!» — двое дворфов нагнули головы и кинулись на него.

В мгновение ока дроу отступил влево, потом бросился вправо, сделал полный круг, и оба «веселых мясника» с грохотом врезались в стену. В следующий миг из-за угла показалась огромная черная пантера, и дворфы поняли свою ошибку.

Дзирт уже помогал им подняться на ноги.

— Бегите, — шепнул он. Они затихли в раздумье, а потом услышали глухой шум приближающегося войска.

Неправильно истолковав слова дроу, они широко ухмыльнулись и двинулись дальше на запад, наклонив головы, но Дзирт удержал их.

— Врагов бесчисленное множество, — сказал он, — Сражение — впереди, да такое, что вам и не снилось.

Когда Дзирт, дворфы и пантера поравнялись с Пвентом, гул наступления слышался уже совершенно явственно.

— А ты говорил, что эти чертовы дроу ходят бесшумно, — заметил Пвент, семена за быстро мчавшимся Дзиртом.

— Это не дроу, — ответил Дзирт. — Это кобольды и гоблины.

Пвент резко остановился.

— Мы что, бежим от вонючих кобольдов? — не веря своим ушам, спросил он.

— Там тысячи вонючих кобольдов, — спокойно отозвался Дзирт, — и других тварей, а позади них — тысячи дроу.

— А-а, — протянул берсерк, и пыл его значительно ослаб.

В знакомых туннелях Дзирт и берсерки легко опережали наступавших. Дзирт не придумывал обходных маневров, а бежал строго на восток по туннелям, которые дворфы планировали обрушить.

— Бегите, — велел дроу дворфам, стоявшим у рычагов, которые должны были спустить веревки, поддерживавшие потолок туннеля. Они непонимающе уставились на него.

— Так они же приближаются, — возразил было один дворф, поскольку именно этого события они здесь и дожидались.

— Вы прихватите одних кобольдов, — сказал Дзирт, прекрасно зная, как действуют темные эльфы. — Бегите, посмотрим, может, мы убьем и нескольких дроу.

— Но кто же спустит ловушки?! — воскликнули в один голос дворфы, и Пвент среди них.

Дзирт загадочно улыбнулся, и бородатые человечки, верившие ему на слово, пожали плечами и затопали вслед за громыхающими «веселыми мясниками».

— Куда мы бежим? — спросил Пвент.

— Потерпи еще немного, — отозвался Дзирт. — Отправляйся в пещеру Тунульта, там и будет бой.

— Обещания, одни обещания, — пробубнил себе под нос нетерпеливый берсерк.

Пещера Тунульта, самое большое открытое пространство по эту сторону Мифрил Халла, на деле представляла собой семь пещер, соединенных широкими сводчатыми переходами. Пол был неровным по всей площади: часть пещер находилась выше, часть — ниже, к тому же везде камень под ногами пересекался глубокими разломами.

Здесь ждали Бренор с гвардией и еще почти тысячей лучших бойцов Мифрил Халла. Первоначально пещера Тунульта предназначалась под внешний командный пункт, который планировалось сюда переместить после того, как наступление дроу будет решительно остановлено обвалами.

Дзирт решил изменить этот план. Он торопливо кинулся к Бренору и стал совещаться с ним и Биддерду Гарпеллом, видеть которого здесь он был несказанно рад.

— Они бросили свои посты у ловушек! — закричал король на дроу, когда понял, что туннели позади остались нетронутыми.

— Нет, не так, — уверенно ответил Дзирт. В тот момент, когда он, следуя за взглядом Бренора, посмотрел в сторону восточных туннелей, в пещеру, как бурная река, сносящая плотину, ворвались первые ряды кобольдов. — Просто теперь в них не попадет одно пушечное мясо.

Глава 20

СРАЖЕНИЕ В ПЕЩЕРЕ ТУНУЛЬТА

Сразу образовалась всеобщая давка и замешательство. Все новые и новые силы кобольдов ломались в пещеру. А дворфы перестраивались в тесные ударные группки и мчались им навстречу.

Кэтти-бри вскинула волшебный лук и начала выпускать стрелу за стрелой, целясь в сторону входа. Каждый выстрел сопровождался серебряной молнией, а иногда стрела с треском отскакивала от стены, осыпая камень фонтаном искр. Кобольды пригибались, от одного выстрела нередко падали сразу несколько, но этих тварей было слишком много.

Гвенвивар отпрыгнула в сторону, Дзирт сразу за ней. Десятка два кобольдов как-то прорвались через развернувшиеся у входа бои и теперь ломились к Бренору. Одного настиг выстрел Кэтти-бри; бросившаяся вперед Гвенвивар разогнала остальных, а Дзирт, двигаясь подобно молнии, метнулся в самую гущу, прикончил одного, потом развернулся и нанес удар влево, взмахнув голубым Сверкающим Клинком. Если бы клинок Дзирта был прямым, маленький меч кобольда отбросил бы его, но Дзирт слегка повернул изогнутое лезвие и чуть изменил угол удара. Сверкающий Клинок соскользнул с меча кобольда и вонзился глубоко в грудь несчастного.

Дроу не останавливался. Он снова бросился вправо и упал на одно колено. Сверкающий Клинок с размаху ударился о меч еще одного кобольда, который в свою очередь лязгнул о клинок другого. Дзирт по силам превосходил обоих уродцев, вместе взятых, и у него была более выгодная позиция. Он заставил их высоко поднять мечи, а сам второй саблей полоснул снизу, вспоров брюхо одному и обрубив ноги другому кобольду.

— Этот чертов дроу испортит все развлечение, — пробурчал Бренор, ворвавшийся в самую середину драки.

Несколько кобольдов на некоторое время застыли, глядя, с каким жаром бьются Дзирт, пантера и Кэтти-бри, но теперь дружно бросились бежать.

— Тебе хватит! — крикнул Дзирт Бренору, заметив его сердитое лицо.

Едва он вымолвил это, как между ними чиркнула серебряная стрела. Когда прошла секундная слепота от вспышки, оба повернулись и увидели нескольких обгоревших и убитых последним выстрелом кобольдов.

В следующее мгновение девушка присоединилась к своим друзьям с Хазид'хи в руке, а с ней подоспел и Реджис, сжимая маленькую булаву, которую когда-то давно выковал для него Бренор. Обведя взглядом пещеру, они поняли, почему Кэтти-бри сменила оружие. Кобольды все прибывали, навстречу им из других пещер выскакивали дворфы, и теперь на месте битвы была такая неразбериха и сумятица, что из лука легко можно было попасть в своих.

— Бежим, — лукаво улыбнувшись, сказала Кэтти-бри.

Друзья весело переглянулись. Все вдруг стало как в старые добрые времена.

Гвенвивар рванулась вперед, Бренор изо всех сил старался не отставать от нее. Кэтти-бри и Реджис бежали по сторонам от него, а Дзирт, успевая поворачиваться то туда, то сюда, мчался последним. Казалось, он был сразу в нескольких местах одновременно, двигаясь с невероятной быстротой.

* * *

Биддерду Гарпелл понял, что допустил промашку. Дзирт просил его быть у двери и ждать появления в пещере первых дроу и тогда бросить в туннель огненный шар, чтобы сжечь веревки и обрушить ловушку.

— Это несложно, — заверил маг Дзирта, потому что вспомнил заклинание, при помощи которого он должен был оказаться на месте, а также другое, которое сделало бы его незаметным, покуда не настанет момент для поджога. Поэтому все бросились в бой, уверенные, что веревки будут оборваны, туннели рухнут и наплыв врагов будет приостановлен.

Но дело не заладилось с самого начала. Биддерду уже произносил заклинание, чтобы очутиться у входа в пещеру, даже наметил межуровневый проход, который сразу перенес бы его в нужное место, когда увидел нескольких кобольдов. И они тоже его заметили, что было вполне понятно, поскольку Биддерду не мог видеть в инфракрасном спектре, поэтому пользовался светящимся самоцветом. Кобольды же отнюдь не были тупицами, по крайней мере когда дело доходило до битвы, и сразу поняли, как опасен этот странный человек. Даже самые недалекие из кобольдов понимали, что важно подобраться к чародею и втянуть его в рукопашную. Лучше, если его руки будут заняты оружием, чем какими-нибудь волшебными

штуками, нередко взрывоопасными.

И все же даже тогда Биддерду еще мог избежать нападения и проскочить между уровнями в нужное место.

Целых семь лет, до того как настало Смутное Время, Биддерду, вследствие приема какого-то зелья, был у Гарпеллов на положении домашней собаки. Когда же с волшебством стали твориться непредсказуемые вещи, он опять обрел человеческое обличье, правда на краткое время, но вполне достаточное для того, чтобы собрать необходимые ингредиенты и справиться с последствиями употребления странного зелья. Вскоре после этого Биддерду снова стал ловить блох и махать хвостом, но успел помочь своей семье найти удачное противоядие. Во Дворце Плюща разгорелись жаркие споры, стоит «лечить» Биддерду или нет. Похоже, большинство Гарпеллов привязалось к собаке, тогда как человека Биддерду они любили не так горячо. Биддерду даже заменил Гарклу собаку-поводыря во время длительного путешествия в Мифрил Халл.

Однако потом споры стали бесполезны, поскольку магия вновь стала прежней и заклятие попросту потеряло силу.

А может быть, нет? До этого самого момента, когда он увидел приближающихся кобольдов, у Биддерду не было ни малейших сомнений в том, что он снова стал человеком. Но тут он оскалился и почувствовал, как волосы у него на загривке стали дыбом, а копчик напрягся, — будь у него хвост, он бы его распрямил.

Он начал опускаться на четвереньки и тут только сообразил, что у него руки, а не лапы и при этом нет оружия. Он сплюнул, потому что кобольды были всего в нескольких шагах.

Тогда Биддерду решил прибегнуть к волшебству. Он соединил кончики больших пальцев, а ладони широко раскрыл и начал торопливо произносить заклинание.

Кобольды уже подбежали к нему, окружили, и ближайший из них выхватил меч.

В руках Биддерду вдруг вспыхнул жгучий огонь и полыхнул полукругом.

Несколько нападавших упали замертво, другие остолбенело моргали опаленными веками.

— Ага! — победно выкрикнул Биддерду и щелкнул пальцами.

Но кобольды очнулись и бросились на него, а он не знал никакого короткого заклинания, чтобы остановить их.

* * *

Сперва кобольды и гоблины казались сплошной неорганизованной массой. Но некоторые из них проходили усиленную военную подготовку в туннелях под Домом Облодра. Одна такая группа из пятидесяти существ образовала плотный клин, во главе которого стояли трое, а остальные выстроились позади широким треугольником.

Попав в пещеру, они не стали ввязываться во всеобщую свалку, а направились влево, туда, где виднелся вход в одну из боковых пещер. Дворфы их почти не трогали, поскольку вокруг и так было кем заняться, и кобольды добрались, куда хотели, почти без помех.

Но здесь их встретил небольшой отряд из дюжины дворфов. Бородатые воины с ревом и криками бросились на них, но кобольды даже не дрогнули. Они вклинились почти точно посередине шеренги дворфов и продолжали двигаться ко входу. Парочка кобольдов была убита, один дворф тоже погиб, но маленькие твари мгновенно сплотились снова, и те дворфы, что оказались зажаты между ними и низким сводом стены основной пещеры, очутились в бедственном положении.

По другую сторону клина «свободная» часть дворфского отряда поняла, какую ошибку они допустили, понадеявшись, что легко справятся с кобольдами. Теперь их соплеменники погибли, им ничем не поможешь, потому что проникнуть сквозь плотные ряды кобольдов было невозможно. При этом у кобольдов появилось еще одно преимущество: прижавшись к стене, они оказались прикрыты низко висящими сталактитами.

Но все равно дворфы со всем жаром бросились на них, подстегиваемые криками своих

несчастливых товарищей.

Гвенвивар низко прикинула к земле, чтобы пробраться под нависшими сталактитами. Она на полном ходу вклинулась в кобольдов сзади, отбросила двоих в сторону и пробежала по третьему, глубоко вонзив в него когти, чтобы найти опору для прыжка.

Дзирт мчался сразу за ней. Припав на колено, он почти мгновенно убил двух кобольдов. Рядом с ним бежал Реджис, который и сам-то был не выше кобольда, поэтому дрался с одним из них на равных.

Бренору же, которому требовался простор, чтобы орудовать боевым топором, сражаться здесь было по меньшей мере затруднительно. Еще хуже было высокой Кэтти-бри, не отличавшейся таким проворством, как Дзирт. Встань она на колено, как дроу, ей пришлось бы совсем плохо. Но, стоя во весь рост, она видела только сталактиты, что было не лучше.

Подсказка пришла от Хазид'хи.

Все чувства девушки воспротивились, подсказка противоречила всем правилам боя, усвоенным ею от Бренора, большую часть своей жизни чинившего испорченное оружие. Но Кэтти-бри, почти не размышляя, крепче ухватила рукоять и широко размахнулась своим великолепным мечом.

Гневно полыхающий алым краем Хазид'хи с силой ударился о сталактит. Движение Кэтти-бри замедлилось лишь чуть-чуть, потому что Потрошитель прошел сквозь камень совершенно легко. Когда он начисто срезал сталактит, девушку по инерции занесло в сторону, и в этот момент она могла бы стать легкой добычей для врагов — но кобольдов больше занимало то, что свод вдруг начал рушиться прямо на них.

Одного раздавил упавший сталактит, другой почти сразу же отправился вслед за ним, поскольку Бренор, едва образовалось отверстие, бросился вперед и ударил топором с такой силой, что разрубил беднягу почти пополам.

Дворфы, остававшиеся снаружи, воспрянули духом, увидев такую мощную подмогу, и стали теснить кобольдов с удвоенной силой, обещая своим товарищам скорую выручку и подбадривая их.

Реджис терпеть не мог столкновений, по крайней мере лицом к лицу. Но сейчас и он был нужен. Хафлинг хорошо понимал это и не собирался уваливать. Рядом с ним, стоя на колене, дрался Дзирт; разве мог Реджис, которому для того, чтобы достать макушкой до сталактита, пришлось бы подпрыгнуть, прятаться за его спиной?

Вцепившись обеими ручками в свою булаву, Реджис ринулся в бой. Сразу же ранив в руку одного кобольда, он довольно улыбнулся.

Но хотя первый противник и отпрянул, на его месте тут же возник другой, и его удар мечом пришелся как раз под поднятой рукой Реджиса. Его спасла только отличная кольчуга, — Реджис мельком подумал о том, что надо будет угостить Бастера Брейсера парочкой кружек доброго меда, если ему суждено выбраться живым из этой передраги.

Он замахнулся булавой, и оказалось, что головы кобольдов не настолько прочны, как дворфские кольчуги.

— Молодчина! — крикнул ему Дзирт, которого схватка занимала не настолько, чтобы он не видел, что происходит вокруг.

Реджис хотел улыбнуться, но его личико скривилось от боли в ушибленных ребрах.

Дзирт это заметил, быстро переместился и оказался перед Реджисом, приняв на себя натиск кобольдов, которые спешили заполнить образовавшуюся в их рядах брешь. Дроу начал бешено работать саблями, рубя и полосуюя, иногда цепляясь клинками за низко нависающие сталактиты и выбивая искры, но чаще попадая по кобольдам.

В стороне Бренор и Кэтти-бри трудились в паре: дворф сдерживал наступление, пока девушка продолжала расчищать путь, одну за другой срубая каменные сосульки.

Но, несмотря на все это, дворфам внутри клина приходилось туго. Двое пали, а оставшиеся пятеро были ранены. Но ни один из их товарищей так и не смог прорваться сквозь плотные ряды маленьких тварей.

Никто, кроме Гвенвивар.

Подобно черной стреле, пантера прокладывала себе дорогу, давя кобольдов одного за другим и только фыркая на сыпавшиеся на нее многочисленные удары. По бокам ее струилась кровь, но ничто не могло остановить кошку. Она наконец оказалась рядом с зажатými внутри строя дворфами, и сразу послышались крики воодушевления.

С песней на устах дворфы продолжали биться, и пантера помогала им, так что кобольды не могли больше держаться. Вскоре их строй был смят, дворфский отряд воссоединился, а раненых унесли из пещеры.

Дзирт и Кэтти-бри волновались за Гвенвивар, но тут пантера, рыча, пронеслась мимо них, зовя друзей в другое место, где нужна была помощь, и они перестали тревожиться.

* * *

Биддерду прикрыл глаза, готовясь встретиться с тайнами, завесу над которыми откроет перед ним смерть. По крайней мере он надеялся, что там окажется что-нибудь таинственное.

Где-то рядом он услышал рев, потом скрежет металла. Затем странное хрюканье — и звук шлепнувшегося на пол тела.

«Они дерутся за право прикончить меня», — с тоской подумал маг.

Раздались новые крики — кричали дворфы! — и снова звуки падающих тел.

Биддерду открыл глаза и увидел, что горстка невыразимо грязных и вонючих дворфов скачет и носится вокруг него, решая, куда бы теперь податься, тогда как с кобольдами уже покончено.

Биддерду некоторое время смотрел на тела поверженных кобольдов, которые были не убиты, нет. «Разодраны в клочки», — с ужасом подумал Биддерду, найдя верное слово.

— Тут теперь все чисто, — сказал один из дворфов — кажется, его звали Тибблдорф Пвент или что-то в этом роде (тот, кто носил имя Биддерду, не мог потешаться над чужими именами). — А мы с ребятами пошли!

Биддерду кивнул, но потом понял, что ему не справиться. Он только успел прочитать заклинание, открывавшее межуровневый переход, но, пока он боролся с кобольдами, действие чар закончилось.

— Погодите! — воззвал он к Пвенту, удивив и его, и самого себя неожиданным собачьим подвыванием.

Пвент с интересом поглядел на Гарпелла. Он подошел к нему поближе и склонил набок голову, которую к тому же сильно тянул в сторону тяжелый островерхий шлем.

— Подождите. Прошу вас, не оставляйте меня, славный благородный дворф, — умильно произнес Биддерду, боясь, что снова останется один.

Пвент недоуменно оглянулся, проверяя, к кому это обращается маг. Остальные «веселые мясники» тоже этого не поняли и стояли, тупо глядя на чародея и почесывая головы.

Потом Пвент ткнул коротким грязным пальцем себе в грудь, но по его лицу было заметно, что он вовсе не причисляет себя к «славным» и «благородным».

— Не оставляйте меня, — взмолился Биддерду.

— Но ты же жив, — не понял Пвент. — А убивать здесь больше некого. — И, посчитав разговор оконченным, берсерк повернулся и сделал шаг в сторону.

— Но я всех подве-ооо-л-ууу! — простонал Биддерду, нечаянно взыв в конце фразы.

— «Подвел-ууу»? — переспросил Пвент.

— Мы все об-гав-речены! — трагически лаял маг. — Слишком да-гав-гав-леко!

Тут уж все берсерки сгрудились вокруг Биддерду, заинтересованные странным разговором. Неподалеку оказалось несколько гоблинов, но они не посмели даже приблизиться к этому безумному отряду, вокруг которого пол был покрыт кровавым месивом из растерзанных кобольдов.

— Говори скорее, и по делу! — гаркнул Тибблдорф Пвент на Биддерду, поскольку ему

не терпелось снова вкусить крови.

— Гав-гав-гав!

— И прекрати ты лаять!

Вообще-то бедный маг делал это не нарочно. Оказавшись в столь затруднительном положении, он вдруг вспомнил все свое собачье прошлое и глубоко запрятанные животные инстинкты. Он шумно вздохнул, усиленно внушая себе, что он человек, а не пес.

— Мне нужно попасть к выходу из туннеля, — пояснил он совершенно нормальным голосом. — Дзирт велел мне быть там.

— Меня не волнуют всякие колдовские штучки, — прервал его Пвент и повернулся, чтобы уйти.

— А обрушить эти чертовы туннели вонючим дроу на башку не хочешь? — спросил Биддерду на понятном берсерку языке.

— Это другое дело! — фыркнул Пвент, и весь его отряд дружно закивал. — Сейчас доставим тебя на место!

Биддерду постарался сохранить строгое выражение лица, но мысленно поздравил себя за то, что вовремя сообразил, как сыграть на самой податливой струне души берсерка.

В мгновение ока Биддерду был подхвачен толпой пустившихся бегом «веселых мясников». Чародей думал, что они побегут левее, вдоль северной стены пещеры, где сражение было не столь жарким.

Наивный маг!

Отряд «Веселые мясники» мчался напролом, по кобольдам и гоблинам. По пути они чуть не затоптали двух дворфов, не успевших вовремя отпрыгнуть в сторону. Безумные дворфы врезались в сталагмиты, отскакивали от них и отлетали в сторону. Но едва Биддерду решил выразить свой протест против такого дикого способа перемещения, как увидел, что они уже почти у самого выхода в туннель.

Он секунду раздумывал, что быстрее — открыть межуровневый переход или домчаться до места с группой сумасшедших дворфов. Он даже подумал, не создать ли новое заклинание: «В компании „веселых мясников“», но сразу же позабыл об этом, поскольку у выхода из пещеры выросла пара громадных быкоголовых чудищ, а за ними темный эльф.

— Занять оборону! — завопил Биддерду. — Вы должны задержать их! Занять оборону!

Наивный маг!

Два первых берсерка кинулись головой вперед, прямо в ноги гигантским восьмифутовым минотаврам. Чудища упали как подкошенные, даже не поняв, что это было. Но свалиться беспрепятственно им не дали Пвент и еще один обезумевший дворф, с ревом столкнувшиеся с ними лбами.

Позади этой свалки возникла черная сфера, и дроу пропал из виду.

Биддерду поспешно начал произносить заклинание. Дроу уже здесь! Как Дзирт и предвидел, они шли позади кобальдов. Если сейчас он сможет отправить туда огненный шар и обрушить туннель...

Он с усилием выговаривал слова, сдерживая лай и рык, помимо воли рождавшиеся где-то в глотке. Ему страшно хотелось присоединиться к «веселым мясникам», которые сейчас навалились на минотавров и увлеченно разрывали их в клочки. Ему хотелось присоединиться к пиршеству.

— Пиршеству? — повторил он вслух.

Но Биддерду сразу же взял себя в руки и начал снова, стараясь не думать ни о чем, кроме заклинания. Очевидно услышав ритмичные слова, дроу вышел из мрака со взведенным арбалетом.

Биддерду закрыл глаза и старался проговорить слова заклинания как можно быстрее. Он почувствовал жгучий укол в живот, но так сосредоточился, что не вздрогнул и не запнулся.

Ноги стали ватными; он слышал, как дроу подошел ближе и представил, как он достает сверкающий меч и заносит над его головой...

Но Биддерду не остановился. Он произнес заклинание до конца, и маленький сияющий огненный шарик сорвался с его ладони и полетел во тьму туннеля.

Чародея качало от слабости. Он открыл глаза, но все вокруг казалось ему размытым и нечетким. Потом он упал навзничь.

Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что он должен сильно удариться о камень, но в этот миг разорвался огненный шар.

В следующее мгновение туннель рухнул.

Глава 21

СРАЖАТЬСЯ — ТАК ВМЕСТЕ

Тяжелый груз лежал на плечах Высокоchtимого Хранителя Туннелей, но он не останавливался, а шагал вперед по длинным неровным туннелям. Он принял решение, находясь в ясном сознании, и теперь запретил себе по пути в Мифрил Халл мучиться сомнениями.

Его противники доказывали, что Белваром движет личная привязанность, а не насущные интересы свирфов. Фербл доподлинно узнал, что Дзирту До'Урдону удалось сбежать из Мензоберранзана, и теперь было ясно, что одной из причин похода на Мифрил Халл стал гнев Ллос на отступника.

Неужели Белвар втянет весь Блингденстоун в войну ради одного-единственного дроу?

В конце концов жаркий спор был прекращен, но не Белваром, а Ферблом.

— Выбор перед нами ясен, — заявил Фербл. — Отправляться в путь и попытаться помочь противникам темных эльфов или искать новый дом нужно, поскольку дроу, вне всякого сомнения, вернутся, и, если мы тогда решим воевать, мы окажемся с ними один на один.

Совету и королю Шниктику было невероятно трудно принять решение. Если они вернутся и действительно ввяжутся в войну, могут ли они рассчитывать на поддержку дворфов и людей, народов, которых глубинные гномы совсем не знали?

Белвар считал, что могут. Высокоchtимый Хранитель Туннелей всей душой верил, что Дзирт и те, кто стал его друзьями, их не подведут. А Фербл, знавший внешний мир, как никто другой (хотя, как он сам признавал, поверхность была ему почти неведома), полностью поддержал Белвара, основываясь на том простом соображении, что даже туповатые гоблины с радостью приветствовали бы союзников в войне против темных эльфов.

Поэтому Шниктик и Совет в итоге согласились, но приняли весьма осторожное решение, что было неудивительно для чрезвычайно консервативных свирфов. Белвар может отправляться следом за дроу, а вместе с ним и Фербл, и пусть с ними идут добровольцы из гномов. Шниктик подчеркнул, что они отправляются в разведку, а не на войну. Но потом все изумились тому, сколько набралось добровольцев для этого опасного похода. Их было столько, что Шниктику пришлось отпустить только триста свирфов, чтобы было кому охранять женщин и детей.

Белвар понимал, почему другие свирфы также решились на этот поход, и хорошо знал, почему сам принял такое решение. Если темные эльфы доберутся до поверхности и захватят Мифрил Халл, гномы не смогут вернуться в Блингденстоун. Мензоберранзан никогда не оставлял завоеванные места. Если уж дроу одержат победу, то поработят дворфов и будут разрабатывать их рудники как свои собственные. И тогда гномы будут достойны лишь сожаления, потому что Блингденстоун окажется неподалеку от кратчайшего пути ко вновь завоеванным землям.

Поэтому, несмотря на то что все свирфы, включая Белвара и Фербла, ушли сейчас так далеко, они твердо знали, что идут сражаться за свою родину.

Белвар решил не раздумывать больше над принятым решением и почувствовал, что тяжесть, давившая на его сердце, немного уменьшилась.

Биддерду забросил огненный шар далеко в туннель, но коридоры здесь были очень узки и не могли поглотить всю силу взрыва. Пламя вырвалось из туннеля в пещеру, подобно выдоху разъяренного красного дракона, даже одежда Биддерду занялась. Маг вскрикнул, и одновременно с ним закричали все дворфы и кобольды поблизости, заревели минотавры, ворвавшиеся в пещеру, закричали прятавшиеся за их спинами темные эльфы.

В тот миг, когда разорвался огненный шар, закричали все, но крики оборвались почти сразу же, поскольку сотни тонн скальной породы разом обвалились вниз.

Силовая волна обвала ворвалась в пещеру, и она была столь мощной, что прибила разгоревшийся огонь, в том числе на Биддерду. Его подняло в воздух и швырнуло на тех, кто стоял рядом с ним. Его ослепило, оглушило, засыпало щебнем, но ему невероятно повезло, потому что ни один из оторвавшихся сталактитов или сорвавшихся с места огромных камней не раздавил его.

Пол задрожал, стена пещеры выгнулась, один из боковых гротов обрушился. Когда все стихло, туннель исчез, его попросту не стало, а зал, названный пещерой Тунульта по имени одного из дворфов, значительно уменьшился в размерах.

Биддерду с трудом, качаясь, поднялся с кучи щебня и пыли и стряхнул землю со своего волшебного самоцвета. Свет, который отбрасывал камень, в густой пыли казался совсем бледным. Чародей осмотрел себя и обнаружил, что одежды на нем значительно меньше, чем участков голой кожи. К тому же он весь был покрыт синяками, а рука сильно покраснела, что было заметно даже под слоем пыли; там как раз огонь успел прожечь одежду насквозь.

Из кучи неподалеку торчал длинный острый, слегка покривившийся шип. Биддерду уже собрался оплакивать берсерка, так ему помогшего, но внезапно Пвент вылез из груды пыли и мусора, плюясь мелкими камешками и улыбаясь, как слабоумный.

— Вот это здорово! — восхищенно заорал он. — Сделай-ка так еще разок!

Биддерду открыл рот, чтобы ответить, но потерял сознание, поскольку сонное зелье все же взяло верх над приливом энергии, вызванным внезапным потрясением. Отнулся он оттого, что Пвент, поддерживая его голову, вливал ему в рот какое-то отвратительное варево. Оно хоть и было омерзительным, но действовало исправно, и вскоре всю слабость как рукой сняло.

— «Веселый мясник»! — громовым голосом объявил Пвент и похлопал рукой по фляжке, висевшей у него на широком поясе.

Когда пыль осела, тела начали шевелиться. Отряд «Веселые мясники», оказавшийся крепче камня, не пострадал, и те несколько кобольдов, что чудом выжили, были прикончены, не успев даже пикнуть.

Пещера, в которой один боковой грот рухнул, а противоположная стена прогнулась, просела таким образом, что маленький отряд оказался отрезанным от остальных. Однако ловушкой это нельзя было назвать, поскольку оставался узкий проход влево, в середину пещеры Тунульта. По доносившимся оттуда лязгу металла и воплям дворфов и кобольдов было ясно, что сражение возобновилось.

Тибблдорф Пвент не повел своих подчиненных напрямик туда. Лаз был слишком узкий, а потом сужался еще больше, так что Пвент даже и думать не стал протискиваться через него. К тому же берсерк заметил за плечом Биддерду нечто интересное — глубокую трещину в стене рядом с обрушенным коридором. Подойдя поближе, Пвент почувствовал, что из трещины вырывается свежий воздух, поскольку давление в туннелях уравнивалось после обвала.

Пвент ухнул и со всей силы грохнул по стене чуть ниже трещины. Один камень подался и выпал, а за ним открылся наклонный проход, ведущий в нижние туннели.

— Надо вернуться и доложить королю Бренору, — рассудил Биддерду, — или же протиснуться в туннель, насколько возможно, и кричать, чтобы нас откопали.

Пвент фыркнул:

— Тут нечего будет разведывать, если мы оставим все как есть. Если дроу обнаружат проход, они окажутся здесь быстрее, чем ожидает Бренор. К черту доклады!

Говоря по совести, бешеный дворф с трудом противостоял соблазну немедленно присоединиться к сражению, но его сердце замирало при мысли о том, что в новых туннелях им могут встретиться враги посерьезнее — минотавры и дроу.

— А если мы тут застрянем, — продолжал Пвент, показывая пальцем на узкий проход в пещеру Тунульта, — то эти проклятые дроу пройдут прямо по нашим спинам!

Отряд «Веселые мясники» согласился со своим командиром, а Биддерду покачал головой и полез в лаз. Однако вскоре оправдались его худшие опасения: он не то что не мог попасть туда, где шел бой, но даже не мог перекричать шум битвы и привлечь к себе внимание.

Но тут Биддерду подумал, что можно попробовать применить магию, и полез в свой бездонный карман, где лежал сборник заклинаний. Он вытащил целую пачку смятых страниц, покрытых пятнами и местами подпаленных, так что кое-где букв нельзя было разобрать вовсе. Клей и нитки переплета расползлись, и, когда Биддерду поднял книгу повыше, она просто рассыпалась у него в руках.

Дыхание чародея прервалось, ему показалось, что мир рушится. Он собрал все странички, какие мог, и вылез из прохода. К его удивлению и облегчению, Пвент и его берсерки все еще ждали его.

— Я знал, что ты передумаешь, — заметил берсерк и повел свой отряд плюс незадачливого чародея вперед.

* * *

«Пятьдесят дроу и целое подразделение минотавров», — быстро мелькали пальцы Квентель Бэнр, и по ее резким отрывистым движениям было ясно, что она вне себя.

«Вот дура!» — подумала Мать Бэнр. Она даже засомневалась, не слаба ли дочь для такого похода. Квентель могущественная жрица, этого нельзя отрицать, но старой Бэнр только сейчас пришло в голову, что дочь никогда даже не видела сражения. Дом Бэнр ни с кем не воевал уже несколько веков, к тому же Квентель за свои успехи в Академии была освобождена от обязанности сопровождать патрули в туннели за пределами Мензоберранзана.

Бэнр вдруг с удивлением осознала, что Квентель никогда даже не выбиралась за границы города.

«Прежнего пути в Мифрил Халл больше нет, — продолжала Квентель. — Несколько параллельных проходов тоже разрушены. Хуже другое. — Квентель вдруг остановилась и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Она снова начала с перекошенным от злости лицом: — Многие из погибших были женщины, несколько жриц и одна верховная жрица».

Она по-прежнему казалась слишком возбужденной, ее движения были чересчур нервными. Мать Бэнр не могла поверить: неужели Квентель действительно надеялась, что завоевание Мифрил Халла дастся легко? И никто из дроу не погибнет?

Бэнр задумалась и уже не впервые спросила себя, не ошиблась ли она, взяв Квентель с собой. Может, лучше было взять Триль, она сильнее всех жриц.

Видя, как тяжело сверлит ее глазами мать, Квентель понимала, что та не в духе. Но до нее не сразу дошло, что сама она раздражает ее больше, чем неблагоприятные известия.

— Они продолжают наступление? — осведомилась старуха.

Квентель прокашлялась:

— Бреган Д'эрт открыли много других путей, даже таких, о которых дворфы и сами не знают. Они близко подходят к туннелям, ведущим в Мифрил Халл.

Мать Бэнр прикрыла глаза, довольная, что дочь наконец приободрилась. Такие заброшенные туннели действительно существовали, они проходили под нижними частями

комплекса, и дворфы о них не знали, потому что все время смещали рудные разработки туда, где проходили более крупные жилы, об этих же маленьких переходах со временем забывали. Но старый Гэндалуг знал эти тайные переходы, и благодаря допросам Метила дроу тоже стало о них известно. Эти туннели не были непосредственно связаны с чертогами дворфов, но колдуны могли открыть и такие двери, которых не было, а иллитиды — проникнуть сквозь каменные стены посредством своих телепатических способностей и при этом прихватить с собой солдат.

Бэнр вдруг открыла глаза.

— От Бергиньона что-нибудь слышно?

Квентель покачала головой:

— Он вышел наружу, как ему и было приказано, но с тех пор известий от него нет.

Бэнр сердито нахмурилась. Она знала, Бергиньон открыто выражал недовольство тем, что его отправляют на поверхность. Его назначили командиром самого большого подразделения, насчитывавшего почти тысячу дроу, среди которых было много всадников и раз в пять больше гоблинов и кобольдов. Но, выполняя эти обязанности, он оказывался в горах на поверхности. А Дзирт До'Урден, вероятнее всего, останется внутри, в нижних туннелях, где были наиболее подходящие для темного эльфа условия. И весьма вероятно, что Утегенталь Армго, а вовсе не Бергиньон первым доберется до него.

Тут раздражение на лице старухи сменилось улыбкой: она вспомнила, в каком бешенстве был сын, когда получил это задание. Да уж конечно, он должен был показать свой гнев и негодование. Как он возмущался тем, что Утегенталь, а не он возглавит наступление в туннелях. Но в свое время в Мили-Маггир Бергиньон был одноклассником Дзирта и его основным соперником. Бергиньон, наверное, знал Дзирта лучше, чем любой из ныне живущих в Мензоберранзане дроу. А Мать Бэнр хорошо знала своего сына.

И истина заключалась в том, что Бергиньон совершенно не хотел встречаться с отступником.

— Воспользуйся магией и разыщи брата, — вдруг велела она Квентель. — Если он продолжает упрямиться, заменишь его.

Квентель взглянула на нее широко распахнутыми от ужаса глазами. Она была с Бергиньоном, когда войска выходили из туннелей на уступ, с которого открывался вид на глубокую котловину. Это зрелище совершенно ошеломило ее, она ощутила головокружение, как и многие другие дроу. Здесь она впервые почувствовала себя ничтожной, никому не нужной и незащищенной. Эта пещера, называвшаяся поверхностью, этот гигантский зал с черным сводом, усыпанным блестками странного света, был слишком огромен и подавлял ее.

Похоже, выражение ужаса на лице дочери нисколько не обрадовало старуху.

— Иди! — рявкнула она, и Квентель тихонько скользнула прочь.

Не успела она скрыться, как перед голубым диском Бэнр встала новая докладчица.

Ее сообщение о том, что дроу понемногу продвигаются по тайным туннелям, было лучше, но Бэнр почти не слушала. Ей все эти подробности уже порядком поднадоели. Она знала, что дворфы умеют сражаться. У них было несколько месяцев в запасе, чтобы как следует подготовиться, но Мать Бэнр не сомневалась, что конечный исход все равно будет один. Она верила тому, что пообещала ей сама Ллос. Дроу победят, и Мифрил Халл будет захвачен.

Она все же выслушала сообщение, потом следующее, потом еще одно, потом еще и еще — информация шла нескончаемым потоком, и она старалась казаться заинтересованной.

Глава 22 ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ, ЯРКИЙ СВЕТ

С высоты, усилив свое зрение волшебством, она видела целую армию, растянувшуюся, подобно муравьиной цепочке, по восточному пологому склону горы, заполняя каждую

впадинку и взбираясь на каждый выступ. За ними черными плотными пятнами следовали войска более организованные, отряды воинов-дроу.

Леди Аластриэль никогда не видела более угнетающего зрелища и никогда еще не чувствовала большего трепета, хотя пережила за свою жизнь много опаснейших приключений. Однако она по-прежнему была красива, обладала гладкой нежной кожей, казавшейся почти прозрачной, и длинными серебристыми волосами — седина не тронула их, хотя она и в самом деле долго жила на свете, — они светились, как будто в них запутался тихий свет ночи и яркий блеск звезд. Эта красавица видела много войн, и в глазах ее таилась печаль — и мудрость, научившая Аластриэль презирать войны.

Вдали, за поворотом, на южном склоне горы она могла разглядеть знамена объединенного войска, и ярче всех выделялся среди них серебряный флаг ее рыцарей. Она знала, как горды и нетерпеливы большинство из них, поскольку все они были молоды и еще не изведали горя.

Госпожа Серебристой Луны отмахнулась от посторонних мыслей и сосредоточилась на том, что происходит и какова будет ее роль в грядущем сражении.

Во главе вражеского войска шли кобольды, и она не сомневалась, что великаны варвары и рыцари в доспехах без труда их разгонят.

Но справятся ли они с дроу, спрашивала себя Аластриэль. И она пустила свою летающую колесницу по широкому кругу, наблюдая и выжидая.

* * *

Там, где передовые отряды защитников Мифрил Халла встретились с кобольдами, завязался бой.

Получив сообщения о первом столкновении и услышав звуки битвы, Берктгар готов был дать сигнал своим людям вступить в бой и умереть с гимном Темпосу.

Беснелл, командовавший Рыцарями Серебристой Луны, был более выдержанным бойцом и лучшим стратегом.

— Попридержи пока своих людей, — обратился он к нетерпеливому варвару. — Этой ночью будет такая битва, о какой ни я, ни ты, ни даже твой бог Темпос не могли бы мечтать. Лучше заставить врагов сражаться там, где мы сами выберем.

Он тщательно выбирал поле битвы, споря с Берктгаром и даже с королем Бренором, чтобы склонить их на свою сторону. Войска были разбиты на четыре основные силы и распределены по южному склону Фортпика, горы, под которой находились оба входа в Мифрил Халл. На северо-западе за горой лежала Долина Хранителя — бескрайняя глубокая равнина, покрытая валунами и вечно скрытая пеленой тумана. Там находился тайный западный вход в дворфский комплекс.

На северо-востоке проходила длинная, более часто используемая дорога к восточным воротам Мифрил Халла, пересекавшая множество узких извилистых тропинок и большие каменистые пространства.

Посланцы Бренора хотели разделить войско и послать всадников на защиту Долины Хранителя, а варваров — охранять восточную тропу. Но Беснелл не уступал и склонил Берктгара к своей точке зрения, заявив, что дворфы и сами могут надежно спрятать и в случае необходимости отстоять входы в свой дом.

— Если дроу известно расположение входов, — спорил он, — то именно там они и будут ожидать сопротивления.

В результате остановились на южном склоне Фортпика. Ниже занятых защитниками рубежей проходили многочисленные тропинки, но зато над ними нависли обрывистые скалы, и нападения оттуда можно было не опасаться. Силы защитников распределились в соответствии с рельефом: на узких неровных тропах засели варвары, еще на двух рубежах расположились и варвары, и Рыцари Серебристой Луны, а плато над широким гладким пологим склоном занял отряд Гвардии Несма.

Беснелл и Берктгар наблюдали сейчас за происходящим со второго рубежа. Оба знали, что бой близок; все солдаты притихли, кожей ощущая приближение врага. Вдруг склон внизу озарился вспышками света: это варвары начали бросать пригоршни волшебных камешков, врученных им дворфскими священниками.

Какая свалка началась среди кобольдов! Немногочисленные бывшие с ними друу тоже бросились врассыпную. Те, кто забрался повыше на склон, были смяты вырвавшимися из укрытия варварами, рубившими маленьких чудовищ направо и налево громадными мечами и боевыми топорами или же попросту поднимавшими кобольдов над головами и сбрасывавшими их вниз.

— Надо идти сражаться! — ревел Берктгар, видя, как бьются его люди. Он высоко поднял Баккенфуэре и зычно крикнул: — Слава Темпосу! — И его клич подхватили все варвары.

— Вот тебе и западня, — пробормотал Регволд Гарпелл, восседавший на своем Прыгуне-Через-Лужи. Сделав знак Беснеллу, поскольку пришло время, Регволд слегка натянул узду, и поразительное животное издало какое-то утробное негромкое ржание и одним прыжком перемахнуло расстояние в тридцать футов.

— Погоди, еще рано! — взмолился Беснелл, но Берктгар уже набрал горсть волшебных светящихся камешков. Рыцарь, указывая на войско противника, двигавшееся у подножия горы, втолковывал варвару, что, пока многие отряды взбираются по склону и сражаются с защитниками, удерживающими восточные рубежи, гораздо большие силы неприятелей продолжают идти на запад по нижним тропам. К тому же свет уже не так ослеплял темных эльфов, потому что они затемняли его магическими сферами.

— А чего ждать? — спросил варвар.

Но Беснелл все откладывал выступление.

Один из варваров в стороне вскрикнул от неожиданности, потому что все его тело внезапно оказалось окруженным голубым нежгучим пламенем. Боли он не чувствовал, но был прекрасно виден в ночной темноте. Послышались щелчки многочисленных арбалетов, несчастный варвар снова закричал и упал.

Этого Берктгар уже не мог вынести, он размахнулся и швырнул камешки. То же самое сделали и его подчиненные, и эта часть склона озарилась маленькими вспышками. Воины Сэттлстоуна ринулись вниз, и Беснелл приуныл. Первыми должны были выступить рыцари, но лишь тогда, когда ударная сила неприятеля приблизится.

— Мы тоже должны, — прошептал один из рыцарей за спиной Беснелла, и командир согласно кивнул.

Ему понадобилось одно мгновение, чтобы оценить обстановку. Берктгар с сотней парней уже сражались прямо под ними, и при этом у них не было никакой возможности соединиться с храбрецами, удерживавшими восточный рубеж. Несмотря на гнев на нетерпеливого варвара, Беснелл не мог не залюбоваться им. Одним взмахом гигантского Баккенфуэре он подкинул трех кобольдов, разрубив их в воздухе на части.

— Света мало, — заметил один из рыцарей.

— Вклиниваемся между ними! — громко отдал приказ Беснелл, так чтобы все всадники его услышали. — Мы спустимся наискосок, между ними и нашими, чтобы парни на востоке могли отступить позади нас.

Он не услышал ни единого слова жалобы, хотя такой маневр и был очень опасен. По первоначальному плану Рыцари Серебристой Луны должны были въехать прямо в гущу врагов, здесь и западнее одновременно, тогда как Берктгар у них в тылу соединился бы с варварами первого рубежа и объединенные силы начали бы постепенно смещаться к западу. Берктгар, не утерпев, сделал не так, как было задумано, и остальным это могло дорого обойтись. Но ни один из рыцарей не сказал ни слова.

— Попридержите светящиеся камешки, — приказал Беснелл. — Пусть друу загасят те, что уже брошены. — Он поставил лошадь на дыбы и крикнул: — Во славу Серебристой Луны!

— И за благо всех добрых людей! — дружно подхватили клич всадники.

Грохот копыт потряс склон Фортпика и даже отдался внутри дворфских чертогов. Они мчались вниз, на звук рогов, сотня рыцарей с копьями наперевес, а когда копыта раскалывались от силы удара или застревали в жертве, в ход вступали блестящие мечи.

Статные кони давили кобольдов тяжелыми копытами, и кобольды, гоблины и даже дроу в испуге разбегались врассыпную, потому что подземные захватчики ни разу не видели натиска кавалерии.

За считанные секунды наступление вверх по склону было остановлено и отбито, при этом пало всего несколько защитников. Темные эльфы продолжали гасить светящиеся камешки, а люди Беснелла забрасывали их все новыми и новыми.

Но основное войско темных эльфов продолжало двигаться на запад вдоль подножия горы; судя по звуку рожков, призывам к Темпосу и боевому кличу Широкой Скамьи, а также возобновившемуся грохоту копыт, это лонграйдеры последовали примеру Рыцарей Серебристой Луны.

Наступление с третьей позиции начал Регволд, прорезавший тьму волшебной молнией, которая просто напугала противника.

Как ни странно, дроу в ответ не стали демонстрировать возможности своих колдунов, если не считать темных сфер и голубого пламени, дающего им возможность обозначить врага.

Не вступившие пока в бой варвары этого рубежа поступили так, как предписывал изначальный план: они вписались между лонграйдерами и вторым рубежом, но соединились не с Рыцарями Серебристой Луны, как было задумано, а с Берктгаром и его отрядом.

* * *

Аластриэль, наблюдавшей за побоищем с высоты, понадобились вся ее воля и выдержка, чтобы не вмешаться немедленно. Защитники горы, как и ожидалось, разбили строй кобольдов и гоблинов на группы и сражались с ними, убивая врагов десятками.

Число поверженных могло быть в два раза больше, если бы Аластриэль пустила в ход свои волшебные силы, но госпожа Серебристой Луны достаточно хорошо знала, на что способны дроу, чтобы понимать, что ее первый удар вполне может стать и последним. А сами темные эльфы пока выжидали.

Она что-то шепнула своим волшебным лошадям, и воздушная колесница спустилась ниже. Женщина печально убедилась, что сражение идет так, как она и думала. Высоко на южном склоне с врагами уже разделались, но внизу, там, где не было битвы, темная масса продолжала продвижение на запад.

Аластриэль видела, что дроу очень много как раз там.

Колесница повернула к востоку, звуки боя остались позади, и госпожа Серебристой Луны с некоторым облегчением заметила, что темная колонна врагов тянется не так уж далеко, чуть дальше крайних рубежей.

Но тут она услышала шум другого сражения и, обогнув гору, поняла, откуда он доносился. Противники обнаружили восточный вход в Мифрил Халл, пробились внутрь и теперь бились с дворфами уже внутри!

Из-под низких дверей вырывались молнии и языки пламени, потому что на приступ пошли не ничтожные кобольды или тупые гоблины. Это были темные эльфы, и их было очень много.

Можно было бы спуститься и сокрушить врагов внезапным натиском, но Аластриэль верила в людей Бренора. Они ожидали нападения с поверхности и должны были хорошо подготовиться.

Поэтому колесница поплыла дальше, на север. Аластриэль решила сделать полный круг и пролететь над Долиной Хранителя, где ждала еще одна сотня ее рыцарей.

Но открывшееся зрелище сильно огорчило ее.

Северный склон Фортпика был очень опасен, здесь отвесные голые скалы перемежались глубокими впадинами, и ни один человек не смог бы сюда забраться.

Зато прекрасно чувствовали себя здесь огромные подземные ящеры с липкими лапами.

Бергиньон Бэнр с элитным отрядом Дома Бэнр в четыреста дроу взбирался вверх по склону, направляясь на запад, к Долине Хранителя.

Ждавшие там рыцари выстроены были таким образом, чтобы дать отпор врагам, подошедшим с южного склона. Перейдя в наступление, они откроют фланг, давая возможность Беснеллу, лонграйдерам и воинам Несма и Сэттлстоуна попасть в долину, куда можно было пройти лишь по единственному узкому перевалу.

Но Аластриэль поняла, что всадники на ящерах попадут туда раньше. К тому же они сильно превосходили числом ее рыцарей.

* * *

Восточный рубеж был сдан. Оставшиеся в живых варвары спешили на запад, чтобы в тылу Рыцарей Серебристой Луны соединиться с отрядом Берктгара.

Едва они прошли, Беснелл тоже повернул своих людей на запад, вынуждая Берктгара, чей отряд значительно разросся, включив почти всех жителей Сэттлстоуна, двигаться быстрее.

Командиру рыцарей показалось, что нетерпение Берктгара оказалась не таким уж страшным и перемещение на запад по-прежнему может пройти так, как предполагалось. Он нашел небольшой ровный уступ и оттуда осмотрел окрестности, с горечью отметив, что темная масса внизу миновала уже третий рубеж.

Но тут его глаза расширились, и он закричал, поняв, где именно находятся передние ряды вражеского войска. Гвардейцы Несма не выступили вовремя! Они должны были быстро спуститься вниз по склону и удерживать эти позиции, а они, непонятно почему, промедлили, и теперь неприятель миновал последний, четвертый рубеж.

Только теперь гвардейцы двинулись вниз по гладкому камню южного склона, топча по ходу огромное количество кобольдов.

Но Беснелл понимал, что для их противников даже такие потери — ничто, они вполне могут пожертвовать и бо льшим числом рабов. Но зато теперь план, согласно которому все союзное войско должно было организованно отступать на запад, в Долину Хранителя, даже если для этого потребовалось бы воспользоваться западным входом в Мифрил Халл, оказался невыполнимым. Задумано хорошо — но путь на запад был перекрыт своими же.

Беснеллу оставалось только со страхом ожидать, что будет.

Часть 5

СТАРЫЕ КОРОЛИ И СТАРЫЕ КОРОЛЕВЫ

Их было очень много: восемь тысяч темных эльфов и еще больше рабов, и эта страшная сила наступала на Мифрил Халл. Но войском назвать их было нельзя.

Учитывая численность и силу дроу, слово кажется вполне подходящим, но все же «войско» подразумевает нечто большее, в первую очередь — сплоченность и наличие общей цели. Любой согласится, что дроу — лучшие воины всех Королевств. Они учатся сражаться с юных лет и умеют биться поодиночке и в отрядах. Цель кажется им вполне ясной, когда народ идет на народ, например дроу на дворфов. И все же, несмотря на то что их тактика совершенна, а отряды дисциплинированы, согласие в их рядах непрочное.

Едва ли найдется в войске Ллос хоть один способный отдать свою жизнь за другого, если только он не будет уверен, что такой жертвой обеспечит себе теплое местечко у трона Паучьей Королевы после смерти. Лишь ненормальный темный эльф примет на себя даже незначительный удар, чтобы защитить товарища, да и то скорее всего здесь будет

замешана личная выгода. Дроу провозглашают славу Паучьей Королеве, но на самом деле каждый надеется урвать кусочек славы для себя.

Главной ценностью темных эльфов всегда была собственная выгода.

В этом и заключается разница между защитниками Мифрил Халла и завоевателями. И в ней была наша единственная надежда, когда мы столкнулись с опытными и умелыми врагами, чьи силы во много раз превышали наши собственные.

Если один-единственный дворф станет свидетелем битвы, в которой теснят его товарищей, он с боевым кличем кинется в бой, каковы бы ни были шансы на победу. Зато если бы нам удалось поймать в ловушку нескольких дроу, скажем патрульный отряд, прикрывающие их дроу и не подумали бы прийти на выручку собратьям, если бы не были уверены в победе.

Это у нас, а не у них была действительно общая цель. Мы, а не они понимали, что значит единение, мы сражались за общие высокие принципы и понимали, что любая принесенная нами жертва послужит общему благу.

В Мифрил Халле есть зал — точнее, их несколько — место почитания героев прошлых войн и битв. Здесь хранится молот Вульфгара; раньше здесь был и лук — когда-то он принадлежал эльфу, — который благодаря Кэтти-бри вновь стал разить врагов. Несмотря на то что она пользуется им уже много лет и в ее руках он прославился не меньше, она всегда говорит о нем «лук Анариэль», эльфийской девушки, умершей давным-давно. Если в грядущих веках этот лук достанется какому-нибудь другу клана Боевого Топора, его будут называть «лук Кэтти-бри, унаследованный от Анариэль».

Есть и еще одно помещение, Зал Королей, где стоят каменные изваяния восьми королей рода Боевого Топора, огромные и нерушимые.

У дроу нет таких памятников. Моя мать, Мэлис, никогда не говорила о предыдущей главе Дома До'Урден, возможно, еще и потому, что сама сыграла не последнюю роль в смерти своей матери. В Академии нет ни одной памятной таблички, посвященной ее прежним хозяевам. Вспомнив сейчас об этом, я подумал, что единственными памятниками в Мензоберранзане являются статуи тех, кого покарала Бэнр, или тех, кого наказала Вендес, превратив их в черные изваяния, которые можно было выставить на площадке рядом с Академией в назидание другим.

В этом и заключалась разница между защитниками Мифрил Халла и завоевателями. И в этом была наша единственная надежда.

Дзирт До'Урден

Глава 23 СОПРОТИВЛЕНИЕ

Биддерду никогда не видел ничего подобного. Вокруг застывшего в ужасе Гарпелла ручьями лилась кровь и сыпались куски кобольдов. Отряд «Веселые мясники» впал в боевой экстаз. В небольшой пещерке они наткнулись на кобольдов, которых было в несколько раз больше, чем их. Биддерду готовился предложить отступление (тактично назвав его «обходным маневром», поскольку слово «отступление» Тибблдорфу Пвенту было неизвестно), но берсерк уже ринулся в бой.

Семеро обезумевших дворфов, войдя в раж, кинулись вслед за Пвентом прямо в гущу кобольдов на верную гибель, увлекая за собой беднягу Биддерду. Все превратилось в сплошное безумие, подобного избиения тихий ученый Биддерду, всю жизнь проживший во Дворце Плюща (к тому же довольно долго в качестве собаки), даже вообразить себе не мог.

Пвент пронесся мимо него с мертвым кобольдом, беспомощно болтавшимся на острие его шлема. Широко расставив руки, берсерк вломился в толпу врагов, ухватил сразу нескольких и тесно прижал к себе. Потом он начал так дико трястись, словно с ним

приключились жестокие судороги, и Биддерду даже подумал, не отравился ли он чем.

Но не тут-то было, Пвент намеренно входил в такое состояние. Он тряся, разрывая острыми ребрами панциря кожу своих жертв, раздирая их на клочки. Наконец он отпустил трех кобольдов, бросив их умирать на пол, а сам ударом левой руки всадил шип своей мифриловой рукавицы глубоко в лоб еще одного противника.

Биддерду тогда понял, что этот бросок прямо на врагов не имел ничего общего с безрассудством, «веселые мясники» легко одерживали победу, ошелолив врагов своей необузданной яростью. Но чародей заметил, что кобольды быстро научились не попадать под руку неистовым дворфам. Шестеро проскочили мимо Пвента, сделав приличный полукруг. И решили вшестером накинуться на самого подходящего для них противника.

Биддерду суетливо перебирал свой растрепанный сборник заклинаний и наконец выбрал страничку, на которой еще можно было различить записи. Держа ее в одной руке, а вторую вытянув перед собой, он начал читать заклинание, шевеля пальцами.

Из кончика каждого пальца вырвалась зеленая струя волшебной энергии и безошибочно попала в цель.

Пятеро кобольдов упали замертво; шестой же с визгом бросился на мага, нацелив маленький меч ему в живот.

Перепуганный Гарпелл выпустил пергамент из рук. Он закричал, решив, что пришла его смерть, и, повинаясь инстинкту, упал вперед и придавил собой кобольда. Он почувствовал обжигающую боль под ребром, но меч вошел неглубоко, и удар оказался несилен.

Однако Биддерду, совершенный новичок в сражениях, все равно закричал от ужаса. Да еще боль, такая боль...

Постепенно его крик превратился в вой. Он посмотрел вниз, на извивавшегося под ним кобольда, и совсем близко увидел его глотку.

Вот когда он узнал вкус теплой крови и при этом не испытал отвращения.

Рыча, Биддерду прикрыл глаза и вцепился в противника изо всех сил. Кобольд прекратил дергаться.

Спустя некоторое время Гарпелл заметил, что звуки битвы смолкли. Он медленно приоткрыл глаза, немного повернул голову и увидел Тибблдорфа Пвента, стоящего рядом и одобрительно цокающего языком.

Лишь тогда Биддерду осознал, что убил кобольда, прокусив ему горло.

— Отличный прием, — похвалил Пвент и пошел прочь.

* * *

Отряд «Веселые мясники» с шумом шел напролом, целиком полагаясь на грубый натиск, тогда как сила другого отряда заключалась в умении действовать тихо и сидеть в засаде. Кэтти-бри, Реджис и Бренор неслышно шли из туннеля в туннель, следуя по пятам за дроу и кошкой, как тени. Гвенвивар раньше всех чуяла приближение врага и прижимала уши, а Дзирт знаками предупреждал остальных.

Все пятеро действовали в полном согласии. Они шли так, чтобы сначала Кэтти-бри могла выстрелить, потом в бой бросалась пантера и дроу. Бренор же наступал следом за ними, с громким боевым кличем. Реджис всегда принимал участие в битве, если видел, что кого-то из друзей сильно теснят, стараясь напасть сзади и стукнуть кобольда по голове маленькой булавой.

Они оказались в низком широком коридоре, и Гвенвивар, приблизившись к повороту, припала к земле и прижала уши. Дзирт скользнул под неширокий навес, Реджис за ним, а Бренор встал впереди Кэтти-бри, чтобы она могла прицелиться между рогами его шлема.

Из-за угла показался неприятель — пятеро минотавров и столько же дроу, они быстро мчались по направлению к Мифрил Халлу.

Кэтти-бри решила начать с темных эльфов. Тьму пронзила серебряная молния, и один

из них упал мертвый.

Гвенвивар ринулась вперед, подмяв под себя еще одного, и скатилась с него, стараясь покусать и порвать когтями третьего.

Блеснула еще одна вспышка, и очередной дроу упал.

Но минотавры тоже вступили в бой, и Кэтти-бри не смогла выстрелить в третий раз. Она ухватила за рукоятку меча, а Бренор с ревом бросился на ближайшее к нему чудище.

Минотавр нагнул рогатую голову; Бренор, крепко обхватив рукоять обеими руками, всадил топор ему в загривок.

Минотавр повалился вперед, и оружие вырвалось из рук Бренора. Раздался такой треск, словно упало громадное дерево.

Бренор не успел понять, что его ударило. Он вдруг полетел назад, сбитый с ног шестисотфунтовой тушей.

* * *

Дзирт выскочил из укрытия, кружась, как юла, и нанося удары. Он ранил одного минотавра сбоку, всадив ему саблю глубоко в бедро. Затем дроу мгновенно отскочил, припал на колено, сделал прямой выпад Сверкающим Клинком и поддел загнутым острием голубого лезвия коленную чашечку другого монстра.

Минотавр взревел и то ли бросился, то ли упал на Дзирта, но дроу уже успел вскочить на ноги и отбежать в сторону, так что гигант с размаху хлопнулся на каменный пол.

Дзирт повернулся к Кэтти-бри и Бренору, на которых надвигались два других быкоголовых великана. В мгновение ока он оказался рядом с ними и начал саблями рубить одного из нападавших, нанося удары по ногам чудовища. Ему удалось остановить наступление.

Но последний из минотавров уже приблизился к Кэтти-бри. Его здоровенная дубина, сделанная из ножки твердого гриба, просвистела по воздуху, и Кэтти-бри стремительно пригнулась, взмахнув мечом над головой.

Хазид'хи рассек дубину, и, пока минотавр тупо смотрел на обрубок, Кэтти-бри нанесла второй удар.

Минотавр удивленно уставился на нее. Девушка поверить не могла, что промахнулась.

* * *

Реджис наблюдал за происходящим из укромного уголка, понимая, что участвовать в этой схватке ему не по силам. Однако он был наготове, чтобы помочь, если понадобится. По большей части он не сводил глаз с Дзирта, зачарованный быстротой и точностью его движений. Дзирт всегда действовал быстро, но сейчас Реджис был просто поражен — он даже не замечал, как дроу переступает. Он несколько раз пытался проследить последовательность его движений, но каждый раз его взгляд упирался в пустое место. Дзирт делал выпад саблей в одну сторону, а затем направлял удар в другую быстрее, чем хафлинг мог заметить.

В конце концов Реджис просто тряхнул головой, решив оставить тщетные попытки, и вспомнил о более важных вещах. Он огляделся и заметил последнего дроу, который чуть было не улизнул незамеченным, ухитрившись уйти от пантеры.

* * *

Этот последний дроу, увидев, что грозная лучница теперь перешла к рукопашной, очень обрадовался. Двое его товарищей погибли от стрел, а женщина-дроу корчилась на полу, половину лица ей вырвала пантера. Из пятерых минотавров кто-то пал, кто-то дрался. Четвертый дроу сбежал и скрылся за поворотом туннеля, но пантера бросилась за ним, и

ясно было, что чуть позже или чуть раньше, но она его все равно прикончит.

Но темного эльфа все это не волновало, потому что он видел Дзирта До'Урдена, ненавистного отступника. Дзирт ожесточенно сражался, стараясь добить трех раненных им минотавров, поэтому не смог бы сейчас оказать сопротивление дроу. Если воспользоваться случаем и добраться до него, тогда и ему, и всему его Дому будут обеспечены небывалые почести. Даже если потом друзья Дзирта убьют его, после смерти убивший отступника займет почетное место рядом с троном Паучьей Королевы.

Он заправил в тяжелый, необычный для темного эльфа двуручный арбалет самую мощную стрелу — она должна была загореться и выпустить молнию — и стал целиться.

Однако что-то сбоку с силой ударило по оружию. Дроу механически отпустил спусковой крючок, но стрела, вонзившись в пол, взорвалась прямо у него под ногами. Он мгновенно ослеп, волосы загорелись, а силой взрыва его отбросило в сторону.

Он покатился по полу и как-то умудрился сбросить горящий пивафви. И тут, ослепленный, увидел прямо перед собой лежащую на полу маленькую булаву и потянувшуюся за ней маленькую пухлую ручку. Потом появились босые волосатые ножки — ничего подобного он в жизни не видел — и пошлепали к нему. Дроу хотел что-нибудь сделать, сопротивляться...

Но тут наступила темнота.

* * *

Кэтти-бри вскрикнула и отскочила назад, но минотавр за ней не бросился. Он застыл на месте и лишь изумленно смотрел на нее.

— Я же не промахнулась! — отчаянно воскликнула девушка, словно словами, как заклинанием, можно было изменить очевидное. Но тут, к своему облегчению, она обнаружила, что права.

Левая нога минотавра, отрезанная Хазид'хи, подломилась, и великан рухнул головой вперед. Кровь безудержно хлестала из раны.

Кэтти-бри глянула в сторону и увидела, как Бренор, ворча и кряхтя, выползает из-под убитого им минотавра. Дворф вскочил на ноги, встряхнулся и уныло уставился на свой топор, уперев руки в бока. Оружие глубоко засело в толстом затылке минотавра.

— Ну и как, Девять Проклятых Кругов, мне теперь его достать? — спросил Бренор, глядя на дочь.

Дзирт расправился со своими противниками, Реджис тоже, Гвенвивар показалась из-за поворота, таща в зубах эльфа с переломанной шеей.

— Еще одна наша победа, — заметил Реджис, когда все собрались.

Дзирт согласно кивнул, но, похоже, не очень радовался. Он понимал, что все, что они делают, — царапина для слона. Несмотря на то что развязка схватки, как и еще трех предшествовавших ей, наступила быстро, можно было считать, что друзьям просто невероятно везло. Что было бы, если бы во время боя из-за поворота показался еще один отряд дроу и минотавров или хотя бы кобольдов?

Они одержали быструю победу и не понесли потерь, но нельзя рассчитывать, что так будет продолжаться и дальше.

— Не очень-то ты доволен, — негромко сказала Кэтти-бри, когда они снова тронулись в путь.

— За два часа мы убили десяток дроу, нескольких минотавров и множество кобольдов, — ответил Дзирт.

— А их тысячи, — закончила девушка, понимая, отчего он невесел.

Дзирт промолчал. Единственная надежда и его, и всего Мифрил Халла заключалась в том, что их отряд или подобный ему поразит врага в самое сердце. Темные эльфы были непоследовательны и начисто лишены преданности, поэтому, если бы армии Мифрил Халла удалось уничтожить того, кто направлял дроу в этой войне, можно было бы надеяться на

победу.

Гвенвивар вдруг снова прижала уши и неслышно скользнула во тьму. Друзья, с тоской подумав о новом столкновении, приготовились к бою. Но перед ними появились не дроу, кобольды или минотавры, а отряд из двадцати дворфов. Со времени битвы в пещере Тунульта они тоже уже не раз принимали бой. Многие были ранены совсем недавно, и у каждого на оружии подсыхала вражеская кровь.

— Как у нас дела? — спросил Бренор, выходя вперед.

Дворф, стоявший во главе, ответил:

— В Нижнем Городе идет бой, мой король. Как они туда попали, мы не знаем. Говорят, на верхних уровнях тоже сражаются. Восточный вход взят.

Бренор сразу сник.

— Но мы удерживаем Ущелье Гарумна! — бодрее добавил дворф.

— Откуда вы и куда направляетесь? — спросил Бренор.

— Из последнего помещения стражи, — последовал ответ. — Сделали небольшой крюк, чтобы разыскать тебя, мой король. И мы рады видеть тебя невредимым, потому что в туннелях полно дроуской нечисти. — Он ткнул пальцем в сторону. — Мы ушли недалеко, и путь до последнего помещения стражи все еще свободен...

— Но это ненадолго, — мрачно добавил другой дворф.

— И отсюда до Нижнего Города тоже все чисто, — договорил командир.

Дзирт отвел Бренора в сторону и начал что-то горячо шептать ему. Кэтти-бри, Реджис и дворфы терпеливо ждали.

— ...продолжать поиски, — донеслись до них слова Дзирта.

— Мое место там, где мой народ! — сердито ответил дворф. — А твое — рядом со мной!

Дзирт перебил его какой-то длинной тирадой. До остальных донеслись лишь обрывки фраз «охотиться за головой» и «окружной путь», и они поняли, что Дзирт пытается убедить Бренора отпустить его во внешние нижние туннели.

Кэтти-бри тогда решила, что если Дзирт с Гвенвивар собираются отправиться дальше, то она пойдет с ними, ведь у нее был Кошачий Глаз, подаренный ей Аластриэль, позволявший видеть в темноте. Реджис, расхрабрившись неожиданно для себя, решил сделать то же самое.

Но когда Дзирт с Бренором вернулись вдвоем, все удивились.

— Идите в помещения стражи или в Нижний Город, если нужно, — обратился Бренор к командиру отряда.

— Но, мой король... — пробормотал тот, изумленно раскрыв рот.

— Идите! — рявкнул Бренор.

— И оставить тебя здесь одного? — спросил ошарашенный дворф.

Бренор загадочно улыбнулся, обведя взглядом Дзирта, Кэтти-бри, Реджиса и Гвенвивар.

— Одного? — переспросил он, и дворф, хорошо знавший его доблестных спутников, не стал спорить.

— Возвращайтесь и побеждайте, — сказал Бренор. — А мы с друзьями отправимся на охоту.

И каждый отряд пошел своей дорогой — решительно, но без особенного оптимизма.

Дзирт что-то шепнул пантере, и она снова скользнула вперед. Прежде друзья поджидали врагов, оказывавшихся на их пути, но теперь, получив такие неутешительные известия о Нижнем Городе и восточном входе, Дзирт решил изменить тактику. Они будут принимать бой только в том случае, если его невозможно будет избежать, но намеренно вступать в столкновения не станут. Дзирт хотел найти жриц, руководивших нашествием. Единственной возможностью остановить чудовище было обезглавить его.

Поэтому друзья, как выразился Дзирт, пустились «охотиться за головой».

Реджис, шедший позади всех, несколько раз вздохнул и оглянулся туда, где скрылась

шеренга дворфов.

— И чего я вечно во все ввязываюсь? — тихонько пробормотал он. Но, поглядев в спины своим неутомимым друзьям, решил, что ответ очевиден.

Кэтти-бри слышала его вздохи, поняла, в чем дело, и едва сдержала улыбку.

Глава 24 ОГНЕННАЯ ЯРОСТЬ

С высоты Аластриэль видела, что склон Фортпика переливается огнями, подобными звездам на небе. Защитники Мифрил Халла и нападавшие неутомимо обменивались световыми снарядами и мраком, гасившим свет. Обогнув юго-западные скалы на своей волшебной колеснице, госпожа Серебристой Луны испытала настоящий страх, увидев, что союзное войско вытянулось в виде подковы и почти окружено гоблинами, кобольдами и воинами-дроу.

Однако солдаты союзной армии держались стойко, сражались плечом к плечу, и их ряды не дрогнули. С открытой стороны подковы они могли не опасаться натиска, поскольку там, в самом уязвимом месте, были отвесные голые скалы, а в строю они держались крепко и стояли достаточно тесно, чтобы выдержать самые яростные атаки.

Аластриэль очень надеялась, что они выстоят, но тут толпа гоблинов, возглавляемая здоровенными волосатыми страшилищами, выстроилась ромбом и врезалась в восточный фланг обороны.

Строй дрогнул; Аластриэль едва не послала вниз дождь молний, тем самым чуть не выдав себя.

Но среди всеобщей неразберихи и замешательства раздалась громкая песня, и высоко взметнулся один громадный меч.

Берктгар Смелый, с развевающимися волосами, размахивая Баккенфуэре, вкладывая в пение всю душу, затянул гимн Темпосу. Не трогая гоблинов, он бросился прямо на волосатых великанов, и с каждым взмахом мощного клинка один из них падал наземь. самого вождя Сэттлстоуна ранили, и не раз, но он даже не поморщился и нисколько не замедлил шаг.

Те страшилища, которым удалось ускользнуть от разящего меча разъяренного варвара, бросились бежать. Гоблины, видя ужас своих предводителей, сразу же растеряли весь пыл и обратились в беспорядочное бегство.

Аластриэль подумала, что, если защитники победят, люди сложат много песен о подвиге Берктгара. Но если темные эльфы захватят Мифрил Халл, тогда все героичество защитников канет в забвение, а темное покрывало жестокого ига задавит любые песни. И тогда госпожа Серебристой Луны твердо решила, что не допустит этого. Пусть даже Мифрил Халл падет этой ночью или следующей, война будет продолжаться. Все население Серебристой Луны выступит против дроу, а сама она отправится на восток, в Сандабар, в цитадель Адбара, к королю Харброму и его дворфам, и в Глубоководье, на Побережье Мечей, и соберет силы, достаточные для того, чтобы вытеснить дроу обратно в Мензоберранзан!

Но пока война не проиграна, и она смотрела вниз, где сражались и погибали, но непоколебимо стояли защитники.

А потом произошло то страшное, чего она ожидала и боялась с самого начала, — вмешались колдуны, в ход пошли огненные шары, молнии, разрушительные взрывы и волшебная энергия, пожиравшая живых.

Атака была направлена на юго-западный рог подковы, гibli и люди и кони, ряды гвардейцев Несма разъединились. Погибло и много кобольдов, но злобным чародеям на них было наплевать.

Аластриэль наблюдала, слышала отчаянные крики людей и животных, видела, как от жара обуглилась скала, и по ее лицу потекли слезы. Она корила себя, что не смогла

предвидеть эту войну, что недооценила силу дроу, что не отправила на подмогу все свое войско, и не только воинов, но еще жрецов и чародеев в придачу.

Это жестокое истребление длилось несколько секунд, показавшихся ошалевшим от ужаса солдатам долгими часами. Крики и взрывы не смолкали.

Аластриэль справилась с собой и стала высматривать, где таятся колдуны. Увидев же, она поняла, что маги-дроу, не знакомые с поверхностным миром, допустили роковую ошибку.

Они засели в небольшой густой рощице, спрятавшись под кронами деревьев, и оттуда метали смертельные молнии.

На лице Аластриэль появилась мстительная улыбка, она круто развернула колесницу и понеслась вниз, как стрела, нацеленная в самое сердце врага.

Не стоило дроу прятаться среди деревьев.

Пролетев над северным краем поля боя, Аластриэль громко отдала приказ, и ее колесница и упряжка волшебных коней, созданных ее волей, занялись ярким пламенем.

Она слышала испуганные крики снизу и торжествующие возгласы Рыцарей Серебристой Луны, узнавших колесницу своей госпожи.

Она метнулась вниз, а вперед выбросила огромный огненный шар, который разорвался в самой середине чащи. Аластриэль правила к границе рощицы, потом повернула и помчалась вдоль границы деревьев, поджигая ветви.

Как же ошиблись дроу!

Она знала, что маги наверняка приготовили заклинания, способные отразить любую магическую атаку, и вполне могли бы справиться с волшебным огнем, но они не знали, как легко воспламеняется дерево. Пусть даже они не погибнут в огне, но пламя ослепит их, и они на некоторое время выйдут из строя.

А ведь после дождей и заморозков густые кроны не успели просохнуть, и в воздух поднялись плотные клубы черного дыма. Еще хуже стало, когда маги применили водяные заклинания, как делали всегда, если имели дело с огнем. Они обрушили столько воды, что давно погасили бы пламя, но Аластриэль не останавливалась ни на секунду. Она носилась вокруг рощи, иногда даже вклинивалась в чащу деревьев, если видела просвет, а загасить пламя ее волшебной колесницы не мог бы даже океан влаги. Она неумоимо поджигала ветви, а из-за воды к дыму прибавился еще и пар, и воздух стал таким плотным, что дроу не могли дышать и ничего не видели.

Аластриэль полностью полагалась на своих коней, ведь они были продолжением ее самой. Поэтому колесница мчалась сама, а она наблюдала, готовая применить свои чары, зная, что противники не смогут долго оставаться в роще. Как она и думала, над деревьями показался дроу, который прибежал к левитации, чтобы вырваться из этого кошмара. Сейчас он пытался разглядеть, что творится вокруг.

Удар молнии Аластриэль поразил его в затылок, и маг, завертевшись волчком, повис вниз головой, уже мертвый. Так он висел, пока действие заклинания не кончилось, а потом упал в гущу рощи.

Аластриэль убила колдуна, но перед ее колесницей вдруг разросся огненный шар, и она влетела в него на полном скаку. Собственное пламя не жгло ее, но против чужого огня госпожа Серебристой Луны была беззащитна. Ее волосы вспыхнули, она закричала от боли.

* * *

Беснелл и его солдаты видели со склона, что случилось с Аластриэль. В глазах эльфа появился стальной блеск; его солдаты закричали в негодовании. До этого момента они сражались бесстрашно, теперь же совершенно рассвирепели, и дравшиеся с ними бок о бок люди Берктгара последовали их примеру.

Гоблины и кобольды, чудища и орки, даже гигантские минотавры и тренированные солдаты-дроу падали один за другим.

Но казалось, все было тщетно. Место погибшего врага занимали сразу двое. Варвары и всадники, поднажав, могли бы прорваться сквозь ряды врагов, но все было бессмысленно, потому что путь в долину все равно был перекрыт.

Но западнее, где так же сильно теснили лонграйдеров, Регволд придумал выход. Он пришпорил Прыгуна-Через-Лужи, нашел свободное от неприятелей место и послал мысленное сообщение Беснеллу.

«На запад!» — внушил чародей предводителю рыцарей.

Затем Регволд сам встал во главе отряда и повернул своих воинов и находившихся рядом варваров к западу, к Долине Хранителя, как и предусматривалось первоначальным планом. Колдуны дроу на короткое время были обезврежены, и другой возможности защитникам не представилось бы.

Тьму прорезала молния. За ней появился огненный шар, а следом помчался Регволд, заставляя Прыгуна-Через-Лужи перемахивать через ряды противников и осыпая врагов дождем магических разрядов.

В рядах неприятеля наступило замешательство, и этого было достаточно, чтобы лонграйдеры, всю жизнь воевавшие вместе с Гарпеллами, поняли, что нужно делать, и протиснулись между врагами, создав большую брешь в их рядах.

За ними последовали воины Сэттлстоуна и оставшиеся в живых гвардейцы Несма. Следом ринулись остальные варвары и Рыцари Серебристой Луны, а Берктгар прикрывал их уход, практически в одиночку удерживая врагов.

Защитники быстро проскользнули сквозь строй неприятеля, но путь им преградили дроу.

Регволд, не останавливаясь, неся вперед на Прыгуне-Через-Лужи и продолжал осыпать врагов волшебными снарядами, понимая, что сейчас умрет.

Он действительно не миновал бы смерти, если бы Аластриэль, вынужденная бежать обратно в горы, не пустила свою колесницу прямо вдоль рядов темных эльфов, опустившись так низко, что те, кто не успел разбежаться, были растоптаны либо обожжены.

Беснелл со своими всадниками, с криками во славу Аластриэль и призывами сражаться за благо всех добрых людей, обогнул бегущую толпу, вызвав еще большее замешательство как раз там, где проносилась полыхающая колесница.

В этом недолгом адском столкновении погибло много людей и много дроу, но зато защитникам удалось прорваться на запад, к Долине Хранителя, прежде чем враг смог им помешать.

Снова оказавшись наверху, Аластриэль едва дышала от изнеможения. Уже много лет ей не приходилось с такой интенсивностью использовать волшебные силы, к тому же с того времени, как она стала править в Серебристой Луне, ей не доводилось самой участвовать в сражениях. Она устала, получила ожоги, пролетая над строем дроу, была ранена мечами и стрелами. Она знала, как отнесутся к ее поступку приближенные и городской Совет, когда она вернется в Серебристую Луну, знала, что и они, и правители других городов сочтут ее поведение не только безрассудным, но и глупым. Они скажут: Мифрил Халл слишком незначительное Королевство, чтобы ради него стоило рисковать своей жизнью. Подвергать себя опасности в столкновении с таким сильным врагом просто неразумно.

Так они скажут ей, но Аластриэль думала иначе. Она считала, что Серебристая Луна обладает своими правами и свободами не только потому, что это большой и сильный город. Такие же права и свободы должны быть применимы в равной степени и к Серебристой Луне, и к Глубоководью, и к самому крошечному из Королевств, если же нет, то все эти ценности ничего не значат.

Она приказала пламени утихнуть и направила колесницу высоко в небо. Если не скрыться сейчас, то может последовать магическое нападение такой силы, что она скорее всего не выдержит. Аластриэль чуть не погибла, раны ее кровоточили, но она улыбалась. Даже если бы госпожа Серебристой Луны знала, что погибнет этой ночью, она была бы довольна, потому что поступила по велению сердца. Она сражалась во имя того, что значило

больше, чем ее собственная жизнь: за вечные ценности и справедливость.

Аластриэль удовлетворенно наблюдала, как войско, возглавляемое Беснеллом и ее рыцарями, прорвало окружение и направилось к Долине Хранителя, потом поднялась еще выше в холодное небо и полетела на запад.

Враги не отступят, уже сейчас их новые силы наступали с севера. Битва только началась.

* * *

Никогда Нижний Город, где нередко одновременно увлеченно трудились две тысячи дворфов, не знал такой жестокой битвы. Даже во время правления деда Бренора, когда на Мифрил Халл напал дракон Мерцающий Мрак с целой ордой злобных серых дворфов-дергаров.

Из нижних туннелей и даже из-под каменного пола, пробитого иллидами, вливались волны гоблинов и минотавров, кобольдов и других тварей, которых дворфы даже не знали. А еще были дроу, множество дроу на каждом шагу, в неярком свете чуть горящих топок казавшиеся танцующими тенями.

Однако главные туннели, ведущие в нижние уровни, пока не были захвачены, и основные вражеские силы все еще оставались за пределами самого Мифрил Халла. Но теперь темные эльфы, ворвавшиеся в Нижний Город, хотели это исправить и соединиться с войском Утегенталя и Матери Бэнр.

А дворфы были полны решимости не допустить воссоединения вражеских сил, понимая, что тогда Мифрил Халл уже ничто не спасет.

Внизу свистели зеленые, красные и черные огненные снаряды дроу, а сверху на них отвечали Гаркл и Белла дон Дель Рой.

Нижние ярусы постепенно затягивал волшебный мрак — дроу пытались создать себе более привычные условия.

В ответ Стампет Скребущий Коготь и ее подчиненные засыпали пол градом световой дробы, снова ярко осветив нижний уровень. Они проговаривали одно заклятие за другим, стараясь не оставить ни одного затененного уголка. Дворфы с равным успехом могли сражаться в темноте и при свете, дроу же и другим обитателям Подземья яркий свет резал глаза.

Два десятка дворфов выстроились в боевой порядок и преследовали целую толпу обратившихся в бегство гоблинов. Они грохотали сапогами так, будто катилось гигантское колесо, и сметали со своего пути любых чудовищ.

Несколько темных эльфов одновременно выпустили в них стрелы из маленьких самострелов, но дворфы, принявшие большое количество противоядия, просто не замечали их жалящих уколов, и сонная отравка на них не действовала.

Видя, что их нападение не возымело действия, дроу рассыпались, а дворфы бросились навстречу следующему препятствию, двум странным созданиям, с какими бородатому народцу никогда не приходилось сталкиваться. Это были уроды со склизкими головами, щупальцами на месте рта и белыми глазами без зрачков.

Натиск воинов Бренора, казалось, ничто не могло остановить, но, когда иллиды повернулись к ним и обратили против них свою мысленную мощь, строй смешался и дворфы стали бесцельно топтаться на месте.

— Ага, вот они! — закричал Гаркл с третьего яруса, находившегося в шестидесяти футах над полом.

Белла дон Дель Рой, впервые видевшая прорицателей сознания, скривилась от отвращения. Они с Гарклом ожидали их появления, потому что Дзирт рассказывал им о любимце Матери Бэнр. Несмотря на омерзение, Белла, как и все Гарпеллы, была любопытна и не испугалась. Но она не ожидала, что прорицатели сознания окажутся настолько отвратительны!

— Ты уверен в успехе? — обратилась она к Гарклу, который изобрел способ борьбы с иллиотидами. Разговаривая с Гарклом, она не сводила взгляда с уродов, а в ее здоровом глазу светилась искренняя надежда.

— Неужели я стал бы возиться с этой тучей заклинаний, если бы предполагал другой исход? — ответил Гаркл, обиженный ее вопросом.

— Да уж вряд ли, — согласилась Белла. — Ну что ж, неплохо бы помочь этим дворфам.

— Это точно.

Дочь Дель Роя быстро проговорила заклинание, и перед ними возник мерцающий голубой портал.

— После тебя, — вежливо обратилась Белла к Гарклу.

— Ах нет, я склоняю голову перед красотой, — ответил Гаркл и жестом предложил ей идти первой.

— Не тратьте время на церемонии! — выкрикнул кто-то за их спинами, и сильные руки впихнули обоих внутрь. За ними вскочил и сам чистюля Фред.

Выход обрисовался на нижнем уровне как раз между иллиотидами и ошеломленными дворфами. Фред бросился в сторону, стараясь увести беззащитных дворфов, а Белла и Гаркл, взяв себя в руки, встали лицом к лицу с уродами.

— Я понимаю, почему вы такие сердитые, — начал Гаркл, и сразу же он и его спутница ощутили накатившую на них волну психической энергии, отчего закололо грудь, плечи и голову. — Если бы я был таким же страшным, как вы... — продолжал Гаркл, но вместо ответа последовала другая волна, — я бы тоже стал мерзавцем! — закончил Гаркл, и после нового психического удара иллиотиды подошли к ним вплотную.

Белла пронзительно вскрикнула, а Гаркл чуть не упал в обморок, когда гадкие щупальца пробежались по его щекам и подбородку. Одно из них подобралось к носу, чтобы проникнуть в мозг.

— Ты правда уверен в этом способе? — выкрикнула Белла.

Но Гаркл, поглощенный заклинанием, не слышал ее. Он не сопротивлялся иллиотиду, чтобы тот тормозил его несильно. Ему и так трудно было сосредоточиться, когда противные щупальца, извиваясь, лезли прямо ему под кожу!

Наконец змеистые отростки добрались до цели.

И на обычно бесстрастных лицах обеих тварей появилось выражение отвращения.

Гаркл медленно поднял руки, соединив большие пальцы и опустив ладони с растопыренными пальцами. Из его рук вырвалось пламя, обожгло растерявшегося иллиотида и подожгло его пышное одеяние. Он попытался убежать и стал поспешно высвобождать щупальца, отчего кожа на лице Гаркла странно вздулась.

Но Гаркл уже был занят новым волшебством. Он вытащил из карманов стрелу, растертый в порошок лист и какую-то длинную склизкую гадость — змеиные кишки. Он сложил их вместе и произнес главное слово заклинания.

В тот же миг из его ладоней вылетел какой-то снаряд, пролетел вперед и прилип к животу горящего иллиотида.

Чудище булькнуло нечто нечленораздельное и наконец оставило Гаркла в покое, схватившись за рану. Хоть его одежда местами и горела, боль от нового удара была еще сильнее.

Волшебный снаряд впрыснул в иллиотида кислоту.

Урод упал, не выпуская из ручонки сочившийся влагой снаряд. Он явно недооценил врага и поспешил мысленно сообщить это своему спутнику, который и так это уже понял, а также Метилу, засевшему где-то в пещере вместе с Матерью Бэнр.

Белла не могла сосредоточиться. Несмотря на то что заклинание изменения формы сработало великолепно и ее разум был спрятан так, что иллиотид бы до него в жизни не добрался, она не могла собраться просто потому, что противные щупальца извивались у нее на голове. Она проклинала себя и повторяла, что дочь Дель Роя должна уметь держать себя в руках.

Послышался грохот, Белла открыла глаза и увидела, что Фред толкает тачку, направляя ее к иллитиду, а за ним бегут дроу. Маленький дворф решительно вскочил на тачку и выхватил крошечный серебряный молот.

— А ну отпусти ее! — выкрикнул Фред и с размаху опустил оружие. К его ужасу, молот глубоко погрузился в мягкую, похожую на гнилую луковицу голову противника, и наружу хлынуло месиво из мозгов и сукровицы, окатив всего дворфа и покрыв отвратительными пятнами его белую одежду.

Фред знал, что дроу буквально наступают ему на пятки; он собирался нанести единственный удар иллитиду, а потом защищаться против темных эльфов. Теперь же все намерения были позабыты при виде этого гадкого месива. Грязь было единственным, что могло ввести опрятного дворфа в раж.

Нет на свете дятла, который с такой же скоростью стучал бы по стволам деревьев, как Фред работал своим молотом. Он колотил им так быстро, что видно было только серебристое мерцание. С каждым ударом брызги мозгов иллитида летели во все стороны, еще больше распаляя Фреда.

Однако все это могло закончиться гибелью дворфа и его товарищей, если бы Гаркл вовремя не применил магию. Он высоко подкинул кусок сала и проговорил новое заклинание.

Пол перед темными эльфами мигом стал жирным и скользким, и все они попадали.

Раненый иллитид, с бесформенной разбитой головой, свалился к ногам Беллы, потянув ее за собой щупальцами. Она стала отчаянно отрывать их от себя, высвободилась, выпрямилась и содрогнулась от отвращения.

— Я же тебе говорил, что так и надо бороться с прорицателями сознания! — радостно заявил Гаркл, поскольку весь план целиком и полностью принадлежал ему.

— Замолкни! — велела Белла, чувствуя, что ее мутит. Она огляделась и увидела, что враги приближаются к ним со всех сторон. — И вытащи нас отсюда!

Гаркл недоумевающе и с некоторой обидой посмотрел на нее. В конце концов, ведь все получилось!

Но в следующую секунду он не на шутку испугался, поскольку сообразил, что забыл одну мелочь — не приготовил заклинания, чтобы вернуться на верхние ярусы.

— Гм-гм, — замялся он, не зная, как сказать об этом Белле.

Но тут, к их облегчению, подоспели Фред и дворфы, снова выстроившиеся в боевой порядок.

— Мы вас отведем наверх, — пообещал командир отряда, и они помчались вперед, сминая все на своем пути.

Разрушительная сила их продвижения стала еще больше, поскольку Гаркл и Белла тоже приняли участие во всеобщем веселье и время от времени посылали во врага молнии и огненные струи.

И все-таки Белле было не по себе, ей хотелось поскорее со всем покончить и восстановить привычную анатомию. Гаркл дотошно изучил иллитидов и теперь знал о них, пожалуй, больше всех чародеев в Королевствах. Он уверял, что сгустки мысленной энергии, которой они лишали свои жертвы воли, были конеческими, поэтому, если стоять близко от свежевателей разума, волной будет захвачена только верхняя половина тела.

Поэтому они предприняли физическое превращение, при котором внешне ни Гаркл, ни Белла не изменились, заменив лишь кое-что внутри: они поменяли местами мозг и часть тела пониже спины.

Несясь вперед вместе с дворфами, Гаркл улыбался собственной находчивости. Подобное превращение требовало тонкого искусства и тщательной подготовки. Но, вспоминая выражение мерзкого лица иллитида, когда тот добрался до его «мозга», Гарпелл был уверен, что игра стоила свеч!

Грохот рушащихся мостов на подступах к Ущелью Гарумна был слышен не только в нижних туннелях Мифрил Халла, но даже и на верхних уровнях Подземья. Сколько же придется трудиться подданным Бренора, если они захотят когда-нибудь снова открыть восточный вход!

Зато наступление дроу было остановлено. Теперь генерал Дагнабит и его отряды могли оставить свои позиции.

Но куда им идти, думал суровый, закаленный в сражениях дворф. Ему доложили, что Нижний Город атакован, но он также понимал, что западный вход, у Долины Хранителя, укреплен слабо. Там было всего несколько сотен дворфов, охранявших множество туннелей, к тому же там не были предусмотрены такие сокрушительные меры, как у восточного входа. Туннели на западе нельзя было обрушить — на подготовку не хватило времени.

Дагнабит осмотрел тысячу своих солдат, многие из которых были ранены, но рвались в бой, готовые до конца защищать свою родину.

— В Нижний Город! — скомандовал генерал после секундного раздумья.

Если даже западный вход будет взят, захватчикам придется отыскивать правильную дорогу вглубь, а это было нелегко, поскольку множество извилистых коридоров разбегались в разных направлениях. Но раз бои уже переместились в Нижний Город, значит, там Дагнабиту и следует быть.

Чтобы добраться туда даже бегом, дворфам потребовалось бы около получаса. Но все было заранее предусмотрено, и Дагнабит с подчиненными бросился к условленному месту, где в каменных стенах были прорублены новые двери, соединявшие коридор с дымоходами больших топок. Открыв дверцы, дворфы явственно услышали шум сражения, поэтому немедленно схватились за толстые канаты.

Они бесстрашно съезжали вниз, распевая гимны Кланггедону. Они с размаху приземлялись, выскакивали из теплых топок в самую гущу боя, и казалось, им нет конца, как и дроу, все прибывавшим из нижних туннелей.

Битва в Нижнем Городе становилась все ожесточенней.

Глава 25

ДОЛИНА ХРАНИТЕЛЯ

Войско Бергиньона шло в Долину Хранителя. Подземные ящеры проходили даже там, где ногу поставить было негде. Всадники лавиной спускались по северному склону в туманную долину — зловещие тени меж высоких скал.

Здесь было теплее, чем на открытом склоне, но дроу чувствовали себя неудобно. В Подземье не было ничего похожего на эти пейзажи, никаких долин, а единственным туманом, который они знали, были ядовитые испарения невидимых подземных вулканов. Однако донесения разведчиков говорили, что опасности здесь нет, поэтому всадники Дома Бэнр спускались в долину, не смея жаловаться, ибо боялись своей крутой на расправу повелительницы больше, чем всех ядовитых паров, вместе взятых.

Вступив в долину, они слышали звуки битвы, доносившиеся с южного склона. Бергиньон, прислушавшись, удовлетворенно кивнул: сражение приближалось к долине, как они и ожидали. Враг, вне всякого сомнения, отступал, его гнали сюда, как глупое стадо, чтобы здесь уже устроить поголовное истребление.

Бесшумными тенями солдаты Бергиньона скользили под покровом тумана, стараясь слиться с рельефом и найти наилучшие места для засады.

Ночное небо прорезал столб огня и отразился в долине. Бергиньон, как и остальные, наблюдал за ним, не понимая, что это такое.

А это Аластриэль нанесла последний удар, пронесшись над строем неприятеля и осыпав солдат зеленоватыми сполохами огненной энергии и дождем взрывчатых шариков, расплавлявших камни.

Не растерявшись, темные эльфы выпустили в колесницу, когда она пронеслась над северной окраиной долины, тучи заговоренных стрел.

Колесница вспыхнула еще ярче, врезавшись в огненный шар, и метнулась в сторону.

Нападение Аластриэль стоило жизни многим темным эльфам, а также их ящерам, важнее всего было то, что ей удалось отвлечь врагов. Пока все они стояли задрав головы к небу, второй батальон Рыцарей Серебристой Луны помчался навстречу своим товарищам, гулко стуча копытами по камням.

С копьями наперевес рыцари вломились в первые ряды всадников Бэнр, давя их высокими конями.

Но они столкнулись с элитным подразделением войск темных эльфов, в состав которого входили лучшие маги и воины, не ведавшие страха. К тому же дроу превосходили всадников числом в соотношении три к одному. Но будь даже силы равны, рыцари все равно были бы обречены.

Бергиньон знаками передал приказ по рядам. Несмотря на неожиданный огонь с неба и внезапное появление нового подразделения всадников, о котором дроу не подозревали, они не растерялись.

Дроу быстро развернулись, и рыцарям пришлось отступить и перестроиться. Темные эльфы не перебили их сразу же только из-за тумана и незнакомого ландшафта. Рыцари могли какое-то время оказывать сопротивление лишь потому, что превосходящие силы противника не видели их всех.

В тылу своего войска Бергиньон заметил одинокую фигуру рыцаря, отбившегося от своих, растерявшегося и направившего коня к северу, тем самым уходя еще дальше от товарищей.

Бэнр подал сигнал своей личной гвардии следовать за ним, но не мешать, и бросился в погоню, пустив громадного ящера наперерез. Он различал в тумане смутную фигуру — высокий всадник на статном жеребце показался Бергиньону каким-то необыкновенным существом.

Однако это не остановило оружейника Первого Дома. Он обогнул каменный столб, выскочил сбоку от всадника и окликнул его.

Конь споткнулся и остановился, и рыцарь развернул его навстречу Бергиньону. Он сказал что-то, чего дроу, конечно же, не понял, — видимо, бросил вызов, потому что сразу приготовил копье и прищепил лошадь.

Бергиньон тоже взял копье наперевес и пустил ящера вперед, ударив его пятками по бокам. Конечно, ящер не мог сравниться в скорости с конем, зато был проворнее. Когда они почти съехались, Бергиньон резко взял в сторону и пустил ящера вверх по скалистому выступу.

Пораженный, рыцарь не успел нанести удар копьем, зато Бергиньону удалось, когда лошадь и всадник пронеслись мимо, ранить животное в бок. Удар был не силен, просто царапина. Но копье оружейника не было обычным оружием. Десятиметровое древко с наконечником, принадлежавшее Бергиньону, считалось одним из самых страшных военных орудий дроу. Едва острие копья соприкоснулось с кожей коня, пронзив надетые на него металлические доспехи с такой легкостью, словно это была бумага, по всей длине древка зазмеились черные бесплотные щупальца.

Лошадь жалобно заржала, стала брыкаться и биться и остановилась. Всаднику чудом удалось удержаться в седле.

— Давай же! — кричал он дрожавшему животному, не понимая, что происходит. — Давай!

Но тут рыцарю вдруг показалось, что конь под ним стал менее плотным, ему почудилось, что он касается голеними его ребер.

Конь снова закинул назад голову и заржал, но это был какой-то странный звук, не крик живого существа. Заглянув в глаза зверю, всадник весь побелел, потому что увидел злобные горящие красные огни.

Смертоносное копьё высосало из животного жизненную силу, и гордый красавец жеребец превратился благодаря страшному заклятию в костлявый скелет, злобную нежить. Быстро сообразив, что делать, рыцарь бросил копьё, выхватил длинный меч и одним ударом снес твари голову. Конь упал под ним, он откатился в сторону, вскочил и начал растерянно оглядываться.

Он видел, что его окружают едва различимые темные силуэты; слышал шипение ящеров и характерные шлепки, когда они отрывали липкие лапы от камней.

Бергиньон Бэнр, не торопясь, приближался к рыцарю. Он тоже отложил копьё. Легким поворотом запястья освободившись от ремней, удерживавших его в седле, он соскользнул с ящера, намереваясь в поединке проверить, на что способны жители поверхности, и показать своим солдатам, что может их командир.

Он выхватил два первоклассных, необыкновенно острых волшебных меча.

Рыцарь, хоть и был на целый фут выше своего противника, знал о дурной славе темных эльфов и дрогнул. Однако он усилием воли подавил страх и встретил врага лицом к лицу.

Рыцарь был хорошим воином, всю свою сознательную жизнь он провел в усиленных занятиях военным искусством, но, даже если бы он тренировался до самой смерти, все равно вышло бы, что Бергиньон провел с мечом в руках на несколько десятилетий больше.

Рыцарь был хорошим воином. Он продержался почти пять минут.

* * *

Прохладный влажный воздух освежил Аластриэль и вернул ее в сознание. Она приподнялась, чтобы выправить колесницу, и сразу почувствовала острую боль в боку.

Она пострадала и от оружия, и от магии, ее разорванная обгорелая одежда вся пропиталась кровью.

Что сказал бы весь мир, если бы она, госпожа Серебристой Луны, умерла здесь? По мнению высокомерных владык других городов, эта война была незначительной, столкновением, которое не должно было иметь особого влияния на судьбы мира, столкновением, в котором правительнице Серебристой Луны не подобало участвовать.

Аластриэль откинула назад длинные серебристые волосы, тоже запачканные кровью. Вспоминая, какие споры ей пришлось выдержать из-за Бренора, она почувствовала нарастающий гнев. Ни один Советник в Серебристой Луне, кроме Фреда, не хотел ответить на его призыв, и Аластриэль пришлось выдержать долгие словесные баталии, чтобы убедить Совет отправить хотя бы двести рыцарей на помощь Мифрил Халлу.

Что же произошло с ее городом, спрашивала она себя, поднявшись над Фортпиком. Серебристая Луна считалась образцом щедрости, защитником униженных, вместилищем добра и терпимости. И ее рыцари с радостью отправились сражаться, но разве дело было в них?

Израненная Аластриэль поняла, что всему виной правители и чиновники, добившиеся прочного положения и безбедной жизни и привыкшие к безопасности. Здесь, в холодном ночном небе над страшной битвой, изнемогая от боли и с трудом управляя волшебной колесницей, Аластриэль увидела это с необыкновенной ясностью.

Она знала широту души Бренора, пламенное сердце Дзирта, стойкость закаленных людей Сэтлстоуна. Они были достойны того, чтобы кто-то вступился за них и помог отстоять свой дом. Этих людей стоило защищать, пусть бы даже все население Серебристой Луны полегло в этой войне, потому что перед судом веков именно высшее проявление великодушия стало бы мерилom ценности народа, именно такое бескорыстие оставило бы след в истории.

Но как же могло такое произойти с ее городом, раздумывала Аластриэль, поняв, какая язва разъедает ряды ее приближенных. Она решила, что, вернувшись в Серебристую Луну, обязательно излечит заразу.

Но сейчас ей нужен был отдых. Она выполнила свое дело. Быть может, даже

поплатившись за это собственной жизнью, подумала она, поскольку невыносимая боль пронзила ее бок.

Другие правители будут оплакивать ее смерть, но назовут ее тщетной, считая войну, в которую вступил Мифрил Халл, слишком мелкой.

Но Аластриэль знала, что другой суд рассудит иначе.

Ей удалось приземлиться на широкий уступ, она выбралась из колесницы, и та сразу исчезла, поскольку закончилось действие огненного заклятия.

Владычица Серебристой Луны сидела на холодных камнях, глядя на шедшую далеко внизу битву. Она больше не участвовала в ней, но она сделала все, что могла.

И знала, что может умереть со спокойным сердцем.

* * *

Бергиньон Бэнр ехал вдоль рядов всадников на ящере, высоко подняв окровавленные мечи. Темные эльфы поворачивались и следовали за ним, перемещаясь от скалы к скале. На стороне рыцарей были высота и быстрота их животных, но темные эльфы компенсировали свои недостатки хитроумной тактикой.

К чести рыцарей, каждый из них убил по меньшей мере одного дроу. И это было много, учитывая превосходящие силы врагов и их искушенность в бою. Но все же ряды рыцарей заметно редели.

Надежда на спасение явилась им в образе толстого мага на причудливом животном с головой лошади и крупом лягушки, скакавшего впереди остатков защитников южного склона, сотен людей, сидевших в седле и бежавших — из одного сражения напрямик в другое.

Войско Бергиньона быстро оттеснили к краю долины, к северному склону, и рыцари оказались свободны.

Но по пятам мчались преследователи с юга, дроу и всякие чудища. К ним присоединились и те колдуны, что выжили после атаки Аластриэль.

Защитники быстро разобрались: стойкие воины Берктгара выстроились за ним, а всадники Беснелла соединились с рыцарями, удерживавшими долину. Лонграйдеры выстроились за Регволдом, гвардейцы Несма тоже соединились со своими товарищами.

Звенел металл, вспыхивали волшебные огни, раздавались вопли людей и животных. Туман стал плотнее от испарений тел, а камень под ногами потемнел от крови.

Защитники хотели бы создать сплошную линию обороны, но они понимали, что тем самым подставят себя под удар магов, поэтому все последовали примеру Берктгара и очертя голову вламывались в самую гущу врагов, создавая совершеннейшую неразбериху.

Бергиньон поднялся на ящере высоко по северному склону и наблюдал за кровавой резней. Его совершенно не трогало, что там гибли его боевые товарищи, что долина была усеяна исковерканными телами его собратьев.

Бергиньон не сомневался, что они легко одержат победу и тогда западный вход в Мифрил Халл будет у него в руках.

К вящей славе Дома Бэнр.

* * *

Стампет Скребущий Коготь, поднявшись к западному входу в Нижний Город, была просто вне себя — не оттого, что до нее дошли сообщения о побоище в Долине Хранителя, а оттого, что дворфы, стоявшие на страже входа, не присоединились к битве.

Но у стражников был ясный приказ: оставаться внутри комплекса, охранять туннели, а потом, если враги обнаружат тайную дверь и оттеснят их, обрушить туннели у двери. Генерал Дагнабит, правая рука Бренора, не мог предвидеть битву в Долине Хранителя, отдавая такой приказ.

Бренор назначил Стампет Верховной Священнослужительницей Мифрил Халла, причем сделал это всенародно и с большой pompой, чтобы никто не подвергал сомнению ее статус, когда начнется война. Благодаря этой церемонии у Стампет теперь был необходимый авторитет, и она обладала властью отменять приказания. Пятьсот дворфов, наблюдавшие бойню издали, но вынужденные оставаться на посту, обрадовались, получив разрешение броситься в бой.

Под ногами тех, кто был в долине, послышался глухой гул катящихся камней. Бергиньон на северном склоне изо всех сил старался удержаться в седле и надеялся, что ящер не свалится с трясущейся скалы. Он внимательно прислушивался к эху, разбираясь в его хитросплетениях, и понял, что его источник где-то на юго-восточном краю долины.

Там вдруг засиял яркий торжествующий свет — это открылась западная дверь Мифрил Халла.

Сердце Бергиньона замерло. Дворфы сами открывали им дорогу!

Сотни бородатых человечков рванули наружу из входа, который перестал быть тайной, спеша на помощь своим друзьям, распевая песни, громяхая по блестящим щитам молотами и топорами. Они поравнялись с людьми Берктгара и помчались дальше, прорубая бреши в рядах кобольдов, гоблинов и дроу.

— Вот глупцы! — прошептал оружейник Дома Бэнр. Да пусть даже тысяча или две тысячи дворфов присоединятся к войску защитников долины, это все равно не изменит исход битвы. Бергиньон понимал, что они вмешались, исключительно следуя своим нравственным законам. Они открыли тайный ход и покинули посты потому, что больше не могли выносить криков людей, умиравших ради них.

До чего же слабы эти обитатели верхнего мира, думал безжалостный дроу. В Мензоберранзане храбрость и сострадание никогда не встречались.

Разъяренные дворфы с жаром врубались в толпу гоблинов и кобольдов. Стампет Скребущий Коготь, еще не остывшая после подвигов в Нижнем Городе, была впереди всех. У нее закончилась световая дробь, и она возвала к своему богу, выкрикивая заклинания, чтобы осветить всю Долину Хранителя. Темные эльфы быстро обезвреживали ее волшебство, как она и ожидала, но зато Стампет поняла, что дроу, вызывающий черный шар, хотя бы на краткий миг выпадает из общего сражения. Жрица чувствовала, как волшебная сила Моррадина, Думатойна и Кланггедона струится по ее телу. Она чувствовала себя проводником, соединявшим мир богов с поверхностью.

Жрица громко молилась, вкладывая в слова всю душу, а дворфы собрались вокруг нее. Их окружили союзники, и они понемногу стали отвоевывать свои позиции. Теперь уже возможность выстроиться сплошным фронтом не казалась нелепой.

Бергиньон наблюдал за боем издали и про себя потешался над тщетностью всех усилий врагов. Он понимал, что это лишь временный успех. Стража западного входа и остальное войско объединились, но их удар будет последним и в конечном счете бесполезным. Все равно силы Бергиньона превосходили их во много раз.

Оружейник заставил свою рептилию спуститься со склона, собрал вокруг избранную гвардию и обсудил с ними, как заставить врагов отступить. Когда будет завоєвана Долина Хранителя, западный вход достанется им без всяких усилий.

И без тени сомнения Бергиньон заверил своих товарищей, что Долина Хранителя будет взята в течение часа.

Глава 26

ОДИН НА ОДИН

Основные коридоры, которые вели к нижнему входу в Мифрил Халл, были обрушены и завалены, но захватчиков это не остановило. Даже несмотря на то, что большинство дроу вынуждено было теперь передвигаться едва ли не ползком, дворфский комплекс все равно испытывал сильное давление. К тому же Утегенталь, хоть и не получил еще донесений о

сражении на поверхности, ярко представлял себе, какая там сейчас бойня и как дворфы и людишки мрут десятками. Утегенталь думал, что к этому моменту оба входа уже наверняка взяты и всадники Бергиньона вошли в нижние туннели.

Эта мысль не на шутку беспокоила оружейника Барризон дель'Армго. Если Бергиньон внутри Мифрил Халла и Дзирт До'Урден тоже там, то отступник, вполне вероятно, достанется Бэнру. Поэтому-то Утегенталь с несколькими лучшими воинами разыскивал какие-нибудь проходы, которые вывели бы его к нижним воротам в сам Мифрил Халл. Он считал, что в туннели уже наверняка проникли темные эльфы из Нижнего Города и расчищают подступы.

Оружейник со своими сопровождающими добрался до пещеры, служившей Бренору штабом. Теперь там было пусто, только пара пергаментов и следы приготовлений жрецов говорили о том, что в ней кто-то побывал. После того как рухнули туннели (а также многие боковые проходы, включая и тот, что вел в эту пещеру) и частично разрушилась пещера Тунульта, отряды Бренора, оставшись без централизованного командования, разошлись.

Утегенталь прошел пещеру, даже не взглянув по сторонам. Маленький отряд дроу быстро шел по коридорам в восточном направлении, безмолвно следуя за оружейником. Они пришли к тройной развилке — той самой, где у стены лежали древние кости двухголового великана, убитого Бренором много лет тому назад.

Раздосадованный непредвиденной задержкой, Утегенталь отправил разведчиков налево и направо, а сам с оставшимися воинами пошел прямо, поскольку этот туннель шел прямо на восток.

Несколько минут спустя один из разведчиков вернулся, а с ним жрица с сообщением, что нижняя дверь обнаружена. Утегенталь вздохнул с облегчением.

— Приветствую тебя, оружейник Второго Дома, — произнесла жрица, обратившись к Утегенталю с таким почтением, какого мужчины, как правило, не удостоивались.

— Почему ты здесь? — спросил Утегенталь. — Мы ведь еще далеко от Нижнего Города.

— Дальше, чем ты думаешь, — с раздражением поглядев в глубь длинного туннеля, обрывавшегося у нижнего входа, сказала она. — Дорога перекрыта.

Утегенталь глухо зарычал. Дроу уже должны были захватить Нижний Город и сделать туннели свободными. Нетерпеливо шагая, он прошел мимо женщины.

— Ты там не пройдешь, — заверила его жрица, и он обернулся с таким выражением, словно ему дали пощечину. — Мы бьемся с этой дверью уже целый час, — продолжала она. — И можем потратить еще неделю, но так и не прорваться по ту сторону. Дворфы стойко держатся.

— *Ултрин саргтлин!* — заорал Утегенталь, словно жрица забыла, кто он такой. Но, несмотря на то что он заслуженно носил прозвание «Лучший воин», на жрицу его вопль не произвел ровно никакого впечатления.

— Сотня дроу, пять магов и десять жриц пытались ее взять, — бесстрастно сказала она. — Дворфы отвечают на наши атаки огромными копьями и горячей смолой. А туннель, ведущий ко входу, очень узок, к тому же напичкан ловушками, так что дверь охраняется не хуже, чем во дворце Бэнр. Мы отправили туда двадцать минотавров, и те десять, которым посчастливилось не угодить в ловушки, натолкнулись на дворфов, поджидавших в укрытиях. Двадцать минотавров — за считанные минуты! Тебе туда не проникнуть, — спокойно повторила жрица без всякой издевки. — Да и никому из нас это не удастся, пока на дворфов не нападут те, кто попадет в Мифрил Халл с другой стороны.

Внезапно Утегенталю захотелось наброситься на нее, именно потому, что он не сомневался в ее словах.

— А зачем тебе туда? — неожиданно спросила женщина, хитро поглядывая на воина.

Утегенталь недоверчиво посмотрел на нее, заподозрив, что она сомневается в его храбрости. Разве не может он просто рваться в бой?

— Ходят слухи, что ты охотишься за Дзиртом До'Урденем, — сказала она.

На лице Утегенталя вместо подозрения появился интерес.

— А еще ходят слухи, что отступник сейчас бродит со своей пантерой по внешним туннелям и убивает дроу, — продолжала жрица.

Утегенталь взъерошил и без того торчащие в разные стороны волосы и поглядел назад, туда, откуда пришел, в лабиринт туннелей. Он чувствовал дрожь нетерпения, чувствовал, как сами собой напряглись его мускулы и сжались челюсти. Он знал, что за пределами дворфского комплекса много вражеских отрядов, остатков войска, бежавшего из большой пещеры после окончания первой битвы. По пути сюда Утегенталь со своими людьми повстречал один такой отряд и полностью его уничтожил.

Немного поразмыслив, он понял, что было бы логично, если бы Дзирт тоже оказался там. Вполне вероятно, что отступник участвовал в сражении в пещере, и если так, то зачем ему было возвращаться потом в Мифрил Халл?

Ведь Дзирт — охотник-одиночка, бывший командир патрульного отряда, воин, который целых десять лет жил в диком Подземье вдвоем с пантерой, за это даже Утегенталь его уважал.

Он почти убедил себя, что Дзирт До'Урден должен быть там, блуждая по западным туннелям и убивая врагов. Оружейник рассмеялся в голос и, ничего не объясняя, направился туда, откуда только что пришел.

Жрица и воины последовали за ним.

Оружейник Второго Дома вышел на охоту.

* * *

— Мы побеждаем, — объявила Мать Бэнр.

Никто из собравшихся — а рядом с ней были Метил, Джарлакс, Мать Четвертого Дома Зирит Ксорларрин, Оропол Дирр — Мать Дома Аграх Дирр, ставшего теперь Пятым, Бладен Керст и Квентель Бэнр — даже не думал спорить.

Грязный и избитый, с тонкими, но необычайно прочными благодаря магии кандалами на руках, Гэндалуг Боевой Топор прочистил горло, издав звук, полный презрения. Но на душе у Гэндалуга было тяжело. Несмотря на то что его народ выдерживает жесточайшую битву, темные эльфы уже проникли в Нижний Город, а попали они туда по вине Гэндалуга, ведь только ему были известны тайные ходы. Старый дворф, конечно, понимал, что ни один мозг не выдержал бы вторжения иллитида, но все равно чувство вины не покидало его, он терзался тем, что оказался недостаточно силен и не смог противостоять прорицателью сознания.

Бладен Керст не успела даже с места двинуться, как Квентель уже с силой ударила непокорного пленника, оставив на его спине кровавые полосы от ногтей.

Гэндалуг фыркнул, и теперь уж Бладен Керст вытянула его пятихвостой плеткой из живых змей, отчего упрямый дворф упал на колени.

— Хватит! — рывкнула Мать Бэнр на обеих дочерей, внезапно выдав внутреннее раздражение.

Все понимали — и Бэнр тоже, несмотря на только что сделанное ею заявление, — что война идет не так, как ожидалось. Шпионы Джарлакса доложили, что нижний вход в Мифрил Халл закрыт наглухо и взять его не удастся, а восточный вход был снова перекрыт вскоре после того, как их войска, пожертвовав многими дроу, прорвались туда. Квентель, посредством магии связывавшаяся с братом, сообщила, что на южном и западном склонах Фортпика все еще продолжается ожесточенная битва и дроу пока не приблизились к западному входу на поверхности. Метил же, потерявший двух соплеменников, заверил Мать Бэнр, что сражение за Нижний Город до сих пор не выиграно.

Однако никто не думал, что Бэнр просто бахвалится. Битва на поверхности пока еще не выиграна, но Бергиньон был уверен, что конец уже недалек, а учитывая, сколько солдат было под его началом, Квентель несколько не сомневалась, что победа близка.

В нижних туннелях потери были большими, но в основном погибли рабы, а не темные эльфы. Зато дворфы, оставшиеся за пределами Мифрил Халла после крушения туннелей, вынуждены были партизанить и скрываться, а именно такую тактику и предпочитали скрытные темные эльфы.

— Все нижние туннели будут вскоре очищены, — изрекла Мать Бэнр, но это было и так ясно, поскольку сама она со свитой снова двинулась вперед. Мать Бэнр окружали элитные подразделения, отвечавшие за ее безопасность, и они не дали бы Бэнр сдвинуться с места, если бы не были уверены, что впереди нет никакой опасности.

— И на поверхности вокруг Мифрил Халла тоже все будет чисто, — добавила Бэнр, — и мы прорвемся через оба входа.

— Которые наверняка будут обрушены, — осмелился вставить Джарлакс.

— Тогда дворфы окажутся наглухо запертыми в своей норе, — не растерялась Мать Бэнр. — Мы же пробьемся через нижний вход, а наши маги и жрецы откроют другие входы в туннели комплекса, и воины дроу проникнут в логово врага.

Джарлакс, как и все остальные, спорить не стал. То, о чем говорила старуха, потребовало бы много времени, а долгая осада в планы дроу не входила. Никого из окружавших главу Первого Дома, особенно двух Матерей, такая перспектива не обрадовала бы. Бэнр заставила их отправиться в поход, и они вынуждены были подчиниться, несмотря на то что в Мензоберранзане должна была развернуться борьба за власть. В обмен на личное участие в походе своих Матерей, Дому Ксорларрин и Дому Аграх Дирр было позволено оставить большую часть своих гарнизонов в городе, тогда как другие Дома, особенно правящие, отправили на войну не меньше половины своих темных эльфов. Так что на те несколько месяцев, что войско должно было отсутствовать, Четвертому и Пятому Домам вроде бы ничто не угрожало.

Но Зирит и Оропол беспокоило иное: могла начаться борьба за власть внутри семейств. Внутренняя иерархия Домов Мензоберранзана, за исключением, пожалуй, Бэнр, была непрочной, и обе матроны опасались, что, вернувшись после затянувшегося отсутствия, они обнаружат, что их сместили собственные дочери.

Они озабоченно переглянулись, и их взгляды не ускользнули от внимательного Джарлакса.

Отряд Бэнр медленно, но неуклонно двигался вперед. Три главы Домов летели на голубых дисках, затем шли две дочери Бэнр, тянувшие дворфа, и иллидид, не шедший, а будто скользивший по земле, незаметно перебирая ногами под длинным пышным одеянием. Вскоре Мать Бэнр объявила, что надо найти подходящую пещеру, где разместится тронный зал и откуда она сможет руководить боевыми действиями.

Еще один признак того, что война затянется надолго. Зирит и Оропол снова тревожно переглянулись. Бладен Керст, заметив это, угрожающе прищурилась.

Джарлакс подмечал все, прикидывая, с какой стороны Мать Бэнр может встретить большие осложнения.

Наемник низко поклонился, извинился и сказал, что должен присоединиться к своим солдатам и попытаться собрать больше сведений.

Бэнр махнула рукой, отпуская его, однако один из ее приближенных оказался более вьедлив.

«Ты ведь сбежишь со своими наемниками», — раздался голос в голове Джарлакса.

Собственные мысли наемника сразу сбились в кучу от неожиданности, и он помимо воли действительно подумал о том, что надо бросать эту войну. Почти на грани отчаяния Джарлакс обернулся и посмотрел в совершенно невыразительное лицо иллидида.

«Опасайся Бэнр, если вернешься», — просто предупредил Метил и пошел дальше за Бэнр и ее свитой.

Джарлакс постоял, пока вся процессия не скрылась из виду, со всех сторон обдумывая последнюю фразу. Он вдруг понял, что Метил не донесет на него Бэнр. То ли голос, то ли интонация иллидида совершенно убедили в этом наемника.

Он прислонился к стене, напряженно раздумывая над тем, что ему теперь предпринять. Если войско дроу останется единым, Бэнр несомненно победит — это можно было даже не обсуждать. Потери, конечно же, окажутся большими, чем предполагалось (они уже и так велики), однако вряд ли это будет иметь хоть какое-то значение, когда Мифрил Халл со всеми его богатствами будет взят.

И что же тогда делать Джарлаксу? Встретив чуть позже нескольких лейтенантов Брегана Д'эрт, он все еще размышлял об этом. Подчиненные сообщили, что к нижней двери по-прежнему не пробиться, а во внешних туннелях разрозненные отряды дворфов и их союзников перебили много дроу и рабов.

Дворфы и защищались, и сражались прекрасно.

Джарлакс принял решение и знаками передал приказ своим приближенным. Бреган Д'эрт пока еще не ретируется. Однако в боях больше не участвует и бережет разведчиков.

«Сторонитесь сражений, — мелькали пальцы Джарлакса, и подчиненные понимающе кивали. — Мы не вмешиваемся, мы только наблюдаем, и все».

«Пока оборона Мифрил Халла не будет пробита», — предположил один из них.

Джарлакс кивнул.

«Или пока война не потеряет смысл», — добавил он, и по выражению его лица было ясно, что он не считает это таким уж невероятным.

* * *

Пвент со своей бандой без конца рыскал по туннелям, все больше досадуя, что им не встречаются ни дроу, ни даже кобольды.

— И куда, Девять Проклятых Кругов, мы попали? — ворчал берсерк. Однако ответа он не ждал, поскольку Пвенту внешние туннели были знакомы лучше всех, и если уж он не мог сориентироваться, то другие и подавно.

Но Пвента это не особенно тревожило. Пока было с кем драться, его и его безудержную команду местонахождение не слишком волновало. Хуже, если врагов не видно.

— Начали колотить! — взревел Пвент, и «веселые мясники» дружно подбежали к стене узкого коридора и начали лупить молотами по камню, так что в радиусе сотни ярдов любое живое существо с легкостью вычислило бы, где они находятся.

Бедняга Биддерду Гарпелл, которого банда чокнутых дворфов по-прежнему тащила с собой, стоял в коридоре и, светя себе сияющим камнем, перебирал разрозненные листы развалившейся книги, пытаясь разыскать хоть какое-нибудь заклинание (желательно такое, чтобы помогло поскорее убраться отсюда!).

Грохот продолжался несколько минут, а потом разочарованный Пвент приказал подчиненным снова построиться, и отряд двинулся дальше. Они промчались под естественным сводом, сделали несколько поворотов, потом попали в более широкий коридор с обтесанными стенами и ровным полом. Пвент прицелкнул пальцами, поняв, что они находятся юго-западнее Мифрил Халла. Он знал это место, и за поворотом здесь должен был быть дворфский охранный пост. Пвент первый скрылся за углом и проворно вскарабкался по баррикаде, громоздившейся почти до самого потолка, надеясь обнаружить своих по ту сторону. Однако, поднявшись наверх, берсерк застыл, и улыбка сошла с его лица.

На каменном полу лежал десяток мертвых дворфов, а вокруг валялась целая куча гоблинов и орков.

Пвент слетел со стены, с грохотом приземлился, но тут же снова вскочил на ноги. Пробираясь среди изуродованных тел, он печально качал головой. Этот пост был надежно укреплен, сзади стояла высокая стена, а впереди, там, где коридор круто поворачивал влево, — низкая.

У левой стены, перед поворотом, было установлено хитроумное орудие, смертоносная катапульта с коротким рычагом, метавшая снаряды не вперед, как обыкновенные катапульты, а вбок. Сейчас рычаг был отведен назад перед выстрелом, но Пвент сразу же

заметил, что снарядов больше не было, — дворфы продержались до последнего.

Пвент чувствовал запах не до конца сгоревших снарядов и видел блики, плясавшие по стене бокового коридора. Даже не выглядывая за поворот, он знал, что там вдоль стен лежит огромное множество трупов врагов.

— Что ж, это была славная гибель, — сказал он своим солдатам и Биддерду, когда те тоже перелезли через баррикаду и увидели погибших товарищей.

Внезапно и бесшумно из-за поворота появилось несколько дроу с мечами наголо.

Если бы Биддерду Гарпелл не был настороже (и не обнаружил в ворохе бумаг единственную страницу, которую еще можно было разобрать), тут бы и нашел свой скорый конец отряд «Веселые мясники». Но чародей быстро произнес заклинание и вызвал ослепительный, сияющий шар света.

От неожиданности дроу замешкались на мгновение, но этого было достаточно, чтобы «веселые мясники» ринулись в бой. Теперь они дрались семь на пять, и дроу потеряли преимущество внезапности. Семеро берсерков против пяти дроу, и, к несчастью последних, дворфы сражались над телами мертвых соплеменников.

Они кололи, били, лягались, скакали, визжали и кидались головой вперед без страха и сомнений, совершенно не обращая внимания на раны, стремясь заслужить одобрение своего безумного командира. Они буквально втоптали двух темных эльфов в пол, а один из дворфов оторвался от своих и с ревом ринулся за угол.

Пвент оттеснил одного дроу в сторону, поймал рукой в металлической рукавице летящий на него меч и нанес удар свободным кулаком, даже не дав темному эльфу вытащить второй меч.

Мощный кулак с шипами на перчатке пробил череп противника, и голова дроу буквально разорвалась.

Пвент ударил еще и еще разок, а потом швырнул мертвое тело к трупам его четырех братьев. Затем командир обвел взглядом своих учеников, покрытых пятнами свежей крови, и обнаружил, что одного не хватает, да еще заметил, что Биддерду бьет крупная дрожь и он громко лязгает зубами. Берсерк хотел спросить, что с ним такое, но тут из бокового коридора раздался такой жуткий вопль, что кровь застыла в жилах даже у много повидавшего Пвента. Он бросился вперед и выглянул из-за угла.

Коридор длиной пятьдесят футов был просто завален телами — зрелище, которого не ожидал даже берсерк. Здесь полегло множество рабов, и кое-где еще горел огонь, такой густой была горячая смола из снарядов катапульты.

В другом конце туннеля показался громадный неясный силуэт, но берсерк понял, что это дроу, хотя и не знал, что они бывают такими огромными. В руках гиганта был здоровенный трезубец, а на нем все еще корчился насаженный на зубья один из «веселых мясников». Из-за спины великана показался еще один дроу, но Пвент его даже не заметил, сейчас его не поколебал бы вид и сотни темных эльфов.

Берсерк гневно взревел, но вперед не бросился. Настал один из тех редких моментов, когда здравый смысл в нем перевесил ярость, и Пвент снова скрылся за углом.

— Что там такое, самый неистовый из берсерков? — в один голос воскликнули трое «веселых мясников».

Пвент не ответил. Одним прыжком он занял место снаряда в катапульте и, полоснув острием на перчатке, отрезал удерживавшую рычаг веревку.

Когда Пвент вместо снаряда полетел в глубь туннеля, Утегенталь Армго только что стряхнул с трезубца докучливую ношу. Оружейник выпучил глаза; и Пвент, и Утегенталь одновременно заорали. На мгновение здоровенный дроу пожалел, что избавился от тела, ведь его можно было бы использовать вместо щита. Но он все равно не растерялся. Дернув своего спутника за ворот пивафви, он выставил его перед собой.

Пвент влетел в несчастного не только острием на шлеме, но вошел на полголовы, пробив его насквозь и даже слегка ранив Утегенталья.

Пока Пвент освобождался от трупа, Утегенталь справился со смятением. Равно

разъяренные, противники сошлись, рыча и фыркая. Пвент сразу нанес несколько ударов, но могучий и умелый Утегенталя отвечал не хуже.

Древком трезубца он с силой ткнул берсерку в лицо, и у того потемнело в глазах. Он отступил на несколько шагов и сразу с ужасом понял, что этого пространства противнику будет достаточно, чтобы насадить его на зубья.

Но вдруг откуда-то сбоку появился громадный серебристый волк, бежавший на задних лапах, бросился на Утегенталя и сбил его с ног.

Пвент сильно потрянул головой, приходя в себя, и с благодарностью поглядел на странного зверя. Оглянувшись затем, он увидел, что из-за поворота спешат другие берсерки и один из них показывает пальцем на волка и восторженно кричит.

— Биддерду, — догадался Пвент.

Утегенталя сбросил с себя оборотня Гарпелла и вскочил на ноги. Но Пвент ринулся на него, даже не дав оружейнику полностью выпрямиться.

Сверху запрыгнул еще один дворф, потом другой и третий, и вскоре весь отряд «Веселые мясники» повис на Утегентале.

Утегенталя дико взревел, почувствовав в себе силу великана. Он выпрямился, весь обвешанный дворфами, и, резко раскинув руки, разбросал их, как котят.

Пвент стукнул его в грудь с такой силой, что таким ударом можно было бы убить корову средних размеров.

Утегенталя зарычал и нанес такой ответный удар, что дворф отлетел на несколько шагов.

— А ты ничего, — похвалил Пвент, поднимавшийся шатаясь, пока Утегенталя надвигался на него.

Впервые за всю свою безумную жизнь (не считая, наверное, только непреднамеренного столкновения с Дзиртом До'Урденем) Тибблдорф Пвент понял, что противник сильнее его — даже сильнее всего отряда! — и что неминуемая гибель близка. Дворфы, стена, лежали вокруг, и ни один из них не смог бы задержать этого невероятно сильного дроу.

Даже не пытаясь подняться, Пвент закричал и бросился вперед на четвереньках. Он вскочил в последний момент, вложив всю силу и инерцию движения в правый хук.

Но Утегенталя на ходу поймал его руку. Пальцами другой он накрыл лицо берсерка и сжал его.

Сквозь растопыренные пальцы Пвент видел искаженное яростью лицо врага. Кое-как ему удалось вывернуться и нанести увесистый удар по руке оружейника.

Но Утегенталя даже не моргнул.

Пвент всхлипнул.

Оружейник вдруг резко закинул голову. Пвент думал, что сейчас услышит торжествующий клич победителя, но Утегенталя не издал ни звука, только секунду спустя что-то странно заклокотало у него в глотке.

Пвент почувствовал, что враг ослабил хватку, и, не мешкая, вывернулся. Выпрямившись, берсерк увидел такую картину: серебристый оборотень бросился на дроу со спины и вцепился ему в шею. Биддерду висел на Утегентале, все сильнее сжимая челюсти, ломая позвонки и разрывая нервы.

Они надолго застыли так; все «веселые мясники», пришедшие к тому моменту в себя, собрались вокруг и дивились силе Биддерду и тому, что необыкновенный воин-дроу все еще как-то умудрялся стоять на ногах.

Потом послышался громкий треск, и Утегенталя страшно дернулся. Он свалился, волк упал на него, не разжимая зубов.

— Он должен научить меня этому, — не сводя с Биддерду благоговейного взора, сказал берсерк.

Но вцепившийся в жертву Биддерду даже не слышал.

Глава 27

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ

Белвар прислушивался к эху. Он улавливал малейшие колебания в камне, которых житель поверхности даже не заметил бы. Остальные триста свирфов тоже их слышали. Глубинные гномы часто переговаривались друг с другом в глубоких туннелях Подземья посредством вибрации камня. Сейчас до них постоянно доносились различные звуки, не такие, как час назад, когда страшный грохот рухнувших подземелий потряс скалы и долго еще отдавался вокруг. Теперь опытные свирфские воины уловили тот особенный ритм, что свойствен сражению. Они поняли, что где-то неподалеку идет большая битва.

Передвигаясь по незнакомой местности и стараясь идти на звук стойких вибраций, Белвар беспрерывно совещался с командирами. То тут, то там один из свирфов ударял по камню молотом, проверяя плотность породы. Ориентироваться по эху было делом нелегким, камень редко бывал однородным, и звук зачастую искажался. Поэтому даже опытные свирфы уже не один раз сворачивали не в ту сторону.

Но они были упорны и терпеливы, и после многих ошибок жрец по имени Сантунавик наконец объявил Белвару и Ферблу, что они подобрались так близко к источнику эха, как только возможно.

Оба они пошли вслед за жрецом, поочередно прикладывая ухо к стене. Шум и правда стал громче.

Но Белвар заметил, слегка смутившись, что шум был постоянным, а не таким, какой присущ бою — то затихающий, то усиливающийся. Этот звук был не похож на тот, что они слышали раньше, по крайней мере теперь к нему что-то примешивалось.

Сантунавик уверил Хранителя Туннелей, что это то самое место. Хотя и смешиваясь с другими звуками, но шум сражения был действительно хорошо различим.

Белвар посмотрел на Фербла, тот кивнул. Хранитель Туннелей перевел взгляд на Сантунавика и показал пальцем на точку в стене, затем отошел, давая возможность жрецам собраться вместе.

Они начали негромко петь, это был странный рокочущий звук без единого слова. Время от времени какой-нибудь из жрецов бросал в стену горсть грязи.

Пение достигло кульминации; Сантунавик, крепко сжав ладони и выставив вперед руки, подбежал к стене. С экстатическим криком маленький гном вонзил пальцы прямо в толщу породы. Потом он закричал и, напрягая мышцы, раздвинул стену, словно занавесы из плотной ткани.

Жрец отскочил назад, и остальные тоже, потому что эхо превратилось в грохот, и их всех накрыло влажной пеленой брызг водопада.

— Поверхность это, — едва дыша, пробормотал Фербл.

Так оно и было, но гномы представляли верхний мир совсем иначе, не как сплошной шквал воды. В легендах об этих далеких землях говорилось совсем иное. Многие в ту же минуту захотели вернуться обратно, но Белвар, не раз беседовавший с Дзиртом о поверхности, понял: что-то здесь не так.

Хранитель Туннелей подцепил одной «рукой» веревку из-за пояса и протянул Ферблу, чтобы тот обвязал его ею. Фербл так и сделал, а сам взялся за другой конец.

Храбрый Белвар, почти не колеблясь, протиснулся в образовавшуюся щель и вступил в плотный водяной туман. Он увидел водопад, а также обнаружил огибавший его узкий карниз.

А еще Белвар увидел звезды. Тысячи звезд!

Гном почувствовал трепет в груди. Он испытал восторг и страх одновременно. Так это и есть поверхность, самая большая из всех пещер, накрытая сводом, до которого невозможно добраться!

Но Белвар недолго предавался благоговейному созерцанию, потому что почти сразу услышал ясные звуки сражения. Он очутился не в самой Долине Хранителя, но хорошо видел свет факелов и магических огней, и до него отчетливо доносился звон металла и крики

умирающих.

Триста свирфов, возглавляемых Белваром, вышли из пещеры и начали неслышно пробираться на восток. По пути они встретили множество препятствий, но элементарь, вызванная жрецами, помогала их преодолевать. Через несколько минут они уже увидели поле битвы. Посреди покрытой туманом долины сражались всадники в латах, дроу, восседавшие на ящерах, отвратительные гоблины и кобольды, а также люди, рост которых превосходил рост самого высокого гнома в два раза.

Белвар заколебался, теперь только поняв, что он со своими тремьями воинов вступит в битву, в которой сошлись разом тысячи. В таком сражении можно было даже не различить, кто побеждает.

— Для этого и пришли мы, — шепнул на ухо Белвару Фербл.

Белвар пристально посмотрел на своего спутника, почему-то ставшего очень храбрым.

— За Блингденстоун! — добавил Фербл.

И Белвар повел воинов за собой.

* * *

Дзирт, как и все остальные, затаил дыхание; даже Гвенвивар удержалась и не заворчала.

Пятеро спутников застыли на узком выступе стены высокого просторного коридора, по которому проходила колонна дроу. Мимо шли все новые и новые ряды, и казалось, конца им не будет.

Дзирт гадал, сколько же их там. Две тысячи, может, пять? Слишком много, а он даже не мог выглянуть, чтобы подсчитать. Но зато он понял, что войско снова построилось и, вполне очевидно, движется к какой-то определенной цели. Это могло только означать, что туннели впереди свободны, по крайней мере до нижних дверей Мифрил Халла. Дзирт приободрился, вспомнив, как много хитроумных ловушек приготовили там дворфы. Даже такому войско придется туго, когда оно попытается пробиться внутрь; в близлежащих туннелях будут горы трупов как дроу, так и дворфов.

Дзирт слегка повернул голову и взглянул на Бренора, неудобно зажатого между Гвенвивар и стеной. Дзирт чуть не улыбнулся, подумав, как спешно ему надо будет убираться, едва пройдет строй дроу, потому что Бренор наверняка спихнет пантеру вниз, а заодно с ней и Дзирта.

Но дроу был слишком угнетен, поэтому улыбка так и не появилась. Он уже не впервые спрашивал себя, правильно ли поступил, уговорив Бренора отправиться вместе с ним. Ведь они могли пойти к нижнему входу вместе с теми дворфами, что встретились им несколькими часами раньше; королю Мифрил Халла было бы самое место среди его солдат. Дзирт прекрасно создавал, что одним своим присутствием он поднял бы боевой дух защитников входа и Нижнего Города. Боевые песни зазвучали бы чуть громче и сражались бы дворфы с еще большим пылом, знай они, что король Бренор Боевой Топор где-то рядом и бьется в первых рядах, размахивая своим знаменитым топором.

Но Дзирт уговорил Бренора остаться здесь и теперь спрашивал себя, не поступил ли он так себе в угоду. Может, им вообще не удастся найти главарей дроу. Скорее всего жрицы, руководившие войском, были в надежном укрытии, они применяли свои магические способности издали и командовали войсками без всякого сожаления, распоряжаясь ими так, словно это были пешки на шахматной доске.

Мать какого-нибудь Дома, или кто бы там ни возглавлял армию, не будет рисковать собой. Уж таковы были дроу.

Дзирт вдруг показался сам себе полным глупцом. Он сказал Бренору, что они отправляются «на охоту за головой», не подумав при этом, как нелегко будет найти тех, кто возглавляет дроу. Попасть же обратно в Мифрил Халл им тоже вряд ли доведется в скором времени, принимая во внимание размер армии захватчиков.

Дроу опустил голову и глубоко вздохнул, старясь взять себя в руки. Все равно, в его решении — их единственный шанс на победу. Нижние ворота, хоть сквозь них и нелегко пробиться, все равно рано или поздно падут, и присутствие среди защитников Бренора лишь ненадолго оттянет этот момент. Однако, находясь здесь и понимая, какое множество туннелей вокруг и сколько в них дроу, Дзирт начал думать, что они поставили себе непосильную задачу. Как можно надеяться разыскать иголку в стоге сена?

Дзирт не знал, что не он один вышел на охоту.

* * *

— От Бреган Д'эрт никаких вестей.

Мать Бэнр восседала на своем диске, молча размышляя над сказанным и над тем, что скрывалось за этими словами. Квентель хотела повторить новость, но осеклась под грозным взглядом матери.

Слова все еще эхом звучали в голове старухи: «От Бреган Д'эрт никаких вестей».

Бэнр поняла, что Джарлакс залег на дно. Несмотря на бравладу, главарь наемников всегда был осторожен, он постоянно просчитывал, что может угрожать банде, на создание которой у него ушло несколько веков. Он с самого начала не испытывал страстного, желания отправиться на завоевание Мифрил Халла и пошел вместе со всеми только потому, что, собственно говоря, у него не было выбора.

Как и Триль, ее собственная дочь и ближайшая советница, подумала Бэнр, наемник надеялся, что Мифрил Халл сдастся легко и быстро и дроу вскорости вернутся в Мензоберранзан, где было так беспокойно. Конечно, может быть, то, что шпионы Джарлакса долго не дают о себе знать, — простая случайность, но все же Бэнр склонялась к другому. Если Джарлакс залег на дно, это могло означать только следующее: анализируя сведения своих шпионов, он пришел к выводу, что дроу топчутся на месте. Теперь он, как и сама Бэнр, понимал, что Мифрил Халл наскоком не возьмешь.

Старая Бэнр восприняла новость сдержанно. Она была уверена, что Джарлакс примет участие в войне, как только решит, что перевес снова на стороне темных эльфов. Само собой, она изобретет для него какое-нибудь особенное наказание, чтобы доходчиво объяснить ему, как она разочарована, но не отправит ценного союзника на тот свет.

Воздух в небольшой пещере, которую Мать Бэнр выбрала своим тронным залом, задрожал, наполняясь магической энергией. Все в комнате заволновались и облегченно вздохнули, когда из пустоты появился Метил.

По его непроницаемому, как у всех представителей расы иллитидов, лицу ни о чем нельзя было догадаться. Бэнр подумала, что эта бесстрастность раздражала ее больше всего. Прорицатели сознания ничем не выдавали своих истинных намерений.

«Утегенталь Армго убит», — без лишних предисловий мысленно сообщил он Матери Бэнр.

Теперь настала очередь старухи придать своему лицу непроницаемое выражение. Судя по всему, эту неприятную новость Метил сообщил только ей. Остальным, особенно Зирит и Оропол, становившимся все более несговорчивыми, не к чему было знать, как в действительности обстоят дела.

«Наступление на Мифрил Халл идет хорошо, — объявил Метил на сей раз всем присутствующим, как поняла Бэнр по их мгновенно повеселевшим лицам. — На пути к нижнему входу туннели свободны от врагов, и сейчас там собирается армия и готовится нанести удар».

По лицам собравшихся Мать Бэнр могла прочесть их мысли с той же легкостью, что и Метил. Иллитид старался поддержать боевой дух — в этом смысле с темными эльфами всегда было непросто. Но, как и сообщение Квентель, первый посыл Метила неприятно повторялся в уме старухи. Утегенталь Армго убит! Что будет, если солдаты Барризон дель'Армго, составлявшие не самую маленькую часть армии, узнают, что их командира нет в

живых?

А Джарлакс? Если он давно знает о гибели оружейника Второго Дома, то это объясняет, почему молчит Бреган Д'эрт. Джарлакс наверняка боится потерять гарнизон Барризон дель'Армго, потому что для дроу это был бы удар в самое сердце.

«Джарлакс ничего не знает, и солдаты Второго Дома тоже», — успокоил ее Метил, прочтя мысли старухи.

Бэнр удалось сохранить относительно бодрое выражение лица и притвориться, что она взволнована тем, что солдаты уже около нижнего входа. Но она ясно видела, какая зараза разъедает ряды ее войска. Еще несколько происшествий, и непрочное единство распадется окончательно. Тогда она потеряет все. Она почувствовала себя так, словно вернулась в Мензоберранзан перед самым походом, когда все смешалось и Кьорл чуть было не захватила власть над городом.

Крах Дома Облодра сплотил вокруг нее всех, и Мать Бэнр сознавала, что ей необходимо нечто подобное и сейчас, какая-то крупная победа, чтобы убить все сомнения в умах ее подданных. Страх укрепляет преданность. Она снова подумала о Доме Облодра и о том, что хорошо было бы устроить похожее представление у входа в Мифрил Халл. Правда, она сразу отмахнулась от этой мысли, поскольку хорошо понимала, что случившееся в Мензоберранзане было единичным событием. Никогда прежде Ллос не являлась на Материальный уровень в таком блеске и силе (и вряд ли снова явится, по крайней мере не так скоро!). В случае падения Дома Облодра Мать Бэнр была простым проводником божественной воли, и не более того.

Больше такого не случится.

Мысли Бэнр понеслись в другом направлении. «Кто убил Утегенталя?» — подумала она, «обращаясь» к Метилу.

Иллитид этого не знал, но понял, что подразумевала Бэнр. Она знала, кого разыскивал Утегенталь, какая награда была бы для него самой сладостной. Быть может, он встретился с Дзиртом До'Урденом?

Если так, это значит, что Дзирт До'Урден во внешних туннелях, а не по ту сторону укреплений Мифрил Халла.

«Ты вступаешь на опасный путь», — предостерег ее Метил, предугадав, что она использует чары, чтобы обнаружить отступника.

Но старухе было все равно. Она была Первой Матерью Мензоберранзана, инструментом в руках Ллос. Она обладала такой силой, что могла без малейшего труда умертвить любого дроу — хоть главу Дома, хоть колдуна, хоть оружейника. Этот путь действительно было опасен — но лишь для Дзирта До'Урдена.

* * *

Мощнее всех была оборона дворфов в середине линии. Их было великое множество, они с песнями крушили гоблинов и орков громоздкими тяжелыми топорами и молотами, дружно повисали на громадных минотаврах и повергали их на землю тяжестью живого веса.

Но по всему восточному краю Долины Хранителя натиск был слишком силен. Всадники носились вдоль строя, стараясь подбодрить варваров, когда враг готов был прорвать оборону, и строй сохранялся лишь благодаря таким вот всплескам энтузиазма. И все равно Берктгара и его людей неуклонно теснили назад.

По всей долине горами лежали трупы кобольдов и гоблинов; за смерть одного защитника платили два десятка. Но дроу не мелочились, они ожидали таких потерь, поэтому Бергиньон спокойно сидел на своем ящере и вместе с остальными всадниками Дома Бэнр дожидался, когда наступит время для истребления врагов. Он видел, что защитники уже измучены. Минуты превратились в час, потом в два, но схватка по-прежнему оставалась ожесточенной.

Фронт обороны отступал, вскоре они упрутся спиной в высокие скалы, ограждавшие

Долину Хранителя с востока. И когда им больше некуда будет отступать, спереди нападут маги. А Бергиньон поведет в бой своих всадников, и Долина Хранителя заполнится кровью людей.

* * *

Беснелл понимал, что они проигрывают, что десяток мертвых гоблинов слишком малая цена даже за пядь земли. Но он покорно воспринимал это, радуясь лишь тому, что его рыцари сражались с блеском. Они носились то там то тут небольшими группами, топча врагов, и, хотя уже едва переводили дух и даже не могли петь боевую песню, а их кони лоснились от пота, они не останавливались и не сдавались.

Полный мрачного удовлетворения, но все же обеспокоенный — не только судьбой своих людей, но и тем, что Аластриэль больше не показывалась, — эльф оглянулся на Берктгара. Вот кто дрался потрясающе. Громадный меч Баккенфуэре рассекал воздух со свистом, всякий раз рубя врагов, по недомыслию приблизившихся к нему. Варвар с головы до ног был залит кровью, отчасти своей собственной. Но Берктгар не чувствовал боли, а если и чувствовал, то не показывал. Он пел и сражался во славу Темпоса, своего бога войны.

Беснелл подумал, что если дроу разобьют их и захватят Мифрил Халл, то одним из самых горестных последствий этого будет то, что никто никогда не сложит сказаний о славных подвигах могучего Берктгара.

Мощная вспышка где-то сбоку оторвала Беснелла от грустных размышлений. Он взглядом нашел Регволда Гарпелла, окруженного десятком полыхавших гоблинов, либо мертвых, либо умирающих. Сам Регволд и его Прыгун-Через-Лужи были охвачены зелеными и красными языками волшебного пламени, но они не обращали на это внимания и продолжали сражаться. Огонь, по воле Регволда охвативший его и его животное с головы до ног, превратился в мощное оружие. Прыгун-Через-Лужи одним махом перелетел на десять ярдов, приземлившись между двумя минотаврами. Красно-зеленое пламя еще больше накалилось, стало белым и подожгло обоих монстров. Прыгун-Через-Лужи подпрыгнул на месте, и Регволд оказался на уровне лиц гигантов с распахнутыми в крике ртами. Он выхватил волшебную палочку, и зеленые лучи вонзились в минотавров.

А Регволд уже скакал к новой цели, оставив за спиной мечущихся, как живые факелы, монстров.

— За благо всех добрых людей! — выкрикнул Беснелл, высоко подняв меч.

Его быстро окружило несколько всадников, и они вновь бросились в наступление, врезавшись на полном скаку в толпу кобольдов. Мгновенно обратив тварей в бегство, они столкнулись с более сильными врагами, и их наступление остановилось. Сидя в седлах, Рыцари Серебристой Луны прорубали себе дорогу сверкающими мечами.

Беснелла охватило ощущение счастья. Он всеми фибрами души чувствовал, что они сражаются за правое дело. Эльф был предан Серебристой Луне и свято верил в девиз, который только что провозгласил.

Он радовался и в тот миг, когда копье гоблина вонзилось между пластинок его панциря, вошло между ребер и пронзило легкое. Он покачнулся в седле и как-то изловчился выдернуть копьё.

— За благо всех добрых людей! — выкрикнул он что было мочи.

Гоблин уже подскочил к нему с мечом в руках. Беснелл выхватил свой клинок и скривился от боли. Он сразу ослаб и почему-то внезапно сильно замерз. Меч выскользнул из его руки и звякнул о землю, но он этого уже не сознавал.

Гоблин с размаху ударил его по бедру, клинок прорезал латы, выступила кровь.

Гоблин гикнул и в тот же миг полетел в сторону, рассеченный на части мощным взмахом Баккенфуэре.

Эльф покачнулся в седле, и Берктгар подхватил его свободной рукой. Варвару вдруг показалось, что битва вокруг них стихла, как будто он и благородный эльф оказались вдвоем

в каком-то глухом закутке. А вокруг них продолжали сражаться рыцари и не подпускали к ним врагов.

Берктгар осторожно опустил Беснелла на землю. Эльф взглянул на небо пустыми золотистыми глазами.

— За благо всех добрых людей, — одними губами произнес он, но Берктгар, хвала Темпосу или какому-то другому богу, наблюдавшему за сражением в Долине Хранителя, расслышал каждый звук.

Могучий варвар кивнул и молча подложил камень под голову мертвого эльфа.

Потом он вскочил и очертя голову бросился на врагов, с утроенной яростью кося их каждым взмахом меча.

* * *

Никогда еще Регволд Гарпелл не чувствовал такого воодушевления. Все еще объятый пламенем, безвредным для него и его странного животного, зато обжигавшим всех, кто к нему приближался, он один сумел восстановить прочную линию обороны на южном фланге. Действие заклинания должно было вот-вот закончиться, но он об этом не думал, надеясь, что успеет сделать еще что-нибудь полезное и уничтожить побольше негодяев, явившихся захватить Мифрил Халл.

И тут на Регволда, выставив вперед копыта и не подпуская его ближе, надвинулся целый отряд минотавров.

Регволд усмехнулся, и Прыгун-Через-Лужи взлетел в воздух, по ту сторону ставших кругом чудищ, перемахнув над их поднятыми копытами.

Гарпелл торжествующе закричал, но его крик оборвала магическая молния.

В тот же миг Регволд полетел, кружась, в одну сторону, а Прыгун-Через-Лужи — в другую.

Последовал новый разряд, под другим углом, потом еще один, разветвившийся и поразивший и чародея, и его ездовое животное.

Они приняли еще много ударов и замертво свалились на землю.

В бой вступили колдуны дроу.

Захватчики взревели и стали наступать, так что даже Берктгар, обезумевший после смерти эльфа, не смог удержать своих людей. Из-за строя рабов появились всадники на ящерах, длинными копытами вынуждая рыцарей отступить еще дальше, к стене.

* * *

Бергиньон первым увидел, что битва приняла новый поворот. Он приказал одному из всадников взобраться по высокому скалистому выступу, откуда лучше было вести наблюдение, а потом обратился к ближайшему отряду своей кавалерии, указывая на северный склон, замыкавший долину.

«Заберитесь повыше, — знаками приказал он, — и обойдите строй неприятеля. А когда их прижмут к стене, вы упадете на них сверху, как дождь смерти».

На многих лицах появились злорадные ухмылки, но вдруг раздался вопль солдата, посланного Бергиньоном наверх.

Скала ожила, оказавшись на деле огромной элементарью. Бергиньон и остальные беспомощно смотрели, как громадина хлопнула каменными ладонями, расплющив и дроу, и его ящера.

С запада, из-за строя дроу, послышался шум, и поверх грохота несущихся вперед свирфов ясно раздался крик:

— *Биврин!*

Именно этим словом Белвар Диссенгалып пробуждал волшебные силы, заключенные в его рукотворных ладонях.

* * *

Берктгар и другие защитники на восточной окраине Долины Хранителя далеко не сразу узнали, что с запада прибыли неожиданные союзники. Но слухи об этом постепенно достигли и их, вселяя новое мужество в сердца защитников и устрашая нападавших. Гоблины и темные эльфы, дравшиеся у восточной стены, начали оглядываться назад, высматривая, не подошел ли новый враг близко.

Теперь вокруг Берктгара собрались остатки защитников не дворфов: две трети варваров, меньше сотни Рыцарей Серебристой Луны, около двадцати лонграйдеров и всего двое гвардейцев Несма. Их ряды поредели, но зато боевой дух возродился, строй снова стал прочным, и они даже продвинулись вперед, к середине долины, следуя за дворфами.

Вскоре нельзя уже было разобрать, кто где. Строй был смят. На западе жрецы свирфов противостояли колдунам дроу, а солдаты Белвара врезались в ряды темных эльфов. Это было столкновение заклятых, старинных врагов. Не менее жарко было и на восточной стороне долины, где противостояли друг другу дворфы и гоблины.

Так продолжалось всю ночь, жуткую, дикую ночь. Бергиньон Бэнр почти не вмешивался в ход битвы и пока придерживал свое элитное подразделение, предоставляя пушечному мясу истощать силы защиты. Даже несмотря на неожиданное подкрепление, защитники стали вскоре снова сдавать позиции.

— Мы победим! — уверенно заявил молодой Бэнр своим солдатам. — И по ту сторону западного входа не останется никого.

Глава 28 ВОРОЖБА

Квентель Бэнр сидела лицом к небольшой нише в стене пещерки и внимательно вглядывалась в гладь воды. Водное зеркало вдруг посветлело, и Квентель зажмурилась — это в верхнем мире за Фортпиком начало восходить солнце.

Квентель чуть не закричала от отчаяния, но заставила себя прикусить язык.

Неподалеку от нее, в глубине пещеры, ее мать тоже ворожила. При помощи магии она создала приблизительную карту туннелей и взяла крошечное заговоренное перышко. Нараспев произнося слова заклинания, она подбросила его в воздух над пергаментом и тихонько подула.

— Дзирт До'Урден, — выдохнула она, перышко закружилось и медленно опустилось на карту. На лице старухи расцвела довольная злорадная улыбка — острие пера коснулось пергамента, указав на сплетение туннелей неподалеку.

Бэнр была уверена, что перо показывает правильно: Дзирт До'Урден не в Мифрил Халле.

— Уходим, — внезапно объявила Мать Бэнр, звуком своего голоса испугав всех в тихой пещерке.

Квентель беспокойно оглянулась через плечо, боясь, что мать каким-то образом разглядела, что показывает гладь воды в чаше. Однако старуха не могла ничего видеть, потому что между ней и Квентель стояла Бладен Керст и зло наблюдала за тем, что происходит в долине.

— А куда мы пойдем? — громко осведомилась Зирит, и в ее тоне прозвучала очевидная надежда на то, что Мать Бэнр наконец обнаружила какой-то просвет в этом тупике.

Старуха внимательно посмотрела на нее и на недовольное лицо другой Матери. Она не могла решить, чего Зирит и Оропол хотели больше: то ли услышать, что дорога в Мифрил Халл свободна, то ли то, что нападение отменяется. Перед ней стояли две женщины, входившие в число высших командующих, а она даже не была уверена, что бы они предпочли — победу или отступление.

Столь недвусмысленное напоминание о непрочности созданного ею союза привело Бэнр в ярость. Она бы с радостью отстранила обеих, а еще лучше казнила бы их прямо на месте. Но она хорошо понимала, что это невозможно, ее войско сразу развалится. К тому же она хотела, чтобы обе или хотя бы одна из них видели ее во славе, видели, как она отдаст Дзирт До'Урдена Ллос.

— Ты отправишься к нижнему входу, чтобы вдохновлять солдат и руководить нападением, — резким тоном обратилась она к Зирит, решив, что становится слишком опасно оставлять их вместе. — А Оропол пойдет со мной.

Оропол не отважилась ни о чем спросить, но Бэнр все поняла по ее лицу.

— У нас есть дело во внешних туннелях, — только и сказала она.

«Над Бергиньоном вот-вот взойдет солнце», — знаками показала Квентель сестре.

Бладен Керст, и так всегда раздраженная, просто вскипела от злости. Она круто отвернулась от сестры и ее зеркала и посмотрела на мать.

Открыв уже рот, она услышала в голове голос Метила.

«Не нужно плохих новостей, — внушал он обеим сестрам. — Зирит и Оропол и так уже подумывают об отступлении».

Бладен Керст благоразумно примолкла.

Они разделились. Зирит с элитным подразделением направилась на восток, к Мифрил Халлу, а Мать Бэнр, сопровождаемая Квентель, Бладен Керст, Метилом, полудюжиной лучших воинов-женщин и скованным Гэндалугом, — на юг, туда, куда указало гадательное перо.

* * *

На ином уровне бытия, в сером тумане, в слякоти и вони Бездны, Эррту наблюдал за происходящим, пользуясь как экраном гладкой поверхностью ножки гриба, росшего около его трона.

Громадный демон был зол. Он понял, что Мать Бэнр пустилась преследовать Дзирта До'Урдена, и понимал, что, когда она его найдет, ей не составит никакого труда уничтожить его.

Он без конца изрыгал проклятия, в основном в адрес Ллос, соблазнившей его свободой — той свободой, которую мог ему дать лишь живой Дзирт До'Урден.

Словно специально, в следующий миг Мать Бэнр снова начала колдовать. Она открыла ворота в Бездну и стала призывать на помощь могучего глабрезу. Подозрительный Эррту сразу решил, что она это делает лишь для того, чтобы поиздеваться над ним, вызвать одного из его сородичей и его руками отрезать всякую надежду на освобождение. Так мыслили все мерзкие порождения Бездны, включая саму Ллос. Что такое доверие к другим, они не знали, поскольку и им самим верили лишь глупцы. К тому же каждый из них думал только о себе. В представлении Эррту все сейчас было против него, а поскольку интересовался он только собой, вот он и решил, что Бэнр вызывает глабрезу не случайно, — это Ллос решила всадить кинжал глубже в его черное сердце.

Эррту первым подоспел к открывшимся воротам. Однако он все равно не смог бы туда пролезть, даже не будучи изгнанным, потому что Бэнр, мастерски владевшая заклинаниями, подобрала такое, на которое мог откликнуться лишь определенный демон. Но он дождался, когда из вихрящегося тумана появился вызванный глабрезу и направился к полыхающему portalу.

Эррту выскочил ему навстречу и взмахнул плетью, ударив глабрезу по руке. Глабрезу и сам был не мал и хотел броситься на противника, но увидел, что тот не собирается с ним драться.

— Это обман! — взвыл Эррту.

Огромный глабрезу, уже нетерпеливо щелкавший клешнями, приостановился и прислушался.

— Я должен был первым попасть на Материальный уровень, — прорычал Эррту.
— Но ты же в ссылке, — возразил глабрезу.
— Ллос обещала положить ей конец, — огрызнулся Эррту, и глабрезу пригнулся, решив, что демон сейчас набросится на него.

Но Эррту быстро успокоился:

— Да, конец! И я смогу вернуться не один, а с целой армией танар'ри. — Он помолчал. Он сочинял на ходу, но в голове уже складывался стройный план.

Бэнр снова позвала, и глабрезу пришлось напрячь всю свою волю, чтобы в тот же миг не прыгнуть в горящие врата.

— Она даст тебе убить только одну жертву, — быстро добавил Эррту, видя, что глабрезу колеблется.

— Лучше одну, чем вообще никого, — ответил тот.

— Даже если из-за нее я не смогу попасть на Материальный уровень? — спросил Эррту. — И не смогу взять тебя с собой, сделать своим генералом и устроить настоящее побоище?

Бэнр снова позвала, но глабрезу не сдвинулся с места.

Эррту поднял громадные руки, призывая его задержаться еще ненадолго. Он скрылся в тумане и вернулся с одной вещью, реликтом Смутного Времени, которую не так давно дал ему демон поменьше. Это была небольшая шкатулка. Эррту открыл ее и достал сверкающий черный сапфир. Пламя вокруг ворот сразу же утихло, а потом почти погасло. Эррту быстро сунул камень обратно в шкатулку.

— Когда придет время, достанешь его, — сказал он и добавил: — Мой генерал.

Он бросил шкатулку глабрезу, не совсем представляя, что выйдет из задуманного плана. Но больше Эррту все равно ничего не мог сделать. Да, он удержал демона и не сразу пустил его к Бэнр, но какой в этом смысл? Ей не так уж нужна помощь, чтобы справиться с обычным воином.

Зов с Материального уровня повторился, и на этот раз глабрезу шагнул прямо в горящие врата.

Эррту зло смотрел, как закрылся портал, отрезая еще одну возможность выйти на Материальный уровень. Но теперь он сделал все, что мог, хотя и не знал, достаточно ли этого. Он снова уселся на свой грибной трон, чтобы наблюдать и ждать. И надеяться.

* * *

Бренор на миг остановился. В тиши туннелей врагов не было видно, и Восьмой Король Мифрил Халла подумал: наверное, скоро уже рассвет и начнется еще один сухой холодный день. Быть может, он станет последним для клана Боевого Топора.

Бренор взглянул на четырех своих друзей, сделавших короткую остановку для еды и отдыха. А ведь все они не дворфы.

Но у Бренора не было других друзей, кроме Дзирта, Кэтти-бри, Реджиса и Гвенвивар. Бренор в первый раз подумал, как это странно. Дворфы не то чтобы враждебно относились к другим народам, но все же держались обособленно. Живой пример — генерал Дагнабит, который, будь его воля, выгнал бы Дзирта из Мифрил Халла, а у Кэтти-бри отобрал бы лук и снова вернул реликвию в Зал Думатойна. Дагнабит не доверял никому, кроме своих соплеменников.

А вот Бренор сражается за Мифрил Халл со своими друзьями не дворфами.

Эта дружба согревала сердце короля, но размышления навели его на другие воспоминания.

Бренор подумал о Вульфгаре, который был ему вместо сына, а женившись на Кэтти-бри, стал бы зятем и принцем Мифрил Халла. Впервые у дворфов был бы принц семи футов росту. Бренор никогда не знал горя сильнее, чем то, которое свалилось на его плечи после гибели Вульфгара. Королю оставалось жить не меньше века, но в те горестные дни дворф

чувствовал, будто смерть стоит у порога, и ждал ее как избавления.

Теперь же все изменилось. Бренор все еще тосковал по Вульфгару — и всегда его глаза будут туманиться при воспоминании о благородном юноше, — но он, как-никак, был Восьмым Королем Мифрил Халла, повелителем гордого, сильного народа. Горестное смирение и отчаяние Бренора перегорело и превратилось в гнев. Темные эльфы, те самые темные эльфы, что сгубили Вульфгара, вернулись. Эти бесчестные и коварные последователи злобной Ллос теперь, похоже, хотели убить Дзирта и разрушить Мифрил Халл.

Много раз за эту ночь Бренор омыл свой топор в крови дроу, но все еще не насытил свою ярость. Она только росла, медленно, но неуклонно. Дзирт пообещал, что они найдут главную жрицу, которая направляла завоевателей, и Бренор просто обязан был дожить до этого момента.

Почти все время, что шла подготовка к войне, Дзирт не вмешивался. Теперь тихо вел себя Бренор, предоставив Дзирту и пантере вести всех вперед.

Бренор подмечал, какие тревожные взгляды бросают на него друзья, опасаясь, что он снова поддастся отчаянию и мыслями витает где-то далеко. Но в действительности было совсем наоборот. Просто его не занимали мелкие стычки. Он был способен убить сотню и даже тысячу солдат-дроу, но так и не успокоиться. Вот если бы он мог добраться до жрицы, стоящей за всем этим, зарубить ее и оставить захватчиков без вожака...

Тогда в душе Бренора мог бы воцариться мир.

Восьмой Король Мифрил Халла вовсе не поддавался унынию. Он выжидал, он берег силы, он медленно распалялся. И ждал того мига, когда сможет испытать всю сладость возмездия.

* * *

Бэнр со свитой, сопровождаемая громадным глабрезу, только тронулась в направлении, указанном магическим пером, как Метил телепатически сообщил ей, что Матери Зирит и Оропол все время раздумывают о том, как бы сместить Бэнр. Если Зирит не удастся пробиться через нижний вход, она попросту организует отступление. По словам Метила, Оропол даже сейчас подумывает о том, как повернуть все войско обратно и оставить за спиной труп Бэнр.

«Они что-то замышляют против меня»? — мысленно спросила Бэнр.

«Нет, — честно ответил Метил, — но, если ты погибнешь, они с удовольствием вернутся в Мензоберранзан и установят новую иерархию».

Собственно, то, о чем говорил Метил, не было для нее большой неожиданностью. Не обязательно уметь читать мысли, чтобы не видеть ясно неудовольствие и сдерживаемое раздражение на лицах глав Четвертого и Пятого Домов. К тому же Бэнр всю свою жизнь ощущала ненависть тех, кто стоял ниже нее, даже так называемых союзников вроде Мез'Баррис, и собственных дочерей. То была неизбежная плата за место Первой Матери в лживом и завистливом Мензоберранзане, городе, постоянно воевавшем сам с собой.

Так что ничего неожиданного в фантазиях Оропол не было, но, когда их подтвердил иллидид, Бэнр, и без того обеспокоенная, вышла из себя. Ее извращенному рассудку эта война представлялась совершенно особенной. Сама Ллос желала войны, а Бэнр лишь исполняла ее волю. Этот поход должен стать вершиной власти Бэнр, наивысшим выражением ее славы. Как смеют они вынашивать такие кощунственные мысли, кипела старуха.

Она бросила гневный взгляд на Оропол, но та лишь презрительно вздернула подбородок и отвернулась — а этого как раз и не следовало делать.

Бэнр отдала мысленный приказ Метилу, а он передал его глабрезу. Летучие диски, сопровождаемые дочерьми Бэнр, как раз огибали поворот туннеля, когда мощные клешни демона схватили Оропол за тонкую талию и стащили с диска. Могучий глабрезу держал ее в

воздухе.

— В чем дело? — возмутилась Оропол, тщетно пытаясь вырваться.

— Ты хочешь моей смерти, — заявила Бэнр.

Квентель и Бладен Керст бросились к матери, пораженные, что она открыто подняла руку на Оропол.

— Она хочет моей смерти, — пояснила старуха дочерям. — Они с Зирит думают, что Мензоберранзану будет лучше без Матери Бэнр.

Оропол глянула на иллитида, поняв, кто ее выдал. Дочки Бэнр, которым на протяжении этого утомительного похода не раз приходили в голову похожие мысли, тоже с тревогой посмотрели на Метила.

— Мать Оропол возвестит всем твою славу, — вмешалась Квентель. — Она сама увидит смерть предателя и поймет, что Ллос с нами.

Оропол несколько успокоилась и снова попыталась вырваться из тисков демона.

Бэнр грозно посмотрела на нее, но Оропол покоряться не желала и дерзко глядела на старуху. Оропол была уверена, что Квентель права. Она действительно нужна старой Бэнр. Если она по-прежнему останется в войске, это укрепит также преданность Зирит и войско дроу будет сильнее и сплоченнее. Бэнр, конечно, старая прожженная дрянь, но при этом крайне расчетливая, она не поступится ни крупницей своей власти в угоду порывам. Вот, например, Гэндалуг Боевой Топор — его Бэнр уже много веков назад с наслаждением разодрала бы в клочки, и тем не менее он до сих пор жив.

— Мать Зирит будет рада услышать весть о смерти Дзирта До'Урдена, — произнесла Оропол и скромно опустила глаза. Она решила, что такого проявления почтительности будет достаточно.

— Матери Зирит довольно будет показать голову Дзирта До'Урдена, — ответила Бэнр.

Оропол глянула на нее. Дочери Бэнр тоже удивленно воззрились на мать.

Но старуха не обращала на них внимания. Она отдала мысленный приказ Метилу, тот — глабрезу, и демон начал медленно сжимать клешню.

— Как ты смеешь! — взвизгнула Оропол, хватая воздух ртом. — Ллос со мной! Ты своими руками ослабляешь свое войско!

Квентель целиком и полностью была согласна с ней, но не осмелилась ничего сказать, поскольку у глабрезу была еще одна клешня.

— Ты не смеешь! — визжала Оропол. — Зирит за это... — Но от боли она не смогла закончить.

— Дзирт До'Урден успел убить тебя прежде, чем я убила его, — пояснила Мать Бэнр Оропол. — Вполне правдоподобно, к тому же тем приятнее будет убить отступника. — Она кивнула глабрезу, и он сжал клешню, рассекая плоть и кости жертвы.

Квентель отвернулась; Бладен Керст, наоборот, улыбалась и смотрела как замороженная.

Оропол пыталась закричать, проклясть Бэнр перед смертью, но не смогла, потому что в этот миг демон сломал ей позвоночник. Щелкнув клешней, глабрезу бросил на пол две половины тела Оропол Дирр.

Бладен Керст взвизгнула от восторга, Квентель же негодовала. Бэнр перешла все границы. Она убила главу Дома, причем во вред их предприятию, просто по собственной прихоти. Квентель была предана Ллос всей душой. Она просто не могла понять такой недалекости, и в голове у нее были мысли, похожие на те, что привели Оропол Дирр к такому печальному концу.

Квентель предостерегающе посмотрела на Метила, читавшего ее мысли. Может, он и ее выдаст?

Она сосредоточилась.

«Это против воли Ллос! — мысленно прокричала она Метилу. — Моя мать больше не исполняет желания Паучьей Королевы!»

Квентель даже не подозревала, как много это значило для Метила, ведь он представлял

в Мензоберранзане свой народ, а не просто состоял при Матери Бэнр. Он действительно не обмолвился ни словом, и у Квентель камень с души свалился.

* * *

Гвенвивар прижала уши к голове, и Дзирт тоже услышал вроде как далекий крик. Они уже несколько часов никого не видели, ни врагов, ни друзей, поэтому дроу предполагал, что в любой группе темных эльфов могла быть та самая жрица, что направляла войска.

Он знаком показал остальным, чтобы они двигались с предельной осторожностью, и маленький отряд, крадучись, пошел следом за Гвенвивар. В Дзирте просыпались древние инстинкты. Он вновь превратился в охотника, выжившего в противоборстве с глухим Подземьем. Он шел и часто поглядывал на Бренора, Реджиса и Кэтти-бри. Они старались быть осторожными, но по чутким ушам Дзирта их шаги ударяли так, будто за ним шел отряд тяжеловооруженных воинов. Дзирт беспокоился, потому что их враги передвигались намного тише. Он даже подумал, не отправиться ли ему дальше вдвоем с Гвенвивар.

Но сразу же передумал. Это его друзья, и лучших соратников ему не найти.

Они проскользнули в обыкновенный узкий туннель, а потом в пещеру, далеко простиравшуюся влево и вправо. Но до противоположной от входа гладкой стены было рукой подать. Потолок в пещере был выше, чем в коридоре, хотя повсюду сверху свисали сталактиты, местами достававшие до пола.

Гвенвивар снова прижала уши и замерла у входа. Дзирт приблизился к ней и тоже почувствовал напряжение.

Враг был совсем близко. Чутье воина, гораздо более тонкое, чем обычные чувства, говорило ему, что неприятель буквально перед ними. Он сделал знак остальным, а сам с пантерой медленно и осторожно вошел внутрь, двигаясь вдоль стены направо.

Следом за ним к входу подошла Кэтти-бри, встала на колено и натянула тетиву лука. Она разглядывала комнату, залитую, благодаря Кошачьему Глазу, ярким звездным сиянием, внимательно всматриваясь в скопления сталактитов.

Бренор присоединился к ней, а Реджис мимо них двинулся налево. Он заприметил неподалеку в стене маленькую нишу и, крадучись, направился туда.

Из стены напротив входа ударил яркий зеленый свет, мигом разогнавший тьму. Он разошелся витками по спирали, и в стене появилось отверстие, откуда выплыла сидевшая на диске Мать Бэнр в сопровождении дочерей, иллитида и пленника.

Дзирт сразу узнал ее и понял, что оправдываются его худшие опасения. Враг был слишком силен. Он хотел было броситься напрямик на старуху, но почувствовал, что в этой части пещеры они с Гвенвивар не одни. Краем глаза Дзирт уловил какое-то шевеление среди сталактитов.

Кэтти-бри, почти не целясь, спустила серебряную стрелу, но она разлетелась фонтаном разноцветных брызг, остановленная магической преградой перед Матерью Первого Дома.

Реджис бросился в нишу, но вдруг там что-то взорвалось, и он закричал от боли. На хафлинге плясали искры, он задергался, потом свалился на пол. Темные волосы на его головке встали дыбом.

Гвенвивар метнулась вправо и завалила женщину-воина, выплывавшую из-за сталактитов. Дзирт снова хотел ринуться к Бэнр, но рядом с ним оказались еще три женщины из элитного гарнизона, до поры прятавшиеся в тени. Дзирт разочарованно тряхнул головой. Внезапность сыграла на руку врагам, а не ему с друзьями. Противники ждали их, они выследили его так же, как он выслеживал их. К тому же здесь оказалась сама Мать Бэнр!

— Спасайтесь! — крикнул Дзирт своим спутникам. — Бегите отсюда!

Глава 29 КОРОЛЬ ПРОТИВ КОРОЛЕВЫ

Утро медленно шло на смену бесконечной ночи, и дроу снова одерживали верх в сражении в Долине Хранителя. Похоже, Бергиньон оказывался прав, сказав, что сопротивление бесполезно, не помогли даже дополнительные силы дворфов и помощь свирфов. Войско дроу сомкнулось вокруг небольшого отряда глубинных гномов и теперь снова теснило линию обороны на восток, к скалистой стене.

Но тут случилось непредвиденное.

После целой ночи непрерывного сражения, после тщательного планирования его хода — сдерживание чародеев, использование всадников в наиболее подходящие моменты и отзыв их до времени решительного удара, — после того как на это войско возлагались такие надежды, все рухнуло в одночасье.

За зубчатыми вершинами к востоку от Долины Хранителя небо посветлело, и серебристая полоска возвестила о наступлении рассвета. А для дроу и других существ Подземья это было равнозначно катастрофе.

Один чародей, собиравшийся метнуть молнии на ближайших противников, оборвал заклинание и немедленно создал черный шар, чтобы закрыть им краешек показавшегося из-за горизонта солнца. Далеко в предрассветном небе повисла черная точка, и, пока колдун смотрел на нее, соображая, что еще можно предпринять, защитники долины бросились на него и прикончили.

Другой дроу бился с дворфом и почти его победил. Он был так поглощен схваткой, что не заметил приближающегося рассвета, пока из-за горизонта не ударил первый солнечный луч, огнем опаливший чувствительные глаза темного эльфа. Слепленный, дроу в панике начал размахивать оружием во все стороны, но так ни разу не попал по своему сопернику. И в следующий миг горячая боль разорвала его грудную клетку.

Конечно, темные эльфы и раньше видели окружающее в обычном спектре, но никогда при таком ярком свете, с такой ясностью, когда все краски стали такими живыми и неправдоподобными. Все они слышали об ужасающем явлении — рассвете, Бергиньон даже видел его одним глазом много лет назад, когда банда дроу совершила набег на поверхность. В тот раз они сбежали от света в спасительную тьму подземелий, но он на ходу оглянулся через плечо. Теперь же оружейник Дома Бэнр и его приближенные не знали, чего ждать. Может, этот адский свет не только ослепит, но и сожжет их живьем? Хотя старшие говорили, что свет сам по себе не опасен, просто он делает дроу более уязвимыми, а врагов смелее.

Бергиньон приказал своему отряду построиться и попытался перераспределить силы. Они все еще имели шансы на победу, хотя это вмешательство природы и стоило дроу многих жизней. Темные эльфы могли сражаться и вслепую, но Бергиньон боялся, что страшнее всего будет потеря боевого духа. Ни он, ни его солдаты в жизни не видели ничего похожего на яркие лучи солнца, бывшие из-за гор. Свет недостижимых звезд и тот страшил подземных жителей, теперь же дроу испытывали просто ужас.

Бергиньон спешно посоветовался с колдунами, выясняя, есть ли какой-то способ обезвредить рассвет. То, что он услышал, расстроило его не меньше, чем появление самого адского света. Колдуны в Долине Хранителя были связаны с магами в других местах, и от них они впервые узнали, что темные эльфы уходят в нижние туннели. Те дроу, что были остановлены обвалом туннелей у восточного входа, ушли из Мифрил Халла в глубокие переходы под восточным склоном Фортпика. Бергиньон понял, что это значит: дроу на обратном пути в Мензоберранзан.

Любые союзы между темными эльфами были весьма непрочны, и оружейнику оставалось лишь гадать, насколько массовым стало отступление. Бергиньон все еще верил, что его воины могли бы одержать победу в Долине Хранителя, несмотря на восход, но вдруг задумался: а что ждет их в Мифрил Халле, когда они окажутся внутри?

Мать Бэнр с войсками? А может, король Бренор, предатель Дзирт и целая орда дворфов, готовых броситься в драку? Ничего приятного в такой перспективе не было.

Поэтому победа в Долине Хранителя была одержана не числом и не только мужеством Берктгара или Беснелла, свирепостью Белвара и его свирфов, мудростью жрицы Стампет.

Защитники победили благодаря рассвету и разладу в рядах темных эльфов, тому, что у врагов не было единой цели и они боялись, что не придет подкрепление. Каждый дроу, от обычного рядового до Бергиньона, отлично понимал, что их союзники не задумываясь бросят их на верную гибель.

Когда Бергиньон Бэнр приказал отступать из Долины Хранителя, никто его ни о чем не спросил. Всадники на ящерах с липкими лапами, числом больше трехсот, направились на север, оставив далеко позади и врагов, и друзей.

Воздух еще дрожал, но звуки битвы сменились звонкой тишиной, временами разрываемой криками раненых. Берктгар Смелый стоял гордо выпрямившись, а рядом с ним стояли Стампет и Террьен Дукар, новый командир Рыцарей Серебристой Луны. Позади них напряженно ждали солдаты-победители.

Чуть в стороне стоял Белвар Диссенгальп во главе заметно поредевших рядов свирфов. В крепких руках Высокочитимого Хранителя Туннелей покоилось тело благородного Фербла, одного из многих гномов, погибших в эту ночь вдали от родины, но сражавшихся за нее.

Почти семифутовый варвар и гном, бывший в два раза его ниже, смотрели друг на друга. Они не могли поговорить, потому что не знали языков друг друга и не знали, какими знаками показать свое дружелюбие.

Но у них было нечто общее — земля, усеянная телами дорогих друзей и ненавистных врагов.

* * *

По контурам тела Дзирта разлилось нежгучее волшебное пламя. Он опустил на себя сферу мрака, чтобы хоть как-то оградиться от трех нападавших.

Выхватив сабли, он вдруг почувствовал странное напряжение, но не Сверкающего Клинка, а другой сабли, той, что он нашел в логове дракона Ледяная Смерть, той, что была гибелью огненных существ.

Клинок жаждал боя; Дзирт не чувствовал такого напряжения с тех самых пор...

Он отразил первый удар и невольно застонал, вспомнив, когда именно клинок так же жаждал: тогда он дрался с демоном Эррту. Дзирт хорошо понял, что это значит.

Бэнр привела с собой друзей.

* * *

Кэтти-бри выстрелила еще раз, целясь прямо в хохочущее лицо старухи. Волшебная стрела снова просто-напросто рассыпалась дождем искр. Девушка повернулась, чтобы бежать, как велел Дзирт. По пути она схватила отца за плечо.

Но Бренор не двинулся с места. Он смотрел на Бэнр и понимал, что это она всему причина. Он смотрел на нее и говорил себе: она убила моего мальчика. Потом Бренор увидел за спиной Бэнр старого дворфа. Он был почему-то ему знаком. Каким-то внутренним чутьем Восьмой Король Мифрил Халла угадал родоначальника своего клана, хотя разумом это никак не обосновывалось.

— Беги! — заорала ему Кэтти-бри, ненадолго оторвав Бренора от размышлений. Он взглянул на дочь, а потом посмотрел в глубь туннеля.

Он услышал, что где-то там, вдалеке, идет битва.

Тут Квентель применила свои чары, и в узком туннеле стеной встал огонь, отрезая путь к отступлению. Но Бренора это ничуть не обеспокоило. Он высвободился из руки Кэтти-бри и снова повернулся к Бэнр — злобной карге, которая, как он себе говорил, убила его мальчика.

Он сделал шаг вперед.

Бэнр рассмеялась ему в лицо.

* * *

Дзирт отражал и наносил удары, потом, пользуясь прикрытием черной сферы, отступил в сторону так быстро, что нападавшая со спины женщина даже не заметила его перемещения. Она сделала выпад вперед и пронзила другую женщину, которую Дзирт только что ранил.

Ориентируясь по звукам, Дзирт сделал шаг назад, вращая клинками. К чести женщины, она вовремя собралась и отразила первый удар, а за ним и остальные.

Но Дзирт не отступал. Он понимал, что драться с таким жаром опасно. Внутри черного шара была еще одна противница, и сосредоточиться на ближайшей значило подставить спину второй. Но воин понимал также, что он отчаянно нужен своим друзьям, что каждый миг, пока он занят схваткой, может стать последним для них.

Женщина отразила пятый, широкой дугой слева, удар и шестой — прямой выпад правой руки — тоже. Но Дзирт нещадно теснил ее, и оба они понимали, что ее единственная надежда — в ее напарнице.

Однако сдавленный крик и рык Гвенвивар не оставили женщине и этой надежды.

Дзирт надел с удвоенной силой, а женщина все отступала, спотыкаясь в крошечной тьме, и вдруг испугалась. И как раз в этот момент она сильно стукнулась головой о низко висевший сталактит, который она почувствовала бы, если б держала себя в руках. Женщина все же выпрямилась, выставив вперед меч, чтобы отразить бешеные выпады Дзирта.

Но промахнулась. А он нет. Сверкающий Клинок пробил тонкую кольчугу и глубоко вонзился в легкое.

Дзирт выдернул клинок и обернулся.

Сфера мрака исчезла, уничтоженная долго ожидавшим танар'ри.

* * *

Бренор сделал еще шаг и побежал. На него обрушилась огненная струя, и Кэтти-бри вскрикнула, решив, что он погиб.

Вне себя от гнева и горя, девушка выстрелила снова, но опять только искры посыпались. Сквозь слезы негодования, наполнившие ее прекрасные голубые глаза, девушка не разглядела, что Бренор бежит дальше, невредимый.

Но дворфа остановила Бладен Керст, заключив его в куб прозрачного вязкого вещества. Бренор пытался двигаться вперед, но его шаги так замедлились, что это было почти незаметно. Три жрицы дроу потешались над ним.

Кэтти-бри еще раз выстрелила — и на этот раз попала в вязкую гадость. Стрела вошла на несколько футов и застряла над самой головой отца.

Кэтти-бри посмотрела на Бренора, потом на Дзирта и жуткого двенадцатифутового демона, вдруг возникшего справа, на Реджиса, все еще стонавшего и пытавшегося встать на четвереньки. Спину жгло пламя, полыхавшее в коридоре, и откуда-то доносился шум битвы.

Им нужна была короткая передышка, какая-нибудь малость, чтобы собраться. Вот оно, подумала девушка, видя, что Гвенвивар, справившись со своей жертвой, зарычала и припала к земле, готовая броситься на танар'ри.

Однако, едва кошка взмыла вверх, одна из жриц что-то небрежно подбросила в воздух, и пантера прямо в полете превратилась в серый туман и исчезла, уйдя на Астральный уровень.

— Мы все умрем, — прошептала Кэтти-бри. Слишком уж силен враг. Она бросила Тулмарил на пол и выхватила Хазид'хи. Глубоко вздохнув, она успокоилась, напомнив себе, что всю свою сознательную жизнь играла со смертью. Взглянув на отца, она приготовилась ринуться вперед и умереть.

Между ней и куском клея возникла странная фигура, и при виде мерзкого осьминогочеловека решительность на лице девушки сменилась отвращением. Чудище

медленно двинулось — поплыло — на Кэтти-бри.

Девушка подняла меч и остановилась. Ничего подобного она в жизни не испытывала — мощная волна телепатической энергии едва не сбила ее с ног.

Метил вступил в бой.

* * *

Покинув Долину Хранителя, подразделение Бергиньона перестроилось. Шум сражения остался позади, им осталось преодолеть последний отрезок до входа в туннели, ведущие обратно в Подземье. Рядом открылись межуровневые двери, и оттуда вышли чародеи (а также те дроу, которым повезло оказаться поблизости, когда колдуны произносили заклинания). Отставшие солдаты, дроу из обоза и разбежавшиеся рабы пытались нагнать основное войско, но не могли передвигаться по неприступным скалам северного склона. Их судьба не волновала оружейника Дома Бэнр.

Все, кому удалось вырваться из Долины Хранителя, ждали от Бергиньона дальнейших указаний. Между тем день разгорался все ярче.

— Моя мать ошиблась, — высказался Бергиньон. В обществе дроу, где любой указ повелительницы воспринимался как воля самой Ллос, подобное изречение звучало кощунством.

Но никто не вмешался. Бергиньон махнул на восток, и отряд потащился дальше, навстречу восходящему солнцу, разбитый и подавленный.

— Верхний мир предназначен для обитателей поверхности, — заметил молодой Бэнр одной из своих ближайших советниц, подъехавшей поближе к нему. — Никогда не вернусь сюда.

— А как же Дзирт До'Урден? — спросила она, поскольку все знали, как Мать Бэнр хотела, чтобы именно ее сын убил отступника.

Бергиньон громко рассмеялся. Он еще в Академии видел, на что способен Дзирт, и никогда всерьез не думал сойтись с ним в поединке.

* * *

Дзирт почти ничего не видел из-за громадного глабрезу, но и того, что было прямо у него перед глазами, ему было достаточно, поскольку Дзирт прекрасно понимал, что с таким врагом ему не справиться и могучий демон наверняка уничтожит его.

Даже если глабрезу не убьет его, они будут долго бороться, а за это время Мать Бэнр перебьет их всех!

Дзирт чувствовал нетерпеливый голод своей сабли, чьим предназначением было убивать таких вот тварей, но он не бросился на демона, не зная, как уклониться от жутких клешней.

Он видел, как прыгнула Гвенвивар и исчезла. Еще одним другом меньше.

Схватка была предreshена еще до начала. Сообща они убили нескольких женщин-солдат, и все. Безрассудно сунувшись в средоточие власти Мензоберранзана, самых высоких жриц Паучьей Королевы, они проиграли. Дзирта захлестнуло чувство вины, но он решил не поддаваться. Они вышли на поиски во внешние туннели лишь потому, что это была единственная возможность спасти Мифрил Халл. Даже если бы Дзирт с самого начала знал, что во главе захватчиков стоит сама Мать Бэнр, он все равно отправился бы на поиски и не стал бы прогонять Бренора, Реджиса и Кэтти-бри, если бы друзья решили сопровождать его.

Пусть они и проиграли, но Дзирт не хотел так просто сдаваться.

— Давай же, дьявольское отродье! — прорывал он глабрезу и прыгнул, размахивая саблями, твердо решив дать клинку насытиться сполна.

Танар'ри выпрямился и достал странную металлическую шкатулку.

Дзирт среагировал мгновенно и тем самым чуть было не лишил себя и своих друзей

единственного шанса на спасение. Потому что, как только танар'ри сделал движение, чтобы открыть шкатулку, Дзирт, на лодыжках которого были надеты волшебные браслеты, с криком бросился вперед и поверх опущенных клешней всадил саблю прямо в брюхо демона.

Клинок вбирал в себя силу твари, Дзирт это отчетливо ощущал.

* * *

Метил подошел к девушке и гадкими щупальцами начал поглаживать ее лицо, но ее воля была настолько смята, что она не могла не только ударить урода, но даже закричать. И вдруг сквозь сумбура в голове она услышала один-единственный призыв, голос своего меча Хазид'хи: «Рази!»

Она так и поступила, и, хотя удар получился не очень точным, Хазид'хи чуть не отхватил руку иллитида.

Очнувшись от морока, Кэтти-бри свободной рукой оторвала щупальца от лица.

Новая волна сразила ее, девушка вновь почувствовала слабость, ноги ее подогнулись. Но прежде чем упасть, она увидела, что иллидид отчаянно дернулся и свалился, а за ним, покачиваясь, со вздыбленными волосами, стоит Реджис. Булава хафлинга была в крови, и он тоже кинулся вниз, навалившись на Метила.

Тут бы и настал иллидиду конец, потому что Кэтти-бри уже пришла в себя, но он предвидел подобный исход и сберег достаточно сил для того, чтобы просто исчезнуть. Реджис взмахнул булавой, но упал, потому что иллидид под ним как бы растворился. Хафлинг испуганно вскрикнул, но удержаться уже не мог и со звоном стукнул по каменному полу.

* * *

Все произошло в одно мгновение, такое краткое, что бедный Бренор не успел ни на йоту продвинуться к потешавшимся над ним врагам.

Глабрезу почувствовал такую дикую боль, какой никогда еще не испытывал. Он хотел убить Дзирта, сжать клешню и рассечь дерзкого дроу пополам. Сдерживало его лишь одно: страх перед ожидавшим его в таком случае гневом Эррту по возвращении в Бездну. А он понимал, что вернуться ему придется скоро, — так жадно клинок пожирал его изнутри.

О, как ему хотелось располовинить Дзирта, но ведь его послали сюда не за этим. Злобный Эррту не примет никаких оправданий. С ревом, утешаясь лишь тем, что Эррту вскоре лично накажет отступника, глабрезу дотянулся до шкатулки, распахнул ее и извлек сверкающий черный сапфир.

Клинок Дзирта внезапно успокоился. Движения ног замедлились.

Самым острым напоминанием о Смутном Времени во всех Королевствах остались так называемые мертвые зоны, где любая магия прекращала свое действие. В сапфире содержалась черная энергия такой зоны, антимагия, поглощавшая волшебную силу, и против нее были бессильны и сабли Дзирта, и браслеты, и Хазид'хи, и даже все ухищрения жриц.

Это длилось всего лишь одно мгновение, когда танар'ри достал камень, освобождавший его от пребывания на Материальном уровне. В следующую секунду глабрезу исчез и унес с собой сапфир.

На краткий миг погасло пламя в туннеле за спиной Кэтти-бри. На миг ослабли заговоренные оковы Гэндалуга. На миг исчезла вязкая масса вокруг Бренора.

Всего лишь на краткое мгновение, но Гэндалугу, много веков копившему гнев в душе, этого было достаточно, чтобы разорвать ослабшие кандалы, а Бренору — чтобы ринуться вперед, так что, когда прозрачный липкий куб снова материализовался, король дворфов был уже далеко от него и с воплем что есть духу мчался к жрицам.

Мать Бэнр совершенно неподобающе своему положению брякнулась на пол, а ее диск секунду спустя появился вновь уже над ее головой.

Гэндалуг размахнулся и ткнул в лицо стоявшую слева Квентель, отбросив ее к стене. Затем он прыгнул вправо и ухватил ручку пятихвостой плети Бладен Керст, не обращая внимания на парализующие укусы змей.

Старый дворф совсем не чувствовал боли и продолжал наступать на ошеломленную дочь Бэнр. Он закинул руку ей через плечо, перехватил второй ручку плети и изо всех сил вдавил ее в горло женщины.

Они вместе упали на пол, сцепившись намертво.

* * *

Ни одно существо во всех Королевствах, даже древний дракон с толстой чешуей, не было окружено таким количеством магических заграждений, как Мать Бэнр. Но в момент, когда воцарилась антимагия, все ее щиты исчезли.

И во всех Королевствах не было существа более разъяренного, чем Бренор Боевой Топор. Его приводил в бешенство вид ран старого дворфа. Он был в бешенстве от мысли, что все его друзья и любимая дочь если еще не погибли, то скоро будут мертвы. Он приходил в бешенство при одном взгляде на дряхлую жрицу, которая в его воображении стала тем самым существом, что отобрало у него его дорогого мальчика.

Он со всей силы размахнулся своим топором с тысячей зарубок, и от его удара сияющий голубой диск раскололся и пропал. Бренор почувствовал жар, когда топор пробил одно из волшебных заграждений, и магическая сила перелилась сначала в оружие, а затем и в самого рассвирепевшего короля.

Рассекая магическую защиту, топор переливался зеленым, оранжевым и голубым огнем. Заклятия не могли устоять перед бешеной яростью короля. Бренор чувствовал жгучую боль, но не поддавался ей.

Топор прошел сквозь тоненькую ручонку, которой Бэнр пыталась заслониться, сквозь череп, челюсть и глубоко вошел в ее тщедушную грудь.

* * *

Квентель оправилась от удара и машинально бросилась к сестре. Но в это мгновение она увидела, что матери больше нет, и тогда рванулась обратно к стене и через зеленый светящийся портал в коридор за ней. Вступив в него, она бросила горсть какого-то серебристого порошка, чтобы закрыть портал и снова сделать стену неприступной и гладкой.

Камень стал сворачиваться по спирали внутрь.

Только Дзирт До'Урден, перемещавшийся с молниеносной быстротой благодаря магическим браслетам на лодыжках, успел вскочить вслед за Квентель прежде, чем стена снова сомкнулась.

* * *

Джарлакс и его помощники были неподалеку. Они уже знали, что отряд диких дворфов и оборотень напали на группу элитных солдат Бэнр в туннелях поблизости, сокрушили дроу и теперь быстро двигались к пещере.

Выглядывая из укрытия высоко в стене туннеля, Джарлакс понимал, что все интересное дворфы все равно уже пропустили. Он видел, как появилась Квентель, а по пятам за ней — Дзирт, и в это мгновение Джарлакс осознал, что завоевательной кампании пришел конец.

Один из лейтенантов Джарлакса вскинул маленький самострел, прицеливаясь в Дзирта. Лучшего момента для выстрела и придумать нельзя было — отступник был так увлечен погоней за дочерью Бэнр, что даже не понял бы, откуда на него напали.

Но Джарлакс схватил лейтенанта за запястье и силой пригнул его руку. Он молча указал на туннель, и его несколько растерянные, но безоговорочно послушные солдаты тихо

двинулись в ту сторону.

Уходя, Джарлакс услышал предсмертный крик Квентель.

— Отступник! — взвизгнула она, глядя в лицо своего убийцы, Дзирта До'Урдена, но это слово вполне подошло бы и к нему, Джарлаксу.

Да будет так.

* * *

Рассвет был ярким, но день выдался очень холодным. Еще холоднее было наверху, куда по крутому склону карабкались Стампет и Террьен Дукар, поднимаясь по почти отвесной скале.

— А ты уверен? — спрашивала Стампет Террьена, эльфа-полукровку с блестящими каштановыми волосами и таким светлым лицом, что даже страшные события минувшей ночи не оставили на нем тени.

Рыцарь не стал отвечать, лишь коротко кивнул, потому что за последние двадцать минут Стампет задавала этот вопрос уже в десятый раз.

— А склон тот? — осведомилась она, тоже далеко не впервые.

Террьен снова кивнул и сказал, что уже недалеко.

Стампет добралась до узкого карниза, влезла на него и прижалась спиной к скале. Носки ее сапог висели над двухсотфутовым провалом, под ней расстилалась Долина Хранителя. Маленькая женщина понимала, что ей следует сейчас быть там и помогать раненым, однако если Террьен прав и леди Аластриэль действительно упала где-то здесь, то этот подъем в горы может стать самым важным делом в жизни Стампет Скребуший Коготь.

У ее ног Террьен тоже пытался забраться на уступ, и она нагнулась и, напрягая крепкие мускулы, втянула хрупкого рыцаря на карниз. Оба тяжело дышали, выдыхая в холодный воздух клубы пара.

— Мы удержали Долину Хранителя, — подбодрила эльфа Стампет, не в силах смотреть на его искаженное болью лицо.

— А сама бы ты радовалась победе, если бы видела, как умирает Бренор Боевой Топор? — отозвался эльф, клацая зубами от холода.

— Да почему ты так уверен, что Аластриэль мертва? — выпалила жрица, сдергивая со спины мешок. Правда, она собиралась заняться магией позже, когда они подберутся поближе к тому месту, где, по словам эльфа, упала колесница госпожи Серебристой Луны. Порывшись в мешке, она извлекла небольшую чашу из серебристого мифрила и сняла с плеча толстый бурдюк.

— Вода, наверное, замерзла, — заметил эльф.

Коротышка только фыркнула. Святая вода дворфов не замерзает, по крайней мере та, что она сама приготовила. Жрица выдернула пробку и стала лить золотистую жидкость в чашу, приговаривая заклинания. Ей очень повезло, образ появился на мгновение и был очень нечетким, зато она узнала место и поняла, как туда добраться.

Они сразу же сорвались с места, Стампет даже не стала забирать с собой бурдюк и чашу. Эльф поскальзывался и не падал лишь благодаря крепкой руке жрицы, но и саму ее не раз спасало проворство Террьена Дукара.

В конце концов они нашли уступ, на котором неподвижно лежало холодное тело Аластриэль. Небольшое обгорелое пятно было единственным следом ее колесницы. Никаких остатков повозки не было, поскольку и кони, и колесница целиком были порождением магии, в них не было ничего земного.

Эльф бросился к своей госпоже и бережно подложил руку ей под голову. Стампет быстро достала маленькое зеркало и поднесла к лицу женщины.

— Она жива! — радостно сообщила жрица и швырнула Террьену свой мешок.

От ее слов эльф словно воспламенился. Он осторожно опустил голову Аластриэль, порывшись в мешке, выдернул из него несколько толстых одеял, обернул свою госпожу и начал

энергично растирать ее ледяные руки. Тем временем Коротышка воззвала к своим богам и, прося у них целительной силы и тепла, стала переливать во владычицу Серебристой Луны всю свою энергию до капли.

Через несколько минут Аластриэль приоткрыла прекрасные глаза. Глубоко вздохнув, она что-то спросила так тихо, что ни Коротышка, ни рыцарь ничего не услышали. Тогда эльф пригнулся к самым ее устам и разобрал слова:

— Мы выстояли?

Террьен выпрямился и широко улыбнулся.

— Долина Хранителя — наша! — объявил он, и глаза Аластриэль заискрились. Потом она безмятежно заснула, понимая, что энергичная дворфская женщина позаботится о ней, и уверенная в том, что, какова бы ни была ее личная судьба, она послужила высшему благу.

Благу всех добрых людей.

Эпилог

Обнаружив в туннелях далеко от Мифрил Халла поджидавшего его Джарлакса с солдатами Бреган Д'эрт, Бергиньон Бэнр ничуть не удивился. Едва молодой Бэнр узнал о том, что войска повернули назад, он сообразил, что трезвомыслящий наемник наверняка был среди них.

Джарлаксу о приближении Бергиньона сообщил Метил. Наемник был поражен, что Бергиньон Бэнр, сын Матери Бэнр и оружейник Первого Дома, тоже обратился в бегство. Почему-то Джарлакс думал, что Бергиньон будет до последнего драться за Мифрил Халл и погибнет, как и его мать.

Какая глупость.

— Война проиграна, — бросил Бергиньон. Он неуверенно взглянул на Метила, поскольку вообще не ожидал увидеть его здесь, вдали от жриц. Еще его выбил из колеи вид страшных ран Метила: одна рука уродо безвольно повисла, а на осьминожьей голове зияла дыра, из которой сочилось нечто гадкое. Бергиньон даже не предполагал, что к Метилу можно подобраться незамеченным и так его изувечить.

— Твоя мать мертва, — без лишних разговоров сообщил Джарлакс, отрывая молодого Бэнра от созерцания изуродованного иллитида. — Твои сестры и Оропол Дирр тоже.

Бергиньон кивнул без особого интереса.

Джарлакс подумал, не добавить ли, что главу Пятого Дома убила Бэнр, но решил об этом умолчать. Быть может, в будущем он сможет использовать эти сведения против Бергиньона.

— Мать Зирит Ксорларрин организовала отступление от нижнего входа в Мифрил Халл, — продолжил он.

— А я с войском нагнал тех дроу, что безуспешно штурмовали восточный вход, — добавил Бергиньон.

— Ты их наказал? — поинтересовался Джарлакс, поскольку не был уверен, как относится молодой Бэнр ко всеобщему отступлению, а то не исключено, что Бреган Д'эрт придется принять еще один бой здесь, в туннелях.

Бергиньон презрительно фыркнул, и Джарлакс облегченно вздохнул.

Они вместе последовали дальше, обратно в привычную тьму Мензоберранзана. Вскоре они соединились с войском Зирит, позже в течение нескольких дней к ним подошли другие отряды темных эльфов и рабы. Около двух тысяч дроу, четверть из которых были солдатами Бэнр, погибли во время набега на Мифрил Халл. Примерно в два раза больше рабов было убито на поверхности, на южном склоне Фортпика и в Долине Хранителя. Примерно столько же человекообразных после сражения сбежало на поверхность или в туннели, полагаясь на удачу и предпочитая неизвестный мир или дебри Подземья тому рабскому существованию, что они влачили в Мензоберранзане.

Все вышло не так, как хотела Мать Бэнр.

Бергиньон двигался вместе со всеми, предоставив командовать Зирит.

— Мензоберранзану понадобится много лет, чтобы оправиться от последствий прихоти Матери Бэнр, — чуть позже заметил Джарлак Бэнру, когда они остались вдвоем в просторной пещере, а войско расположилось на привал в пещерках и коротких сообщающихся переходах.

Бергиньон не стал ни спорить, ни злиться. Он знал, что Джарлак прав, и предвидел, что в ближайшее время Дому Бэнр придется многое пережить. Мать Зирит была вне себя, так же будут чувствовать себя Мез'Баррис Армго и остальные, когда узнают о провале.

— Предложение остается в силе, — произнес Джарлак и вышел, оставив Бергиньона наедине со своими мыслями.

Младший Бэнр почти не сомневался, что Дом Бэнр оправится. Триль примет власть в свои руки. Хоть они и потеряли около пятисот отличных солдат, оставалось еще почти две тысячи, включая триста всадников. К тому же Мать Бэнр заручилась поддержкой очень многих, так что даже после ее смерти Дом Бэнр вряд ли будет ниспровергнут.

Однако серьезные трудности все равно возникнут. Мать Бэнр была мощной цементирующей силой. А теперь, когда ее не стало, кто знает, что может выкинуть непредсказуемый Громф?

А Триль? Найдется ли Бергиньону место в планах сестры? Теперь она может родить собственных детей и привести их к власти. Первый же ее сын будет воспитываться как будущий маг или оружейник.

И сколько тогда времени будет у Бергиньона в запасе? Пятьдесят лет? Ну, может, сотня? Не так уж много для долгой жизни дроу.

Бергиньон посмотрел на арку входа, куда вышел наемник, и серьезно задумался, не принять ли предложение Джарлакса и не присоединиться ли к Бреган Д'эрт?

* * *

Мифрил Халл был охвачен противоречивыми чувствами: здесь оплакивали мертвых и славили победу. Все скорбели по Беснеллу, Ферблу, Регволду Гарпеллу и другим доблестным защитникам. Все восхваляли короля Бренора и его друзей: Берктгара Смелого, леди Аластриэль, еще не оправившуюся от ран, и Стампет Скребущий Коготь, отличившуюся и в Нижнем Городе, и в Долине Хранителя.

Но больше всех прославляли Гэндалуга Боевого Топора, родоначальника клана, словно восставшего из могилы. Удивительно было видеть как бы оживший памятник из Зала Королей!

Оба короля сидели рядом в тронном зале, с Аластриэль (которой Стампет выговаривала за нежелание отдыхать) по правую руку и Берктгаром — по левую.

Веселье царило во всем комплексе, от Нижнего Города до тронного зала. Это было великое время, ведь Бренор Боевой Топор и Белвар Диссенгальп наконец встретились. Аластриэль сделала так, что, несмотря на незнание языка, они понимали друг друга, поэтому смогли заключить вечный союз между Блингденстоуном и Мифрил Халлом. А также поговорить об их общем друге, Дзирте, особенно когда тот оказывался неподалеку.

— Доводит меня эта чертова кошка, — громко буркнул Бренор, зная, что Дзирт слышит.

Дроу неспешно приблизился к ним, поставил одну ногу на ступеньку трона и наклонился очень близко к Белвару.

— Гвенвивар унижает Бренора, — сказал Дзирт на языке дроу, который Белвар немного понимал и на который чары Аластриэль не распространялись. — Она часто использует его вместо матраса.

Бренор, понимая, что говорят о нем, но не разбирая ни слова, запротестовал. А тут еще Гэндалуг, тоже немного знавший язык дроу, присоединился к веселью.

— Только думаю, что его голова не годится для подушки, — ухал старый дворф. — Чересчур уж твердая!

— Клянусь Моррадином, надо было мне остаться с проклятыми темными эльфами, — проворчал обиженный Бренор.

Улыбка в тот же миг сошла с губ Гэндалуга.

Празднество в Мифрил Халле продолжалось, сильные чувства, радостные и грустные, владели всеми.

Кэтти-бри наблюдала за всем со стороны и чувствовала странное отчуждение. Само собой, она радовалась победе, ей было интересно еще раз поглядеть на свирфов и особенно на родоначальника клана ее отца, чудесным образом вернувшегося в Мифрил Халл. Вместе с тем девушка чувствовала, что завершён какой-то этап. Положен конец угрозе со стороны темных эльфов, дружба между Мифрил Халлом и соседями, даже с Несмом, укрепилась, как никогда. Бренор и Берктгар вели себя как лучшие друзья, и Бренор даже намекнул, что мог бы отдать варвару Клык Защитника.

Правда, Кэтти-бри не думала, что когда-нибудь до этого дойдет. Бренор намекнул на возможность щедрого дара лишь потому, что знал — это ничего не будет ему стоить. После славного сражения в Долине Хранителя собственный меч Берктгара Баккенфуэре вполне мог сам стать легендой.

Но для Кэтти-бри все равно ни одно оружие не могло сравниться с Клыком Защитника.

Притихшая и задумчивая, девушка все же не поддавалась сентиментальному настроению. Конечно, как и все в Мифрил Халле, в эту ночь она лишилась многих друзей. Но, как и все, она была закаленным воином и понимала, что такова жизнь и существует высшее благо, за которое стоит сражаться. Она смеялась, видя, как свирфы от отчаяния рвут редкие волосенки на головах, безуспешно пытаясь научить пьяных дворфов разбираться в дрожании камня. Она смеялась, когда Реджис ввалился в тронный зал, зажав под мышками свертки с едой, хотя уже так наелся, что пуговицы на его жилете чуть не отрывались. Она смеялась, когда мимо нее промчался Биддерду Гарпелл, а за ним на коленях полз Тибблдорф Пвент, умоляя укусить его.

Но где-то в глубине души оставались задумчивая тишина и ощущение того, что что-то закончилось, и девушке, только открывавшей для себя большой мир, было неудобно.

* * *

Посреди вонючего дыма Бездны появилась прекрасная женщина-дроу, зло в нежном обличье, и Эррту затаил дыхание, сидя на грибном троне.

Он не знал, чего ждать от Ллос; они оба видели, чем закончился поход.

Демон следил, как она шла сквозь туман, ведя за собой узника — обещанный ею подарок. Она улыбалась, но никто не мог бы сказать, что значила улыбка Владычицы Хаоса.

Эррту выпрямился и принял независимый вид, решив, что он все сделал, как было велено. Если Ллос станет обвинять его в том, что произошло, он будет спорить. Хотя, если она узнала о черном сапфире, который он дал глабрезу...

— Плата с тобой? — громыхнул демон.

— Конечно, Эррту, — ответила Паучья Королева.

Эррту недоверчиво склонил огромную рогатую голову. Она подтолкнула пленника вперед, к громадному демону. Вроде бы ни в ее тоне, ни в действиях не было никакого подвоха.

— Похоже, ты рада, — осмелев, заметил Эррту.

Ллос широко ухмыльнулась, и Эррту все понял.

Ну конечно, она рада! Эта злодейка, коварнейшая из коварных, действительно была довольна тем, что получилось. Матери Бэнр больше нет и порядка в Мензоберранзане — тоже. Сейчас город дроу погрязнет в таком хаосе, такой паутине сложнейших интриг, лжи и постоянных войн между Домами, какой еще не бывало.

— Ты с самого начала знала, что так и будет! — упрекнул ее демон.

Ллос громко рассмеялась.

— Не совсем так, — сказала она. — Разве я могла предположить, что Эррту будет так ревностно оберегать того, кто избавит его от заключения?

Эррту испуганно уставился на нее, распахнул свои кожистые крылья и обернулся ими, как бы желая защититься.

— Не бойся, мой демонический друг, — проворковала Ллос. — Я дам тебе возможность оправдаться в моих глазах.

Эррту глухо зарычал. Чего еще хочет от него Паучья Королева?

— Несколько недель я буду занята, — продолжала Ллос. — Надо положить конец неразберихе в Мензоберранзане.

— Ты же этого не хочешь, — фыркнул демон.

— Ну тогда буду развлекаться, наблюдая за неразберихой, — покладисто согласилась Ллос. И, словно припоминая, добавила: — И за тем, что ты должен сделать для меня.

Демон снова зарычал.

— Когда ты будешь свободен, Эррту, — спокойно произнесла Ллос, — и Дзирта До'Урдена опутают хвосты твоей плети, то убивай его медленно, чтобы я могла насладиться каждым его криком. — С этим словами Паучья Королева вскинула руки и пропала в треске черных молний.

Морда Эррту искривилась злобной ухмылкой. Он взглянул на несчастного пленника, который должен был сломить волю и разбить сердце Дзирта До'Урдена.

Иногда Паучья Королева просит так мало.

* * *

Минуло уже две недели со дня победы, а празднества в Мифрил Халле еще продолжались. Многие разъехались: сначала уехали двое выживших гвардейцев Несма и лонграйдеры вместе с Гарклом и Беллой дон Дель Рой (Пвенту в конце концов удалось уговорить Биддерду ненадолго задержаться). Потом отбыла Аластриэль вместе с семьюдесятью пятью своими рыцарями. Она отправилась в Серебристую Луну с гордо поднятой головой, готовясь встретить, не дрогнув, все упреки ее политических противников, потому что не сомневалась, что поступила правильно, поспешив на помощь Бренору.

Зато свирфы не торопились уходить. Им нравилось в гостях у клана Боевого Топора, и варвары Сэттлстоуна уговорили их остаться, покуда не будет выпит весь мед Мифрил Халла.

Вдали от гор, заключавших в себе дом дворфов, посреди холодной, обдуваемой ветром равнины на великолепной лошади — одной из тех, что принадлежали погибшим Рыцарям Серебристой Луны, — скакала Кэтти-бри. Она сидела в седле уверенно, приняв окончательное решение, но боль все равно разрывала ей сердце, когда она оглядывалась назад, на свой дом. Она ощупывала взглядом каменистые тропинки, петлявшие по гористому склону, и с улыбкой заметила, ничуть не удивившись, спускавшегося по одной из них всадника.

— Так и знала, что ты поедешь за мной, — обратилась она к подъехавшему ближе Дзирту До'Урдену.

— У каждого из нас свое место, — ответил Дзирт.

— Но мое не в Мифрил Халле, — упрямо произнесла Кэтти-бри. — И ты меня не уговоришь, и не пытайся!

Дзирт помолчал, внимательно вглядываясь в решительное лицо девушки.

— Ты сказала Бренору? — спросил он.

— Конечно, — возмутилась она. — Неужели ты думаешь, что я могу покинуть отцовский дом без его благословения?

— Спорю, что благословил он тебя не слишком-то охотно, — заметил Дзирт.

Кэтти-бри выпрямилась в седле и, сжав зубы, сказала:

— У отца много дел. К тому же у него есть Реджис и ты... — Она замолчала, заметив притороченный к седлу Дзирта плотно упакованный дорожный мешок. — И с ним Гэндалуг и Берктгар, — закончила она. — Они еще даже не решили, кто из них будет править, а кто только наблюдать. Хотя, думаю, Гэндалуг уступит трон Бренору.

— Это было бы мудрое решение, — согласился Дзирт.

Они помолчали.

— Берктгар подумывает об уходе, — внезапно сообщил Дзирт. — Хочет вернуться в Долину Ледяного Ветра и жить так, как жили его предки.

Девушка кивнула. До нее тоже дошли такие слухи.

Снова повисла неловкая пауза. Кэтти-бри отвернулась от дроу, решив, что он ее осуждает. Она подумала о том, что была Бренору плохой дочерью, своенравной и эгоистичной.

— Отец не пытался меня остановить, — выпалила она, чтобы покончить с этим разговором. — И ты не сможешь!

— Разве я говорил, что пришел ради этого? — спокойно ответил Дзирт.

Кэтти-бри замолчала. Когда она впервые сказала Бренору о том, что хочет на время уехать из Мифрил Халла и посмотреть мир, сварливый дворф так рвал и метал, что Кэтти-бри даже опасалась, не рухнут ли стены.

Спустя два дня, когда Бренор влил в себя не так много святой воды, они снова увиделись, и, к изумлению и облегчению девушки, отец рассуждал более здраво. Он сказал, хоть и скрипя при этом зубами, что понимает, каково ей, и понимает, что она должна следовать зову сердца и отправиться в путь, чтобы решить, кто она на самом деле и каково ее место в этом мире. Кэтти-бри тогда еще подумала, как несвойственны такие глубокомысленные рассуждения Бренору, но теперь, глядя в лицо Дзирту, поняла, от кого они исходили. Теперь она была уверена, что дворф переговорил с ним между двумя встречами.

— Это он тебя послал, — обвинительным тоном сказала она дроу.

— Ты уезжаешь, и я тоже, — непринужденно ответил Дзирт.

— Ну не могу я провести остаток жизни в туннелях, — начала вдруг оправдываться Кэтти-бри, выдав тем самым, что чувствовала себя виноватой, решив уйти из дому. Она обвела глазами равнину, всматриваясь в далекий горизонт. — Там так много всего. Сердцем чую. Я это чувствую с тех самых пор, как Вульфгар... — Она вздохнула и взглянула на Дзирта, ища поддержки.

— А уж для меня там сколько всего, — с лукавой улыбкой произнес Дзирт.

Кэтти-бри бросила взгляд назад, на запад, где уже садилось солнце.

— Дни теперь короткие, — заметила она, — а дорога — долгая.

— Ее длина зависит только от тебя, — ответил Дзирт, и девушка снова посмотрела на него. — А дни могут длиться столько, сколько ты захочешь.

Кэтти-бри, не поняв, что он имеет в виду, бросила на него недоумевающий взгляд.

Дзирт, в предвкушении приключений, объяснил ей, широко улыбаясь:

— Один мой друг, старый слепой воин, как-то сказал мне, что, если упорно гнать лошадь на запад, солнце может не сесть никогда.

Не успел он договорить, как Кэтти-бри уже прищипорила лошадь и пустила ее вскачь по заиндевшей равнине на запад, туда, где лежали Несм и Широкая Скамья, а еще дальше — знаменитое Глубоководье и Побережье Мечей. Она низко пригнулась к шее бешено мчавшейся лошади, а за ее спиной громко хлопал плащ и развевался шлейф густых каштановых волос.

Дзирт открыл мешочек на поясе и посмотрел на ониковую фигурку. Разве можно мечтать о лучших спутниках, подумал он и, бросив прощальный взгляд на горы, на Мифрил Халл, где правил его друг, ударил пятками по бокам своего жеребца и пустил его в галоп, догоняя Кэтти-бри.

Вперед, на запад, где простирается большой мир и ждут новые приключения!

